Публичная
OCR
библиотека

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ПУТЕШЕСТВИЯ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
ФАНТАСТИКА

9

ЦЕНА
50 КОП

ВНИМАНИЮ

библиотек, фабкомов, культкомиссий, общественных и партийных организаций.

Комплектование рабочих библиотек является вопросом необычайной важности и серьезности. От книжного состава во многом зависит рост посещаемости библиотеки и интерес к ней. Случайное и бессистемное пополнение не есть комплектование.

Издательством „Земля и Фабрика“ **организован специальный Библиотечный Отдел.** Получая все новинки, Отдел фильтрует их, соответственно указателям, библиографическим журналам и рекомендательным спискам Моск. Библ. Об‘единений, и таким образом **облегчает подбор книг рядовому библиотекарю.**

Подбираются библиотеки следующих типов:

1. Художественная литература (беллетристика).
2. Основное ядро фабрично-заводской библиотеки по всем отделам.
3. Красные уголки.
4. Ленинские уголки.
5. Библиотека по профдвижению.
6. Библиотека по женскому вопросу.
7. Комсомольская библиотека.
8. Детская библиотека с пионерским уклоном.
9. Библиотека культработника.
10. Уголок „Безбожника“.
11. Уголок „Санпросвет“.

Кроме того, **ведется регулярное пополнение библиотек новинками** по требованию с мест.

Учитывая огромное значение **беллетристики**, как важного социального фактора, и зная насколько в этой области ощущаются пробелы, **Библиотечный Отдел собрал у себя все, что представляет социальную и художественную ценность** (социальная беллетристика и классики **всех издательств**).

ВЫПОЛНЕНИЕ В ТРЕХДНЕВНЫЙ СРОК!

ЗАКАЗЫ И ЗАПРОСЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва, Кузнецкий Мост, 13, **Изд-во „Земля и Фабрика“, Библиотечный Отдел.**

1926 № 9

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ

ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ФАНТАСТИКИ

(II-ой год издания)

СОДЕРЖАНИЕ:

Междупланетные Колумбы. Научно-фантастический рассказ конца века **И. Окстон.** — **Жемчужина Тахеу.** Рассказ **Де-Вэр-Стекпул.** — **Стальные браслеты.** Рассказ **Ирвинга Кобба.** — **На дне Атлантики.** Морской рассказ **Франка Стоктона.** — **В Малайских джунглях: Волшебная сеть.** Приключения американского траппера **Ч. Майера.** — **Приключения среди рыб.** Рассказы **Александра Сытина, А. Шубникова** и **Дж. Дункан.** — **Полярные следопыты: Первая и последняя экспедиции Амундсена.** — **Кино-охота на осьминогов.** Рассказ **И. Дельмонт.** — **Охота осенью.** Очерк **В. Сатинского.** — **Следопыт среди книг.** — **Обо всем и отовсюду.**

ИЗД-ВО „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА"
МОСКВА • 1926 • ЛЕНИНГРАД

ОТПЕЧАТАНО В ТИП. «ГУДОК»
УЛ. СТАНКЕВИЧА, Д. 7.
В КОЛИЧ. 35.000 ЭКЗ.
ГЛАВЛИТ № 68341

Научно-фантастический рассказ конца века **И. Окстон.**

Рисунки худ. **С. Лодыгина.**

Вступление.

Сопровождавшиеся великими географическими открытиями океанические плавания Колумба, Васко-де-Гамы, Магеллана, Кука, Гудзона и их соратников вместе с тем были великими историческими походами пытливой человеческой мысли для завоевания земного шара.

В эпоху «великих географических открытий» каждая пядь неведомой земли очень часто добывалась ценою крови, лишений и жестокой борьбы с природой.

За маленькими каравеллами Колумба, впервые переплывшими океан, в океанические воды вошли в последующие века быстроходные фрегаты морских наций, но только с изобретением и усовершенствованием паровой машины и парохода океан был покорен вполне.

Окончательно и прочно утвердившись на земном шаре, человек обратил свое внимание на соседние планеты. Плавание по междупланетному океану долгое время человеку не удавалось, и эпоха великих открытий в этом океане отделена от эпохи великих географических открытий многовековым промежутком времени. Но даже и теперь мы — лишь на пороге небесных пространств...

«Каравеллами» неба оказались эфиромобили, родившиеся от аэроплана; а в конце XX века, благодаря мощному развитию техники на почве рационального использования сил природы, мы уже имели мощные уранокорабли, бесстрашно рассекающие океан мирового пространства.

I. Несколько замечаний о соседних планетах.

Колумбы междупланетного океана водружали флаги лишь на необитаемых землях. Никто не оспаривал у пришельцев права на эти земли.

На Луне не было найдено никаких высокоорганизованных живых существ; не нашли ничего похожего и на следы человека. Никаких остатков исчезнувшей культуры, ни одного предмета, сделанного руками человека, ни одного черепа. Археологи и антропологи махнули на Луну рукой.

Но все же Луна оказалась не совсем мертвой планетой. На лунной почве, напоминающей почву самых бесплодных мест Земли, существовала своеобразная флора, биологически настолько несхожая с нашей, что ее с большой натяжкой можно было отнести к растительному царству. Луна, так сказать, целиком поступила в распоряжение геологов и ботаников.

Впрочем, эта фраза не совсем точно передает действительное положение вещей. Вообразите себе островок в океане, подверженный 360 дней в году жестоким налетам шторма, так что во все эти 360 дней никакое сообщение с островком и пребывание на нем человека невозможны. Понятно, что про такой островок нельзя сказать, что он поступил в чье-либо распоряжение... Люди, имеющие возможность посещать островок урывками, лишь пять дней в году, — вряд ли могут считаться хозяевами островка. А Луна, лишенная атмосферной оболочки и потому не защищенная от метеорных «дождей», находится в положении такого островка.

Истинным «Новым Светом» для нас оказались Марс и Венера. Вполне есте-

ственно, что из тесных пределов перенаселенной земли человеческие потоки хлынули на эти большие необитаемые земли. Я сказал: перенаселенной. Да, это уже давало себя чувствовать. И, однако, опасения Мальтуса не оправдались. Не пришлось принимать мер для урегулирования рождений, — в новых социальных условиях свободный человек, вооруженный мощной техникой, преодолел затруднения, пугавшие наших предков, и расширение обитаемой территории за счет соседних планет нужно отнести к выдающимся победам нашей науки.

Предки наши когда-то верили в существование марсиан и венузийцев *); они даже утверждали, что у марсиан более высокая культура, чем у жителей Земли, потому лишь, что Марс в геологическом смысле старше земли. И, однако, не марсиане прилетели к нам на землю, а мы достигли Марса!.. Впрочем, вероятно, было бы наоборот, если бы... марсиане существовали. Я, конечно, не говорю о теперешних марсианах — переселенцах с Земли.

За признак существования марсиан наши предки считали так называемые «каналы Марса». Теперь же открыты простые законы биомеханики, которые удовлетворительно об'ясняют не только образование кристаллов, но и происхождение каналов Марса. И мы хорошо знаем, что на Марсе обитают лишь растения и своеобразные животные регрессирующего типа.

На Венере нас поразили леса, более грандиозные, чем бывшие сильвасы Бразилии, и многочисленное животное население, среди которого есть и опасные для человека чудовища (не страшные, однако, для нас, вооруженных слишком хорошо, чтобы бояться животных), и человекообразные обезьяны, способные в эволюционном процессе выделить ветвь человекоподобных существ; но наши ученые категорически утверждают, что в солнечной системе не осталось больше времени для развития нового человеческого типа.

Итак, мы, жители Земли, — единственные люди в известной нам области солнечной системы! В старину ученый А. Уоллес доказывал, что человек — явление во вселенной случайное, что Земля — единственный уголок вселенной, населенный разумными существами. Современные ученые, как и многие из прежних, не рискуют опровергать возможности обитаемости других звездных систем. Если «Земля — Человек»— редчайшая во всей вселенной комбинация, то все же, во всем мировом пространстве могут быть и еще такие же комбинации.

*) Жители Венеры.

II. Доктор Алоэс собирается лететь на Марс.

— Итак, вы сегодня отлетаете на Марс?

— Да, я командирован Медицинским Обществом для изучения появившейся среди переселенцев на Марсе странной психической болезни, угрожающей распространиться и на Земле. Ведь у нас было уже несколько случаев ее... Последний случай прямо ужасный: прибывший с Марса агроном зарубил несколько человек...

Беседовавшие между собой доктор Алоэс и его приятель, магистр химии Оппель сидели на террасе пригородного отеля, куда они зашли подкрепиться завтраком после небольшой прогулки на воздушных мотоциклетках. Доктор Алоэс казался очень молодым для своих шестидесяти пяти лет: операция омоложения по новейшей системе норвежского ученого Альгейма имела блестящий успех.

Химик Оппель, почти одних лет с ним, выглядел совершенным стариком. Он не видел никакой необходимости удлинить свою жизнь, хотя и не проявлял торопливости умереть. На совет друзей омолодиться, Оппель обычно отговаривался, что он привык к инфра-атомному масштабу времени, и считает, что тех ста квадриллионов лет, которые ему осталось прожить, для него вполне достаточно.

— Мы просидели уже пятьдесят миллиардов лет на этом балконе. Не пора ли подумать о возвращении домой! — проговорил Оппель, смотря на часы.

— Вы неисправимый инфра-атомист,—сказал доктор Алоэс, закуривая сигару. — А вот я предпочитаю масштабы времени супра-мира, и думаю, что нам ровно ничего не стоит просидеть

здесь еще полчаса по земному времени. Ведь это выйдет только одна квадрилльонная часть секунды, по счету жителя супра-мира *)!

— Ваш взгляд на все с точки зрения супра-мира ужасен,—вздохнул химик.— Если Млечный Путь только молекула, Солнце — центральное ядро атома, а Земля — электрон, то что представляете из себя вы сами? И не окажется ли ваша жизнь слишком ничтожной по времени, — какая-то крохотная доля секунды?! **) Стоит ли тогда омолаживаться, чтобы к этой крохотной доле секунды прибавить еще полстолька!.. Право, мне больше смысла омолодиться, чем вам: я сразу выиграю этап с сотню квадриллионов лет!

— Не будем спорить об относительности, — возразил доктор. — А, между прочим, я думаю, что последнее изобретение Добля даст нам возможность удлинить минуту в час. В сущности простая штука: ускорение работы мозговых клеток путем воздействия на них особыми лучами. Но я боюсь, что не сумею в одну минуту выслушать тридцать больных, и практического толка от этих лучей пока не вижу.

— А я думаю,—сказал химик, — что психологическое изменение времени повлечет и соответственное изменение физических скоростей, и свою обычную двухчасовую лекцию я прочту в две минуты!

— Но, что разберут ваши слушатели в этом потоке слов, который прожужжит в ваших устах на подобие пропеллера?

— Как!.. Ведь, ясно, что и лектор и слушатели в чувственном отношении должны находиться в контакте.

Внезапно раздавшееся жужжание привлекло внимание обоих собеседников. Большой эфиромобиль—корабль междупланетного моря — быстро проплыл в воздухе.

— Это «Уранолит»,—сказал доктор.— Он вернулся с Марса. Летим на аэродром, послушаем, какие новости он привез. Кстати, не завез ли он опять больных...

Доктор и его спутник сели в свои авиэтки и полетели к пристани «Общества Междупланетных Сообщений».

III. Прилет уранокорабля.

На аэродроме доктор и его спутник застали большую толпу, собравшуюся для встречи эфиромобиля. На этот раз главное внимание присутствующих было обращено на железную клетку, в которой сидело какое-то внушительных размеров ракообразное, несколько напоминавшее японского краба. Животное медленно передвигалось по клетке и по временам угрожающе хваталось за железные прутья своими уродливыми клешнями.

— Это, друзья, марсовый человек,— сказал стоявший у клетки натуралист, только что прибывший с Марса. Слова его были обращены к доктору Алоэсу и химику Оппелю, которых он заметил в толпе.

Присутствовавшие недоверчиво косились на клетку с чудовищем.

— Ну, уж и человек! — послышался чей-то иронический возглас. — Это просто краб.

— И притом, кажется, сухопутный. Иначе, как бы он мог вынести путешествие без воды?

— Это — высшая форма живого существа на Марсе, — продолжал натуралист. — Следовательно, этот краб является, так сказать, человеком Марса.

— Да ведь он, наверное, глупее курицы! — сказала, смеясь, какая-то девушка.

— И злее скорпиона, — отозвалась ее подруга.

---

*) Существует вполне обоснованная научно гипотеза о «супра-мире» и «инфра-мире». По этой гипотезе видимая человеком звездная вселенная представляет молекулу материи высшего порядка — «супра-мира». Молекулы же осязаемого нами вещества суть вселенные, построенные из материи низшего порядка («инфра-мир»).

Время в этих мирах течет различно. Одна секунда нашего времени приблизительно равна двадцати миллионам лет «низшего мира». Зато целый геологический период земного шара исчисляется какой-нибудь секундой «высшего мира».

Аналогия между солнечной системой и системой атома доказывается математически.

**) См. об этом в отделе «Следопыт среди книг», в заметке «Мир в стеклянном шаре» (о книге А. Р. Беляева — «Голова профессора Доуэля»).

В этот момент крабообразный марсианин издал оглушительный протяжный свист. Публика в страхе шарахнулась от клетки.

— Если научить его свистать во-время, — заметил Оппель, — то можно использовать его в качестве какого-нибудь сигнального гудка. Ведь такой свисток слышен по крайней мере за десять километров.

— Это — марсовый человек, — сказал стоявший у клетки натуралист зрителям.

Когда клетку с курьезным крабом увезли, публика начала постепенно расходиться. Доктор погрузился в свои размышления и почти не заметил, как Оппель, простившись с ним, исчез с пристани.

Несмотря на то, что прошло уже два года со дня первого полета на Марс и пять лет со времени «открытия» Луны, и межпланетные путешествия стали обыденным явлением, доктор не переставал изумляться этому новому достижению человеческого гения и любил по-мальчишески глазеть на «небесный» корабль.

Кальтос, нашедший способ добывать энергию для технических целей путем взрыва атома *), несомненно, величайший гений человечества. Во сколько раз увеличилась мощь человека с тех пор, как он научился извлекать из одного кубического сантиметра вещества силу, достаточную для того, чтобы провести вокруг земли десять груженых поездов! Проникновение в тайны строения вещества дало человеку такую власть над природой, о которой ранее он мог только грезить.

Изумительный двигатель, в котором сила взрыва одного кубического миллиметра вещества способна бросить ядро на луну, дал возможность наладить правильные междупланетные рейсы. Так некогда прототип «атомного» мотора, двигатель, действующий энергией горючих жидкостей, дал человеку власть над атмосферой. Позже воздушные корабли, летающие по принципу ракеты, превратились в мощные уранокорабли, рассчитанные на космические скорости.

Лучезарная цепь, каждое звено которой — новая победа над пространством!

IV. Эфиромобиль «Уранолит» отходит на Марс в 8 ч. 15 м.

Доктор Алоэс взглянул на часы. Осталось ровно полчаса до отлета. На корабль, опять собравший вокруг себя большую толпу зевак, спешно догружали разные предметы, отправляемые марсианам. Пока люки корабля были не заперты, публика свободно расхаживала взад и вперед, осматривая внутренность космического судна.

Не слишком просторные каюты были рассчитаны на непродолжительный полет, который от Земли до Марса около вре-

*) Об атоме и его строении, о разрушении (распаде) атома и об атомной энергии — см. в книге Ф. В. Астон — И. Штарк — В. Коссель «Природа химических сил сродства», стр. 25—34 и др. Изд-во «Земля и Фабрика». Стр. 96. Цена 60 коп.

мени противостояния *) длится не более четырех суток, т.-е. на трое суток дольше кругосветного полета на современных аэропланах спортивного типа. Если бы при межпланетном полете пришлось преодолевать сопротивление воздуха, то продолжительность полета на Марс на космическом судне возросла бы до десяти месяцев!

Пассажиры эфирокорабля могут не бояться, что воздух в каютах испортится. Необходимое количество воздуха вырабатывается специальным аппаратом на корабле, а на стене каюты даже висят скафандры **) с «дыхательным» аппаратом. Эти скафандры необходимы, например, при посещении Луны и могут пригодиться в случае исчезновения воздуха из каюты.

— Доктор, надолго едете на Марс?

С этим вопросом к Алоэсу обратился вошедший в каюту инженер Горн. Доктор заметно обрадовался такому спутнику.

— Селенит! — произнес доктор, пожимая руку Горну. — Ведь, вы, кажется, только вчера прилетели с Луны, а сегодня уже пускаетесь на Марс. Однако, и носит же вас!

— Я сам едва верю, что это так, — сказал инженер. — Ведь, мне чуть не пришлось улечься трупом на лунную почву.

— Что же там случилось?

— Попали под дождь уранолитов. Славный был дождичек! Камни весом в несколько килограммов с полчаса барабанили почву вокруг нас. В силу простой случайности ни в нас, ни в наше судно не попала ни одна пуля из небесного пулемета. Один камешек, с кулак величиной, стукнулся у моих ног, и, будь на Луне воздух, я получил бы смертельную контузию!

— И какого чорта вам нужно на этой мертвой планете, к тому же подверженной таким бомардировкам?

— Вы же знаете, сколько на Луне драгоценного для нашей техники металла, дюр-селения. Ради этого металла мы уже имеем там солидное кладбище погибших судов и людей. Да, приходится жалеть, что Луна не защищена атмосферной кольчугой от метеорной пальбы. Сносного времени для посещения Луны наберется всего с пяток дней в году.

— Нет, я никогда не поеду на безвоздушную планету, — сказал доктор Алоэс. — Во-первых, уже ходить в этих дурацких кислородных колпаках — чего стоит! А еще эти глупые камни...

— Попасть под шальной аэролит вы рискуете и на Марсе, — сказал инженер. — Там атмосферная оболочка меньшей плотности и высоты, чем у нас, и небесные камни долетают до поверхности планеты гораздо чаще, чем на Земле. Среди переселенцев уже есть убитые.

— Вот как, — заметил доктор. —Гм, я уже начинаю раскаиваться, что еду на Марс, а не на Венеру. На Венере, кажется, воздуха еще больше, чем у нас.

— Однако, вы дорожите своей жизнью, — засмеялся инженер.

— Я предпочитаю умереть от любой заразной болезни, работая около больных. А быть убитым камнем, как собака, — извините, это мне не улыбается.

В восемь часов были заперты и завинчены все люки, и внутренность «Уранолита» была разобщена с внешним миром. А через пятнадцать минут до слуха пассажиров, разместившихся в каютах, донеслось низкое гудение...

Доктор Алоэс взглянул в иллюминатор — земля поплыла вниз. Находившиеся в эфиромобиле превратились в странников мирового пространства.

V. В каюте пассажиров.

«У себя дома я не тот, что на городской площади, а на площади иной, чем на палубе морского парохода». — Отметивший эту способность личности человека изменяться в зависимости от окружающей обстановки — совершенно прав», — подумал доктор Алоэс и тотчас же сообщил свои мысли инженеру Горну.

— У межпланетного путешественника своеобразная психология, — сказал инженер. — Отпадают многие масштабы

*) Противостоянием называется момент, когда внешняя планета (т.-е. находящаяся за орбитой Земли) находится на продолжении линии Солнце—Земля. В это время — максимум ее приближения к Земле.

**) Так называются колпаки, надеваемые на голову водолазами.

земных суждений, ощущается какой-то странный порадокс времени: очевидно, пройденные тысячи миль в минуту не могут не отразиться на нашем восприятии этой минуты. Да, только находясь в межпланетном пространстве, я очень реально ощущаю сущность теории Брамбона и его предшественников.

— Возможно, что эти мыслители наделены в большей степени космическими ощущениями, чем остальные люди, оттого у них и появились эти теории.

— К этой же группе людей относятся математики Пуанкаре, Лобачевский и современный Астагов, с зачатками иного мировосприятия. Проблемы неэвклидовой геометрии и загадка четвертого измерения, я думаю, будут постигнуты до конца только на практике — в путешествиях по мировому пространству...

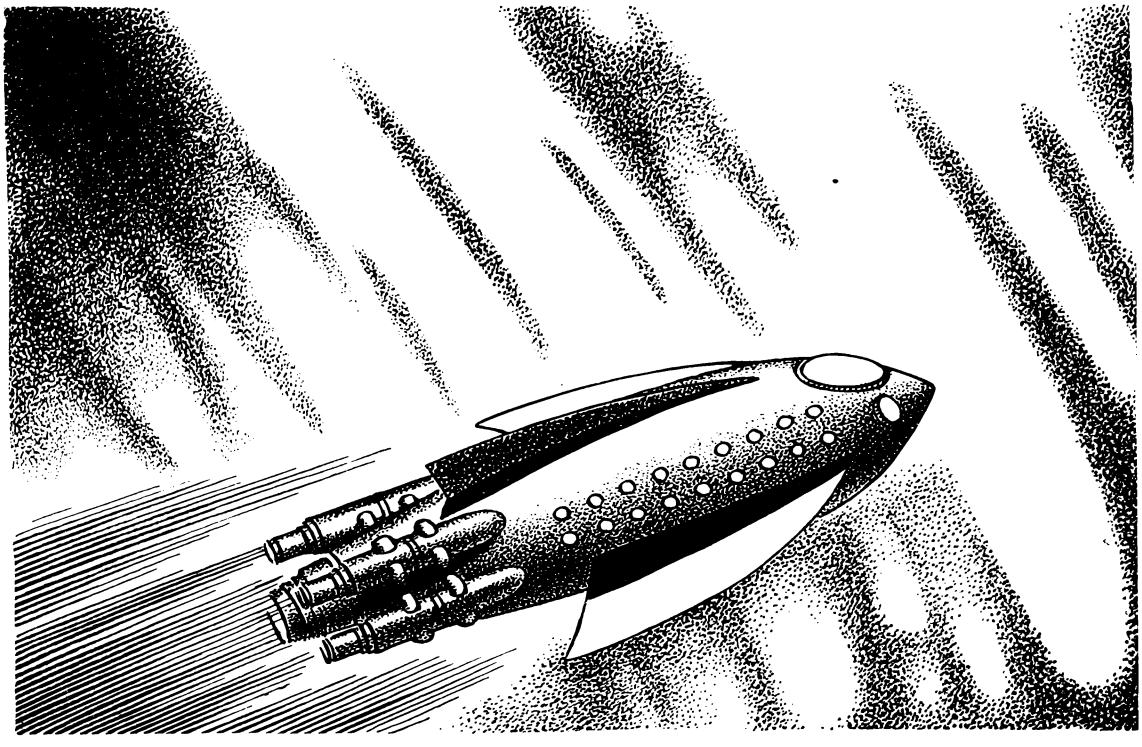
Появление звезд на небе означало, что эфирокорабль покидал пределы земной атмосферы. Площадь окон была сужена, и в каюте стало полутемно; но не успел доктор выразить своего неудовольствия, как круглый шар с потолка каюты заблестел и равномерно осветил всю каюту белым светом. Новое электричество, добываемое путем расщепления атома триодонита, уже почти везде вытеснило старое электрическое освещение.

Пассажиры облеклись в особые плащи, прикрепленные к сиденьям, чтобы прочнее чувствовать себя на своих местах при ослаблении тяготения к ближайшей планете.

Мелодичные звуки радиоконцерта, получаемые с Земли, и последние радионовости с Земли, Марса и Венеры значительно разнообразили времяпрепровождение пассажиров.

VI. Среди небесных рифов.

В передней части капитанской рубки, у аппарата, заведующего системой управления кораблем, и сигнализатора, сообщающегося с машинным отделением, помещался испытанный урано-пилот, капитан Эвр, со своим помощником. На возвышении, ближе к верхней части рубки, сидел телескопист, наблюдавший путь в зрительные трубы разной мощности и



Эфиромобиль «Уранолит» попал в поток метеоритов.

сообщавший о своих наблюдениях математику Гаспару: этот последний все время делал вычисления, пользуясь специальными таблицами и поминутно справляясь с хронометром. Капитан вел небесный корабль в строгом соответствии с указаниями математика.

Математик Гаспар отнюдь не походил на человека, высушенного напряженной умственной работой. Это был крепкого сложения человек, хороший товарищ, хотя и несколько замкнутого характера. Впрочем, во внеслужебное время он был способен оживляться.

— WZ — t, n — 35 — p, 2.

Таков был очередной сигнал математика капитану Эвру.

Капитан прочел эти знаки и нажал на один из рулей, смотря в сторону указателя.

— WZ — t, n — 38 — p.

Капитан опять нажал на руль. Стрелка указателя подвинулась на три деления.

Математик Гаспар скользнул взглядом по широкой спине капитана и чуть заметно усмехнулся. Телескопист, не интересуясь сигналами математика, продолжал свои наблюдения.

— Уранолит! — произнес он громко и дал несколько сведений математику.

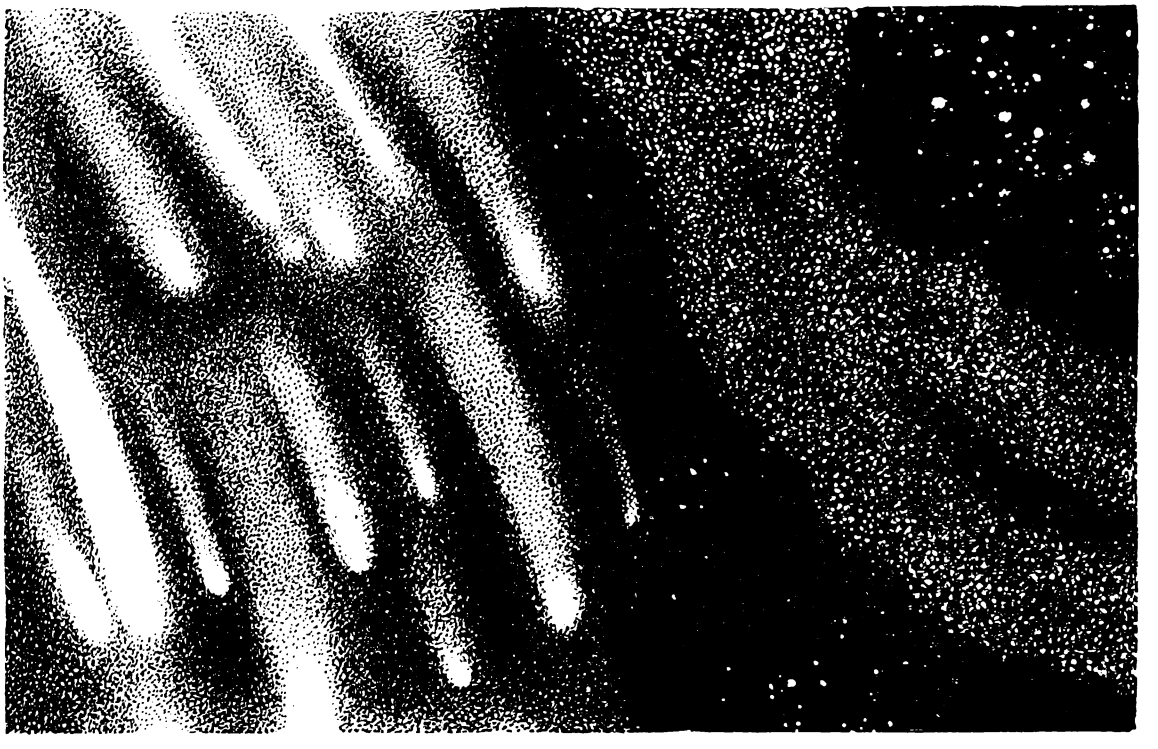
Впереди показалась светящаяся точка, которая быстро выросла в целую глыбу, стремительно летящую в пространстве. Столкновение с ней превратило бы эфирокорабль в груду обломков.

Соответственно изменив курс корабля, капитан уклонился от опасной встречи.

— Осколок какой-то планеты, — сказал капитан. — И знаете! Он движется не вокруг солнца, а вокруг земли. Это должно быть тот самый «спутник Земли», о котором сообщал капитан эфиромобиля «Радиант». Теперь-то мы имеем возможность вычислить его орбиту, чтобы раз навсегда избежать столкновения.

— А не осколок ли это распавшейся кометы Биэлы, попавший в сферу тяготения земли? — заметил телескопист.— Ведь метеорный рой, прошедший за час до нашего появления в этом месте, относится к биэлидам.

Математик пожал плечами с таким видом, как бы хотел сказать: «Не все ли



Столкновение казалось неизбежным...

равно, — важно точно знать орбиту и время появления метеоров на фарватере, а остальное — романтика».

Получив радиограмму очередного сигнала от эфиромобиля-разведчика, математик Гаспар быстро пробежал ее и опять усмехнулся. Он взглянул на телескописта, — тот продолжал беспрестанно наблюдать.

— WZ — t, n — 40 —...

Капитан нажал рычаг, но на этот раз он оглянулся вопросительно на математика. Однако, прежде чем он успел что-либо сказать, прозвучал тревожный голос телескописта:

— Поток уранолитов!

Метеоры являются страшными «подводными камнями» для междупланетных кораблей. В отличие от морских подводных камней, сидящих неподвижно и обозначенных на морских картах, рифы межпланетного океана стремительно перемещаются, а навигационная карта эфироплавателей изменяется каждый час.

Пожалуй, метеоры уместнее сравнить с айсбергами, ледяными горами полярного океана, когда-то представлявшими для наших океанских пароходов серьезную опасность. В морской летописи фигурирует, как ужаснейшее несчастье на море, гибель парохода трансатлантической линии, «Титаника», натолкнувшегося на ледяную гору.

Если бы пассажирский эфиромобиль рискнул лететь, не считаясь с радиосигналами разведчиков, изучающих пространство, — он на пути мог бы столкнуться с потоком метеоритов, несущимся ему наперерез со скоростью пятнадцати километров в секунду, и подвергся бы бомбардированию каменных ядер, любое из которых пробило бы корпус корабля. А ведь многие из этих ядер достигают нескольких тонн веса!

С эфиромобиля метеориты наблюдаются в виде бегущих в пространстве светящихся точек. Самые маленькие метеориты ускользают из поля зрения небесных сторожей и представляют для эфирокорабля совершенно непредвиденную опасность.

Не мало погибло уранокораблей от столкновения с метеорами, от порчи машин и т. д. прежде, чем удалось наладить регулярные, более или менее безопасные рейсы между Землей и Марсом и между Землей и Венерой. В настоящее время умы ученых заняты изобретением чувствительного прибора, показывающего приближение даже мелких аэролитов, но пока этого прибора еще нет, и от роковой встречи с «пушечным ядром неба» не избавлен ни один эфирокорабль.

VII. Человек-планета.

— Дьявольщина! — произнес капитан Эвр.—Этот случайный поток уранолитов, кажется, не предвещает ничего хорошего... Но странно, что мы встретили его именно здесь. Верно ли, Гаспар, вы прочли радиосигналы?

Вместо ответа математик улыбнулся странной улыбкой, слегка оскалив зубы.

Капитан Эвр посмотрел на него с недоумением. Как! Этот холодный, серьезный человек, никогда прежде не улыбавшийся, смеется в такую ответственную минуту?

Показания телескописта становились все тревожнее. Число светящихся точек впереди возрастало, а два или три метеорита пронеслись позади корабля. Это было угрожающим сигналом: значит, уранокорабль попал в самый поток!

Когда впереди число светящихся точек увеличилось и вместе с этим возрасла опасность столкновения, капитан Эвр решительным поворотом руля направил уранокорабль по течению метеоров. Выждав, когда группа метеоритов обгонит корабль, можно было опять изменить курс и пересечь орбиту метеорного потока.

Странная груда обломков настигла корабль и быстро обгоняла его...

Это были остатки уранокорабля, погибшего полтора года тому назад в столкновении с метеорным роем. Эфиромобиль «Радиант», шедший с Марса, был атакован метеорами и не долетел до Земли. От страшного удара каменной глыбы он разлетелся вдребезги, и образовавшаяся груда обломков была обречена, быть может, на вечное кружение вокруг солнца.

Возле главного обломка кружились мелкие, на подобие спутников. Это была маленькая система, заброшенная в пу-

стыню мирового пространства, существующая, повидимому, без всякого смысла и цели...

Телескопист, направивший на эту груду обломков одну из своих труб, сказал, подавляя волнение:

— Я вижу труп человека... Он, вместе с другими обломками, совершает вращательное движение вокруг центрального обломка. Это, конечно, человек из экипажа «Радианта».

— А больше людей не видать?— задал вопрос капитан Эвр, тоже взволнованный.

— Нет.

Очевидно, остальные люди во время страшного столкновения уранокорабля с метеором превратились в бесформенные массы... Этот же труп каким-то образом остался неразрушенным и носится теперь в безвоздушном пространстве при страшном холоде, без возможности когда-либо разложиться!

Не исключена возможность, что труп попадет в сферу притяжения какой-либо планеты, например, Земли, с громадной скоростью устремится к ней, врежется в ее атмосферу, и... если это произойдет ночью, обитатели Земли увидят на небе огненную змейку падучей звезды. И никому не придет в голову, что это в верхних слоях атмосферы сгорел труп человека!

Странное летящее кладбище быстро промчалось мимо эфирокорабля, как грозное предостережение путешественникам межпланетного моря. И таких кладбищ уже немало в бездне мирового пространства! Не мало погибло кораблей в первую пору небесной авиации, и обломки их, присоединившись к остаткам погибших планет, вместе с ними совершают вечный полет в пространстве.

VIII. Гаспар пытается догнать комету.

Глядя на улыбающегося математика, давшего новый сигнал, капитан Эвр внезапно проникся страшным подозрением. Он почувствовал, как зашевелились волосы у него на голове.

— Гаспар, вы здоровы?—произнес он дрогнувшим голосом.

Ответом был громкий хохот математика, обычно не расточавшего даже улыбок. Он никогда прежде не держался так странно.

— Капитан Эвр!—проговорил Гаспар дико звучавшим голосом: — мы скоро прилетим на комету Галлея! Это гораздо интереснее, чем лететь на Марс. Мы сейчас идем орбитой Галлеевой кометы.

Теперь всем стало понятно, почему вокруг летало такое множество метеоритов: обходя, якобы, опасные места по указаниям математика, «Уранолит» в действительности попал в гущу Галлеева роя, совершающего путь вокруг солнца по орбите кометы с тем же именем.

Не считаясь больше с указаниями математика, капитан Эвр по собственному усмотрению изменил курс корабля, чтобы попытаться как можно скорее вывести его из опасного места. Но едва он повернул руль, как послышался дикий возглас математика:

— Не сметь сворачивать! Мы должны ехать на комету!

И, видя, что капитан не слушает этого дикого приказа, Гаспар выхватил из кармана револьвер и выстрелил в капитана в упор. Вторым выстрелом был уложен его помощник, только что вернувшийся в рубку из каюты. Телескопист соскользнул с возвышения и бросился на Гаспара, пытаясь вырвать у него оружие.

— Что вы сделали, несчастный!—закричал он, обхватывая мощную фигуру математика. Гаспар с пеною у рта и безумным выражением глаз, яростно защищался и, благодаря своему физическому превосходству, смял телескописта под себя. Последний однако успел отобрать у Гаспара револьвер, но не решался выстрелить в своего безумного противника. Это малодушие телескописта погубило все. Гаспару удалось опять вырвать из его рук оружие, и в рубке прозвучал третий выстрел. С ужасной улыбкой подошел Гаспар к рулю и овладел аппаратом управления.

IX. Доктор Алоэс приступает к работе.

Никто не заглядывал в рубку. В машинном отделении попрежнему сдержанно шумели динамо-машины, вырабатывающие атомную энергию. Машинист

дремал, давно не получая никаких сигналов, а его помощник мирно спал рядом. Пассажиры частью спали, частью наблюдали в иллюминатор за светлыми точками метеоров.

В это время Гаспар, ослабевший после припадка, хрипел возле руля, а небесный корабль, ни кем не управляемый, с чудовищной быстротой мчался вперед, не обращая никакого внимания на метеориты.

Очнувшись от сна, инженер Горн взглянул в иллюминатор и увидал вдали красное пятно Марса, находившееся под прямым углом к курсу корабля. Инженер недоумевающе пожал плечами.

Прошло около часа, и Марс очутился почти позади корабля. Тогда инженер уже не смог больше сидеть спокойно и разбудил доктора Алоэса.

— Разве уже Марс?—мычал доктор спросонья.

— Мы, очевидно, никогда до него не долетим!—сказал инженер Горн с досадой. — Или мы уже проехали. Смотрите!

— Что это значит?—удивился с свою очередь доктор.

— Пойду спрошу капитана,—сказал инженер и направился к рубке, перебирая руками «ходильный» шнур.

Через минуту он снова вернулся в каюту. По его взволнованному лицу доктор понял, что произошло что-то необыкновенное. Доктор неторопливо высвободился из своего плаща и направился вслед за инженером, сообщившим, что на корабле произошла какая-то ужасная драма.

При виде раненых к доктору тотчас же вернулось профессиональное хладнокровие, и он спокойно принялся за свои обязанности.

— Математик Гаспар жив,—сказал доктор,—и он даже не ранен. У него просто обморок. У телескописта серьезное ранение, но, кажется, его можно будет спасти. Что касается капитана Эвра и помощника, то... моя помощь им больше не нужна!

Между тем, математик Гаспар пришел в себя и, полуоткрыв свои помутневшие глаза, что-то забормотал о комете Галлея. Лежавший около него револьвер был своевременно подобран инженером. Осмотрев еще раз Гаспара, доктор проговорил:

— Он болен этой ужасной марсовой болезнью! Нет сомнения, что он совершил убийства в припадке безумия.

— Прекрасный случай для начала вашей практики, — сказал инженер, усмехаясь.—Ведь вы поехали на Марс специально для изучения этой болезни!

Несчастного математика, пытавшегося опять начать буйство, пришлось связать и отнести в одну из кают. Приведенный в себя тяжело раненый телескопист еще нашел возможность сделать несколько полезных указаний машинисту, который оставив у машины своего помощника, занял место капитана.

Инженер Горн, кое-что понимающий в небесной авиации, также остался в рубке, чтобы помочь новому капитану вывести корабль на правильный путь. Доктор занялся больными, не задаваясь вопросом, что будет дальше и есть ли смысл лечить больных на корабле, почти обреченном на гибель в пучине мирового пространства.

Радиотелеграфист давал тревожные сигналы, на которые скоро последовал ответ от разведчика, находившегося где-то между Землей и Марсом... Благодаря указаниям разведчика, «Уранолиту» вскоре удалось попасть на большую межпланетную дорогу, почти чудом избежав столкновения с метеорами.

***

На Марс прибыли с опозданием на десять часов.

Ужасная драма на «Уранолите» послужила поводом к некоторым предохранительным мерам, на случай повторения такого происшествия. Прежде всего был усилен медицинский надзор за лицами командного состава на кораблях.

Доктор Алоэс, начавший изучение «марсовой болезни» с печального происшествия в эфиромобиле, благополучно проработал на Марсе около полугода и, вернувшись на Землю, сделал очень ценное сообщение об этой болезни членам Медицинского Общества.

Рассказ **Де-Вэр-Стэкпул.**

I. Покупатели жемчуга.

В Паумоту открывался сезон ловли жемчуга, и сотни скупщиков его ежедневно прибывали на архипелаг для торговли с туземцами.

Шкуна «Арефура» совершала свой долгий путь из лагуны Малии на атолл Тахеу, где она должна была выгрузить немца Вайзмана и француза Первиса, одного американца, четырех испанцев и одного грека; за исключением Первиса и Вайзмана, все ее пассажиры были закупщиками жемчуга.

Первис и Вайзман были компаньонами. Но встретились они всего три недели тому назад в Пепите, где Первис, с'емщик кинематографических картин, высадился на берег с украденной прожекторной камерой и двадцатью пятью сотнями футов бракованных кинематографических картин, потеря которых все еще оплакивалась в далекой Калифорнии продавцом сенсационных фильм.

Вайзману были уже знакомы местные условия жизни. Это был не первый его сезон ловли жемчуга. Два года тому назад у него в Тахеу была палатка с дешевым кондитерским товаром.

Ему повезло. Жемчужина, вымененная на сласти у одного молодого, неопытного канака, превосходила своей ценностью все его барыши за сезон.

Итак, эти джентльмены решили на этот сезон образовать своего рода фирму; условия вступления в нее отличались необычайной простотой и состояли лишь из нескольких пунктов.

Вайзман должен был доставить парусину для воздвигаемого из тряпок и палок театра и оплачивал дорогу в Тахеу, Первис давал картины, аппарат и знания спеца. Вайзман обязывался стоять у дверей и принимать плату в виде перламутровых раковин, или кокосовых орехов. Первис взял на себя обязанность демонстрировать картины, пока ему не удастся приучить к этому делу какого-нибудь мальчика-туземца.

Первый завтрак только что окончился, и компаньоны, сидевшие в носовой части шкуны в некотором расстоянии от остальных, занимались подсчетами и разрешением некоторых спорных вопросов.

— Ну-с, — заметил Первис, закрывая свою истрепанную записную книжку и беря новую папиросу,—если только какой-нибудь другой кинематограф не забредет в эту вашу старую лоханку, называемую атоллом, мы хорошо заработаем. Шесть раковин, мелкая жемчужина, или четыре кокосовых ореха; в среднем пятьдесят человек на каждом сеансе и шесть часов демонстрации в день; никаких налогов, ни трат на прислугу, только содержание одного мальчика, который будет вертеть аппаратом, когда я научу его этому. Да, мы должны иметь удачу.

Единственно, что мне не по нутру, это наши картины. Когда я хорошенько рассмотрел их, мне захотелось бросить их в бухту, но тут я встретился с вами. Особенно смущает меня то, что их уж очень мало. Пять минут ковбойской истории, затем девушка на мотоциклетке, которую преследует артиллерист на быстроходном автомобиле, за ней проделки Чарли Чаплина и, наконец, Мутт, сажающий Джеффа в бочку с патокой. Этого не так уж много, и, кроме того, не будет цельности впечатлений.

— Не беспокойтесь об этом,—спокойно возразил Вайзман.—Ведь это картины, так ведь? И при том кино-фильмы, так ведь? Ну, так чего вам еще нужно? Вы заставите канаков таращить глаза, пока я буду знакомиться с содержанием их карманов, и нечего вам забивать себе голову фантазиями о высоком искусстве и цельности впечатлений. Наше дело — жемчуг. Жемчуг, говорю я,—и нам надо бороться с господами, вроде вот этого.

Он указал на грека Миланти, который только что вышел на палубу, вытирая лицо красным шелковым платком.

— Вот такие-то знают где раки зимуют, и могут нам свинью подложить,— заметил он.

— Каким же это образом?—спросил Первис.

— Да вот как,—ответил ему компаньон.—Молодчик, вроде Миланти, приезжает на какой-нибудь атолл, скажем хоть на Тахеу, начинает разнюхивать и наблюдать и, наконец, выбирает пару лучших ловцов жемчуга из туземцев. Он не дает в долг денег, потому что в деньгах мало толку в таком месте, как Тахеу, а попросту принимается продавать им в кредит разный хлам: игрушечные часы, десятицентовые граммофоны, шелковые сорочки, брилльянты с северного полюса и вообще всякую мерзость, которую вы только сможете придумать. Он приезжает сюда сезон за сезоном и настолько запутывает своих ловцов жемчуга, что они у него в долгу от шкуры до души.

— Так, так,—согласился Первис, — именно таков этот Миланти. И, мне кажется, Билли Вайзман, эти торговцы так хорошо сняли здесь все сливки, что их уже ни для кого не осталось, по крайней мере, их не осталось для таких, как мы с вами. Я могу прозакладывать полный зрительный зал против лопнувшего прожектора, что мы ничего не выгадаем в Тахеу, раз тут шатаются подобного рода типы. По моему, нам следует притаиться, работать с нашим кинематографом для отвода глаз, но не упускать из вида суб'ектов вроде Миланти, а затем налететь на одного из них и отнять все, им накраденное.

— Я вовсе не желаю попасться в уголовщине, благодарю вас покорно,—отвечал Вайзман.

II. Жан Франсуа Калабасс.

В полдень показались едва заметные с палубы смутные очертания пальмовых верхушек над далеким горизонтом. Это был Тахеу.

Два часа спустя, вместе с приливом, «Арефура» вошла в обширную и спокойную, как внутреннее море, лагуну, с северным берегом, терявшимся в синеве горизонта. Белый, как соль, пляж окаймлялся рощицами хлебных деревьев и кокосовых пальм; между стволами их мелькали соломенные крыши деревни.

Направляя дешевый театральный бинокль на покрытый густой толпою берег, Первис продолжал разговаривать через плечо с Билли Вайзманом.

— Поскольку я вижу, здесь нет ни одного кинематографа,—заметил он,—но по виду публика здесь самая жалкая, пригодная только для галерки. Тут больше детей, чем женщин, и больше женщин, чем мужчин.

Он передал своему товарищу бинокль в ту самую минуту, когда грохот якорной цепи «Арефуры» разбудил эхо рощ Тахеу, и в первой же лодке компаньоны отправились на берег.

У обоих мужчин были в руках мешки. Остальной их багаж необходимо было выгрузить до наступления темноты, и они теперь отыскивали место, где можно было бы расположиться; гостиницей им должна была служить расставленная палатка кинематографа.

—А вот и подходящее место,—сказал Первис, когда они подошли к просеке возле врезавшейся в лесок бухты,—лучшего ничего нельзя было бы и придумать. Давайте измерим его.

Во время обмера компаньоны заметили, что к ним подошел старик, вышедший из маленькой, покрытой пальмовыми листьями хижины, стоявшей в восточном конце просеки.

— Пятьдесят один фут, — закричал Первис.—Достаточно, да еще с излишком; ну, теперь повернитесь, чтобы измерить боковое пространство. Алло,—он повернул голову в том направлении, где как раз за его спиной стоял старик.— Алло, отец, и откуда это тебя сюда ветер занес?

— Извиняюсь, сэр, — ответил вновь пришедший, в котором с первого взгляда можно было разглядеть белокожего, да и к тому же француза.—Мое имя Жан Франсуа Калабасс, и это моя земля. Зачем вам понадобилось измерять мою землю?

— Вашу землю?—удивился Первис.

— Да, сэр, мне принадлежит вся эта земля, включая мой дом.

Первис посмотрел на Жана Франсуа Калабасс, белокожего, но, благодаря многим годам, проведенным на атолле, почти превратившегося в туземца; на его бедную, хотя чистую и старательно вычиненную одежду; посмотрел на его нос, уличавший в нем алкоголика, на его дрожащие руки и блуждающие глаза и... кое-что смекнул.

Первис сразу оживился и принялся знаками что-то об'яснять ему, но Жан только покачал головой. Первис усмехнулся, подошел к своему мешку и вытащил бутылку. Жан вторично заявил, что не допустит никаких зрелищ в таком близком соседстве со своим жилищем, но не отказался выпить стаканчик. После этого он отправился домой за тремя оловянными чашками, и они выпили все вместе. Не прошло и часа, как Жан уже сдал в аренду свой участок за постоянное бесплатное место в театре и два доллара в неделю, каковая плата должна была вноситься авансом.

— Но вы не должны ничего говорить моей дочке об этих деньгах, — сказал Жан, помогая остальным допить бутылку убийственной шнейдемановской водки.

III. Флотилия ловцов жемчуга.

Днем, когда «Арефура» вошла на всех парусах в лагуну, флотилия искателей жемчуга прекратила на короткое время свою работу. Мужчины и женщины курили папиросы, болтали, смеялись и перекликались с соседними пирогами. При виде шкуны все смолкли, папиросы и бананы оказались позабытыми, и глаза всех устремились на нее, когда она плавно подошла со слабо натянутыми парусами и рулем, повернутым на штирборт.

Когда грохот якорной цепи разнесся по воде, языки развязались, и дочь Жана Калабасс, Амама, стоявшая возле своего товарища по ловле жемчуга Дамеа, уныло свистнула сквозь зубы.

Амама была прекрасна красотой потомков, происходивших от двух разных рас, прекрасна и смугла и еще почти ребенок; теперь уже окончилось два сезона, как она ловила жемчуг вместе с Дамеа. Дамеа был так же молод, как и она, он был сын туземки и испанца Джуан Ложу, умершего от той же болезни, которая в настоящее время убивала Жана Франсуа Калабасс, отца Амамы. Она знала Дамеа с самого раннего возраста, они выросли вместе, играли вместе, стали неразлучными; это была коммуна из двух человек, с Дамеа в роли вожака и Амамой в роли последовательницы. Они жили, точно брат и сестра, но никогда не ссорились, хотя у Дамеа был нрав горячий, как пламя, и острый, как меч.

Единственное наследство, которое оставили Дамеа его родители, была пирога и право ловли жемчуга. Амама присоединилась к нему в качестве компаньона по ловле и в течение последних двух сезонов сторожила пирогу, пока он нырял, помогала ему справляться с лодкой, чистить и прибирать раковины. За это время они нашли три крупных жемчужины, не говоря о мелочах, жемчужинах уродливой формы и раковинах. Им необычайно везло, и их улов был целым состоянием для Миланти, так как он с первого взгляда распознал в Дамеа хорошего водолаза и простодушного малого и принялся действовать согласно этому. Жемчуг и раковины — все переходило в руки Миланти в обмен на коробки карамелек и сигар, бусы для Амамы, шелковые сорочки, — и в результате Дамеа еще оказался в долгу, в тяжелом долгу, по словам Миланти.

Не удивительно, что появление «Арефуры» заставило Амаму печально свистнуть сквозь зубы. Амама обладала более практическим умом, чем Дамеа, ей не нужны были раз'яснения друзей и соседей, чтобы понять, что Дамеа «надувают», и она умудрилась в прошлый мертвый сезон открыть глаза своему другу.

Но в этом было мало толку, в виду того, что счета Миланти на поставленный товар, пересланные почтовым судном до начала настоящего сезона, показы-

вали, что за Дамеа числилось не менее трехсот долларов.

— Он должен был приехать на этом корабле, — сказал Дамеа на местном наречии. — Он будет ждать нас по окончании ловли.

— Миланти,—повторила Амама,—ах, этот Миланти! — Глаза ее гневно засверкали. Она тяжело перевела дух и собиралась уже вслух излить свои чувства, когда громкий крик заставил ее окаменеть на месте.

— Тарана! Тарана! (Раковина! Раковина!).

Быстро замелькал по воздуху от лодки к лодке топор с обвязанным кокосовыми нитями лезвием, пока не достиг пироги, в которой стояла отчаянно размахивавшая руками женщина.

Она схватила топор, размотала нити и нырнула с ним в воду, — ее товарищ, спустившийся в воду первым после перерыва на отдых, был захвачен «большой раковиной».

Так называемая «большая раковина»— двухстворчатая раковина, величиной с небольшую детскую ванну, — находится обычно на дне, покрытом густой тиной. Стоит она почти вертикально, раскрыв свои две створки; рука или нога человека, попавшая в эту ужасную пасть, заставляет ее защелкнуться с громким треском западни,—и неосторожный водолаз пойман. В Тахеу подобные несчастные случаи — большая редкость, но их так боятся, что всегда имеется наготове топор или бошьшой нож, который обычно берут с собой на ловлю.

Амама, твердо держа в руке передний из шестов, которыми управляют лодкой, и Дамеа, положив руку ей на плечо, наблюдали, пока вода не расступилась и из нее не показалась женщина, втаскивавшая своего товарища на борт колыхавшейся лодки. Левая рука его исчезла, и женщина крепко держала его за предплечье, чтобы остановить кровоизлияние.

Амама вздохнула. Это было одно из тех несчастий, которые — она всегда так боялась!—могли случиться с Дамеа. Внезапно она опять вспомнила о Миланти,— о Миланти, не подвергающемся никогда никакому риску; о Миланти, бравшем все и дававшем так мало; о Миланти, который будет ожидать их на берегу, когда они вернутся. Но она ничего не сказала, и, докурив папироску, Дамеа снова принялся нырять в поисках жемчужин.

***

Два часа спустя Дамеа прекратил свою работу на этот день, и они принялись вскрывать выломанные им за день раковины, ибо в Тахеу не разрешалось оставлять устрицы гнить на взморье. Раковину надо было раскрыть и обыскать прежде, чем высадиться, и на берег можно было привозить только пустые раковины *).

Дамеа счищал каралловую поросль и паразитов с раковин; Амама, сидя против него, клала каждую сросшейся частью на доски и, искусно всунув нож, перерезывала сдерживающий створки мускул. Раковина сейчас же раскрывалась и, вырезав устрицу, девушка привычными пальцами перебирала ее в поисках жемчужины.

Сегодня им не везло, но обстоятельство это их мало тревожило. Они по опыту знали, что ловля жемчуга—самая трудная из всех работ и похожа на азартную игру.

Амама раскрыла последнюю и самую меньшую из всех раковин и держала устрицу в руке, перебирая ее пальцами; вырвавшийся у нее слабый сдержанный крик заставил Дамеа оторваться от якорного каната, который он только что собирался тянуть.

— Ах, посмотри-ка!—закричала Амама.

Наклонившись вперед и взяв устрицу в пальцы, Дамеа нащупал в глубине мяса что-то, напоминающее камешек; едва переводя дух, он стал наблюдать, как девушка, разделив мясо, выдавила на

---

*) В Тахеу вылавливаются раковины простые и перламутровые. Простые бывают обычно больших размеров, величиной с суповую тарелку, они очень напоминают тип белых раковин с Таити. Перламутровые раковины попадаются всевозможных величин, весом от нескольких золотников до пятнадцати фунтов в паре. Их имеется три сорта: чисто белые, белые, но окаймленные золотистыми краями и белые с черными краями. Самыми дорогими считаются чисто белые, и цена на них очень высока: от шестидесяти до двухсот фунтов стерлингов за тонну.

яркий дневной свет что-то, похожее на сверкающий белый мыльный пузырь — жемчужину гранов в пятьдесят, идеально круглую и совершенную по цвету.

Амама держала ее на ладони и радостно смеялась; ее товарищ, сидя на корточках и положив локоть на снасть, смотрел, не говоря ни слова.

Но их радость быстро омрачилась печальной мыслью — Миланти!

Тогда они начали обсуждать положение. Они не хотели обманывать Миланти; по их расчету, при помощи добытого ими с начала сезона и того, что они еще добудут до конца его, им не только удастся удовлетворить все его требования, но, кроме того, купить еще и те вещи, о которых они давно мечтали,— в числе их была и губная гармония. Однако, они хорошо знали, что стоит только Миланти пронюхать об этом богатом улове, как он его выманит теми особыми чарами, которые ему присущи: по выражению Амамы, «он выговорит ее у них» и оставит их не только без жемчужины, но еще и в долгу у него.

И они решили скрыть свою находку.

— Я спрячу ее на берегу, — сказал Дамеа, пряча жемчужину в опоясывавший его стан и составлявший всю его одежду кусок бумажной материи. — Мы зароем ее у подножья большого дерева, растущего возле двери дома твоего отца, дерева, подобного которому нет на всем Тахеу.

Они вытащили якорь и взялись за весла. Когда они под'ехали к берегу, там собрались уже и другие пироги, и берег начал покрываться толпой.

Среди толпы, действительно, бродил Миланти в своем неизменном пальто из альпага и старой панаме, с вечной сигарой во рту, засунутыми в проймы жилета большими пальцами и большим брилльянтом на четвертом пальце волосатой левой руки.

Он поздоровался с Дамеа, и оба поговорили друг с другом несколько минут. Затем Дамеа при помощи девушки понес раковины, наловленные ими в этот день, в склад, находившийся возле дома Дамеа.

Покончив с этим, Амама направилась домой. Но ее слуха еще коснулись произнесенные шопотом слова товарища:

— Когда взойдет луна...

IV. Когда взошла луна.

Подходя к своему дому, Амама заметила Первиса и Вайзмана за работой на небольшой просеке.

Амама держала жемчужину на ладони и радостно смеялась.

Девушка простояла некоторое время, смотря на двух компаньонов, затем заговорила с ними и поинтересовалась узнать, что они здесь делают. Первис, посмотрев на нее через плечо, громко рассмеялся.

— Что это она там бормочет?—спросил он у Вайзмана.

— Желает узнать, что мы делаем на участке ее отца, — ответил тот.

— Скажите ей, чтобы она убиралась к чорту, — посоветовал Первис.

Амама не стала ждать, чтобы ей перевели эти слова. Первис ее пугал, хотя она видела его только в профиль со скошенными на нее глазами и приподнятой верхней губой, выставлявшей на показ его длинные желтые зубы.

Она пошла дальше, но, дойдя до дома, остановилась на пороге.

Жан Калабасс был дома; он громко храпел. Девушка почувствовала запах водки. Амама села у большого дерева, единственного на Тахеу красного дерева, росшего к востоку от входа.

Она была дочерью Жана Калабасс, но дело обстояло так, как будто Жан Калабасс был ее детищем. Дочь обшивала его, готовила для него и заставляла быть опрятным; она хранила его деньги, когда они у него были; когда это было возможно, удерживала его от глупостей.

Отец где-то добыл себе водки, — и Амама сразу же инстинктивно поняла, что получил он ее от тех двух незнакомцев, которые работали на небольшой просеке, лежавшей к востоку от хижины.

Амама это поняла, и знала она также, что в данном случае она беспомощна. Ни разу в жизни не упрекнула она своего отца за его многочисленные мелкие прегрешения, — влияние ее всегда выражалось во внушении, никогда в упреках или обвинениях, и заставить отца сознаться в своей вине было совсем не по силам девушки. Она сидела в глубоком раздумьи, совсем позабыв об ужине, пока солнце не исчезло окончательно за горизонтом и огромные золотые звезды не засверкали над лагуной.

Поднялась луна, и звуки ночи стали меняться; с корабельной пристани доносились громко кричащие голоса матросов, скрип весел, призывы женщин. Затем, по мере того, как луна поднималась все выше на небе, молчание стало мало-по-малу овладевать землею, и немного спустя у края леса по твердому песку раздались знакомые шаги.

Это был Дамеа.

Он принес с собой большой нож с широким лезвием, которым можно было взрыть землю, и жемчужину в круглой желтой жестянке из-под папирос, данной ему когда-то Миланти. Дамеа открыл жестянку и показал девушке жемчужину, тщательно запрятанную в гнездышко из той хлопчатой бумаги, которую закупщики жемчуга употребляют для упаковки своего товара. Затем он выкатил жемчужину на ладонь, и оба стали любоваться ею, точно малые дети.

Положив жемчужину обратно в жестянку, Дамеа опустился на колени и начал рыть своими ножом песок у корня большого дерева. Песок был всего на несколько дюймов глубины, дальше шла красная земля, влажная и легко поддававшаяся ножу, затем отросток корня задержал конец ножа. Но глубина оказалась уже достаточной и, поместив небольшую жестянку в ямку, Дамеа прикрыл ее, сгладил над нею песок и сделал надрез в твердой коре дерева, как раз над маленькой могилкой.

Если бы наблюдавшая за ним Амама повернула голову, она могла бы рассмотреть человеческую фигуру, только что вышедшую из дома и почти соприкасавшуюся с ее темной тенью.

Это был Жан Калабасс, у которого тяжелый сон опьянения сменился каким-то тревожным чувством.

V. Преступление Жана Франсуа Калабасс.

В течение недели и трех дней «Большой кинематограф Первис-Вайзман» был переполнен публикой с заката солнца до полуночи, и казалось, что он будет пользоваться таким же успехом до конца сезона. Однако, в одиннадцатый вечер сбор вдруг упал, и можно было подумать, что таинственная театральная болезнь, которая равно нападает как на худшие, так и на лучшие драматические предприятия, наложила руку и на предприятие «Первис-Вайзман».

Компаньонов тревожило не столько уменьшение толпы зрителей, как пони-

жение увлечения посещающей театр публики, не сопровождавшей уже таким громким криком и визгом приключения девушки на мотоциклетке, преследуемой артиллеристом в быстроходном автомобиле Ройс, проделки Чарли Чаплина и впихивание Джеффа в боченок с пато-

Итак, не подкрепившись ни одним глотком водки и предвидя впереди плохие времена, Жан Франсуа вернулся домой и лег на свой спальный мат, стараясь заглушить свое горе при помощи пачки крепкого табаку.

Дамеа начал рыть песок у корня большого дерева.

В четырнадцатую ночь представлений, когда Жан Франсуа Калабасс пришел требовать арендную плату авансом, Первис посоветовал отправиться ему к чорту за песнями, и после того, как Вайзман перевел ему этот совет, Жан Франсуа ушел, опечаленный и разочарованный.

Он не мог прибегнуть к защите закона; сделай он это, Амама узнала бы, что он получал деньги и скрыл это от нее; не мог он даже пожаловаться своим друзьям из опасения, что это дойдет до ушей его дочери. То, что старик покучивал, не имело особого значения, но, скрыв от нее деньги и умолчав про свою сделку с Первисом и Вайзманом, он совершил подлость.

В доме Жана было всего две комнаты: одна дл него, другая для Амамы; обед же стряпался на открытом воздухе. Перегородка между двумя комнатами состояла из переплетенных ветвей, и, когда он лежал, жевал табак и размышлял, уставившись на сверкавшую. под лунными лучами полосу воды, видную через вход, он мог расслышать сквозь шелест ветра в пальмовых листьях и ропот прибоя на внешнем взморье звук слабый, живой и ритмичный, звук дыхания спавшей Амамы.

Вдруг, пока он лежал, работая челюстями и уставившись на сверкавшую полосу воды, в голове у него зародилась совершенно неожиданная мысль:—«А почему бы и нет?»

«Почему бы и нет? — раздумывал про себя Жан. — Почему? Гм!.. Нет, нет, это было бы совсем дурно. Дамеа — хороший парень и всегда был добр к нам, да и, кроме того, я надеюсь, что он впоследствии женится на Амаме. Это сокровище, без сомнения, он бережет к тому времени, когда они поженятся. Да, но женится ли он когда-нибудь на ней? Несомненно, женится. Кроме того, я не мог бы продать этой жемчужины. Однако, почему бы я не мог ее продать? На всякую вещь найдется покупатель; дело только в цене. Нет, нет, и не думай, Жан Франсуа Калабасс, это недостойная мысль... А все же...».

Он повернулся на левый бок и закрыл глаза; видя его в таком положении, можно было подумать, что он крепко спит.

Прибой на рифе пел, и ветер шелестел листьями, производя звук, похожий на звук дождя. Казалось, что Жан Калабасс грезит, погруженный в глубокое забытье, умерший для всего окружающего; вдруг, приподнявшись на локте, он осторожно повернулся и начал ползти по матам к входу.

За порогом он встал на ноги.

Не было никого, кто бы мог подсмотреть и увидеть.

Старик подошел к маленькой полке у входа, где обычно лежал нож, употреблявшийся для различных хозяйственных целей, от чистки рыбы до вырезывания тростника; затем, приблизившись к большому дереву, он опустился на колени в том же месте, где опускался на колени Дамеа, и начал отрывать сокровище. Не в первый раз уже проделывал он эту работу; любопытство подстрекнуло его к ней в ту же самую ночь, как жемчужину похоронили. Но старик скрывал с тех пор сделанное им открытие, скрывал его совершенно невинно, без малейшей мысли или желания обокрасть Дамеа,— эта мысль пришла ему в голову всего десять минут тому назад. Заровняв ямку и разгладив песок, Жан Франсуа встал и с маленькой жестянкой в руках вернулся домой, вполз в свою комнату и лег.

Он принялся прислушиваться. Сквозь ропот прибоя и шелест ветра в листьях он расслышал тихое и спокойное дыхание спящей девушки.

VI. Янтарное ожерелье.

Вот уже несколько дней, как Жаном Франсуа овладела полная апатия, он не выказывал ни малейшего интереса к происходившему вокруг него и совсем ли-

Толпа зрителей, переполнявших кино, громким криком и визгом сопровождала проделки Чарли Чаплина.

шился аппетита. Дело дошло до того, что Амама, решив, что он болен, предложила пропустить ловлю и остаться с ним на весь день, чтобы сварить ему обед, но он сердито отверг ее предложение. Если она вдруг готова поступить таким образом, почему она не подумала об этом раньше, вместо того, чтобы вечно где-то бегать с этим негодным Дамеа.

Амама слушала его с ужасом. Никогда он не говорил с нею таким образом, никогда не смотрел он на нее так косо, точно ненавидел ее. Немного позднее, когда Амама была на лагуне с Дамеа, юноша мог бы заметить, что с девушкой творится что-то неладное, но мысли его были заняты другим. Для Дамеа, как для ребенка, все заключалось в моменте и в деле, которым он в данную минуту занимался.

Амама стояла теперь на коленях в своей пироге, принимая раковины, которые Дамеа вытаскивал из моря, и раздумывала все время о своем отце, об унынии, в котором он находится уже несколько дней, и о резкой перемене его обращения с нею.

Они вернулись за час до солнечного захода и, под'езжая к берегу, заметили, что там происходит что-то необычайное: женщины смеялись, а дети кричали и толкались, следуя за двигавшейся по берегу фигурой человека, размахивавшего лодочным веслом над головой.

Это был Жан Франсуа, совершенно пьяный, громко взывавший к своим предкам, чтобы они следовали за ним в бой за истинную веру с языческим населением Тахеу.

Вид Амамы заставил его уронить весло, позабыть о своих предках и дать спокойно увести себя домой на спальный мат, где его прикрыли одеялом и предоставили собственным думам.

На следующий день, без малейших признаков стыда и снова приведенный в приподнятое состояние водкой, добытой из какого-то таинственного источника, он призвал к себе Амаму и подарил ей ожерелье из поддельного янтаря, стоившее по меньшей мере два доллара.

— Мне его подарили,—сказал Жан, громко икнув, — оно твое, и ты имеешь полное право носить такие вещи; разве ты не дочь Жана Франсуа Калабасс? У меня есть добрые друзья. Человек моего происхождения никогда не останется без друзей, если он знает, где их искать. Опустись на колени.

Она исполнила его приказание, и он надел украшение ей на шею.

Вблизи дома она увидела шедшего к ней Дамеа; он шел звать ее на ловлю; девушка инстинктивно стащила с шеи свое украшение и зажала в руке.

— Что это у тебя?—спросил Дамеа.

— Ничего,—ответила Амама,—только вот это.—Она разжала руку и показала ему бусы.—Отец мне их дал, но я их не хочу носить теперь.

Она побежала обратно в дом и спрятала янтарь у себя в комнате, затем оба отправились на ловлю. Дамеа не стал задавать ей никаких вопросов, так как мысли его были заняты совсем другим—западней для рыб, которую он собирался испробовать на следующий день в глубоких местах у внешнего взморья.

VII. Нож для акулы.

Позади дома Жана Калабасс находилось место, куда старик относил всякий ненужный хлам, пустые бутылки и жестянки, рыбьи кости и всевозможные об'едки, пожиравшиеся разбойниками-крабами.

На следующее утро, проходя мимо этого места, Амама увидела полуобнаженную жестянку, вырытую крабами или детьми, копавшимися в мусоре. Девушка подняла ее. Это была жестянка, в которую Дамеа положил жемчужину. Уверенность в том, что это именно та жестянка, усилилась при виде вдавленного места на ее боку, замеченного девушкой в ночь, когда закапывали находку; кроме того, в ней еще находился хлопок, прикрывавший жемчужину.

Не выпуская из рук жестянки, девушка побежала к большому дереву и, опустившись на колени, осмотрела песок у корня, как раз под маленькой надрезкой на коре дерева. Песок казался нетронутым.

Было еще очень рано. Дамеа мог отправиться на ловлю не раньше, чем через полчаса, а Жан ушел в деревню. Никто не мог видеть ее, и, бросившись в

дом, она схватила с полки большой нож и вернулась к дереву.

Это был нож, заключенный в ножны, и, вытащив его, девушка заметила слабые следы красной земли в том месте, где лезвие было вделано в рукоятку.

Она ничего не нашла. Нож проник до древесного корня, обыскал землю во всех направлениях,—ничего не было.

Медленно и точно во сне девушка начала заполнять яму, затем тщательно разгладила песок над нею ладонями; слезы скатывались по ее лицу и падали на маленькую могилу, в которой навсегда остались ее любовь к отцу и вера в него.

Слабости, делавшие его почему-то достойным ее любви и сожаления, исчезли, точно их никогда не бывало; не осталось ничего, кроме образа вора, жестокого и бессердечного. Амама встала, вошла в дом и, положив нож обратно на полку, скрыла жестянку в своей комнате под матами. Затем она остановилась, подбирая волосы руками, точно ничего не случилось, но в сущности не сознавая, что она делает; после этого она в отчаянии бросилась на маты, под которыми была скрыта проклятая жестянка.

Снаружи раздались шаги. Дамеа пришел звать ее на ловлю, но она, сославшись на болезнь, просила оставить ее в покое. Юноша пошел искать Оти, сына старика Тиму, иногда помогавшего ему. Амама слышала, как он удалился, и продолжала лежать, прислушиваясь к шелесту ветра в пальмовых листьях.

Кто-то прошел перед домом. Это был Жан, возвращавшийся из деревни; он принес курицу, ощипанную и совершенно готовую для жаренья. Выйдя из дому, девушка застала его стоявшим на коленях возле углубления в земле, служившего очагом, с лежавшей рядом курицей. Увидев дочь, он крикнул ей, чтобы она принесла несколько листьев для завертывания курицы, и осведомился в то же время, почему она не на ловле с Дамеа.

Она ничего не ответила, но подошла прямо к нему и стала рядом с ним на колени возле печной ямы.

— Отец,—начала Амама,—некоторое время тому назад, когда я была с Дамеа в его пироге, он нашел жемчужину, крупную жемчужину, жемчужину гораздо более крупную и прекрасную, чем я когда-либо видела, чем кто-либо у нас здесь находил!

— О,—сказал Жан,—он нашел жемчужину?..

Не поднимая глаз на дочь, он взял в руки курицу и держал, как бы взвешивая ее.

— Он спрятал свою находку под большим деревом,—продолжала девушка,—а теперь жемчужина исчезла, и я знаю, кто ее взял.

Старик ничего не сказал, сознаваясь во всем своим молчанием; он стал теребить кожу птицы и повертывать ее в руках.

Он был уверен, что Амама видела, как он взял жемчужину, потому что иначе она не стала бы говорить с ним таким тоном.

— Однажды ночью,—сказал Жан,—подойдя к своей двери, я увидел, как Дамеа прятал что-то в моей земле. Ты тоже была с ним. Вы скрывали что-то от Жана Франсуа Калабасс, который разрыл землю и нашел спрятанное вами. Разве он не имел права рыть землю на собственном участке и разве то, что он нашел, не принадлежит ему? Верно?

— Отец,—сказала девушка.—Эта жемчужина принадлежит Дамеа, и, если я ее не найду и не отдам ему, я привяжу обломок коралла к своему поясу и брошусь в лагуну, как бросилась Тару, когда ее обманул Омара.

— Правда, я взял жемчужину; но что из этого? Кто такой, в сущности Дамеа, этот ублюдок испанца, человека, кроме всего — преступившего закон. Затем, откуда я взял жемчужину?—Из собственной земли. Разве человек не имеет права рыть собственную землю и оставлять у себя то, что найдет в ней?

Все это было очень хорошо. Все звучало прекрасно, пока он говорил, но угроза Амамы разбивала все в прах.

Жан знал хорошо, что она сделает, что сказала; он хорошо знал свою дочь. Слова ее сильно его напугали.

— Но, хотя она и была найдена на моей собственной земле, ты получишь ее обратно. Ведь я всегда исполнял все твои желания. Слушай: жемчужина эта у Вайзмана—у этого большого человека, который показывает подвижные картины.—Жан смолк на минуту, затем про-

должал: — Он одолжил мне пятнадцать долларов, взяв себе жемчужину в обеспечение. Вот тебе двадцать долларов.

Он вытащил из кармана две десятидолларовых бумажки, перевязанных кокосовыми нитями, и, разгладив, передал их Амаме.

— Я истратил было все деньги, кроме одного доллара, — рассказал Жан, — но вчера вечером я на этот доллар выиграл двадцать у китайцев-игроков. Мне повезло. Отнеси эти деньги Вайзману, возьми у него свою жемчужину и дай ему пять долларов в виде процентов.

Амама глубоко вздохнула и спрятала деньги в свой пояс. Она встала и, не говоря ни слова, быстро исчезла за большим деревом в направлении лагеря Первиса и Вайзмана.

Когда Амама добралась до места, где стояла палатка кинематографа, она никого там не нашла. Первис и Вайзман никогда особенно не заботились о завтраке, а в это время пошли в деревню повидаться с Джарвисом, агентом компании «Бэрнс-Филипп», с целью получить проезд из Тахеу. Они стремились поскорее и куда угодно выбраться отсюда.

Кинематограф окончательно прогорел. Артиллерист никогда уже больше не станет гоняться за девушкой на мотоциклетке, и Чарли Чаплин уже больше никогда не запрыгает. После отчаянных попыток продать свою машину, Первис напился пьяным и разбил ее,—это было единственное удовольствие, которое он смог себе доставить со времени своего приезда в Тахеу.

В это утро, повидавшись с Джарвисом, они направлялись назад в свой лагерь под тень деревьев. Первис был в отвратительном настроении духа; после ликвидации кинематографа у него осталось всего на всего двадцать долларов. Вайзман, громко заявивший, что двадцать долларов—это все, что у него самого осталось в карманах, все же казался более весело настроенным.

Когда они добрались до своей палатки, Амама уже ждала их.

Она сидела на стволе упавшей пальмы спиной к провисшей парусине, служившей западной стеной кинематографа; при виде компаньонов она поднялась на ноги. Девушка не стала праздно тратить времени и слов. Протянув две десятидолларовые бумажки Вайзману, она потребовала свою жемчужину.

Вайзман, изобразив из себя картину кроткого изумления, спросил ее, что она хочет этим сказать, и, когда она ему об'яснила, в чем дело, сделал вид, что ровно ничего не знает. Он никогда не слышал ни о какой жемчужине, — Жан Франсуа был пьян или сошел с ума; хитрец отказался дотронуться до десятидолларовых бумажек и велел девушке убираться вон.

Первис наблюдал за этой сценой с величайшим интересом. Он не мог понять наречия Тахеу, на котором они разговаривали, но разобрал туземное название жемчужины, так часто повторявшееся на атолле во всех разговорах. Девушка предлагала Вайзману две десятидолларовые бумажки, она казалась сильно взволнованной; больше того: она, повидимому, очень рассердилась. Что все это могло значить?

Вдруг в его лисьем уме зародилось подозрение истины. Говорили о какой-то жемчужине, и девушка предлагала его компаньону деньги. Вероятно, Вайзман выманил у Жана Франсуа жемчужину, когда Жан был пьян, и девушка пыталась получить ее обратно.

Когда девушка ушла, Первис повернулся к своему компаньону.

— За что это она предлагала вам свои бумажки?—спросил он.

— Какие бумажки? — удивился Вайзман, весь вспотевший и вытиравший лоб рукавом.

— Десятидолларовые бумажки.

— Ах, это. Она сумасшедшая, совсем сумасшедшая. Она желает, чтобы мы отсюда поскорее убрались; предлагала мне деньги, чтобы мы поскорее очистили место.

— Вранье, — заявил Первис.

— Что вы этим хотите сказать?

— Я знаю все с самого начала,—я видел, как вы это сделали.

— Что сделал?

— Взяли жемчужину у этого вшивого француза. Я смеялся, смеялся все время, пока вы мне говорили всю эту ерунду о том, что двадцать долларов покроют все, что имеется у вас в карманах. Ну, а теперь перестаньте дурить; половина этой жемчужины принадлежит мне, а также

половина ваших банковых билетов, или, клянусь всем дорогим мне, я вас выдам.

— Что вы сделаете?—зашипел другой, и зрачки его расширились до того, что вместо светло-голубых, глаза стали казаться черными.

— Пойду к французу, который надсматривает за местами ловли, и заявлю, что вы похитили эту жемчужину у Жана... как его, чорт побери, зовут? Дочь его подтвердит мои слова.

Протянув две десятидолларовые бумажки, Амама потребовала свою жемчужину.

Вайзман с минуту смотрел на своего компаньона. Первис всегда казался Вайзману существом, мало значащим. Он смотрел на него, как на полное ничтожество, как на яйцо, которое можно было высосать и бросить. Скорпион, внезапно вылупившийся из этого яйца, испугал и удивил его.

Губы его плотно сжались, он взглянул на ноги Первиса, потом поднял взгляд на его лицо.

— Нам надо уладить это дело между собой,—сказал он.—Мы были добрыми компаньонами. Я не стану отрицать, что позаботился немного о собственном кармане и сыграл свою собственную игру; не стану я отрицать и того, что вы имеете право быть в претензии на меня.

— Первым делом,—начал Первис,—первым делом вы должны дать деньги для того, чтобы мы могли выбраться из этого отвратительного корыта. Я не намерен зарабатывать себе проезд до Таити. Сколько у вас денег? Садитесь сюда, чтобы мы могли поговорить.

— Я не стану скрывать, что имею при себе двести пятьдесят долларов, — сказал Вайзман, садясь рядом с Первисом на ствол упавшей пальмы, — но это ведь мой оборотный капитал.

— Чорт возьми, ваш капитал! Его придется пустить в оборот на общее содержание и издержки. А теперь вытаскивайте-ка жемчужину.

— Ее нет при мне,—сказал Вайзман.—Она спрятана там, где растут эти густые деревья, — неужели вы думаете, что я так глуп, что стану носить ее при себе?!

— Ну, так пойдем и выкопаем ее.

— Вот вы опять сказали глупость,—возразил Вайзман. — Хороши бы мы были, если бы стали рыться в земле среди деревьев, на глазах у всех этих баб, заготовляющих копру. Нет, сударь мой; вот после заката солнца, когда они все разойдутся, я ничего не имею против.

— Что ж, может быть, вы и правы,—сказал Первис,—условившись встретиться, мы с вами пока разойдемся.

— Я вас буду ждать.

— И, пожалуйста, без всяких штук, Билли Вайзман!

— Силы небесные, да разве же у меня такой вид, будто я намереваюсь сыграть какие-нибудь штуки?—спросил Билли.

Вайзман ушел под тень деревьев отдохнуть, а Первис, оставив его, направился к деревне, где зашел к А-Фонгу, китайцу, торговавшему всевозможным товаром, и купил нож, употреблявшийся при охоте на акул, имевший острое, как бритва, лезвие в семь дюймов длины.

VIII. Ночь на внешнем взморье.

За час до захода Дамеа, вернувшийся пораньше с ловли, чтобы расставить свой капкан для рыб в вымоинах внешнего побережья, направился к дому Жана Франсуа Калабасс. Приблизившись к просеке и остаткам кино, сооруженного из тряпок и палок, он услышал громко спорившие голоса.

Это были голоса Первиса и Вайзмана. Дамеа не выносил этих господ и, будучи любопытен, как кошка, он замер на месте, чтобы подслушать. Из того, что они говорили, он мог понять очень немного. Приблизившись и выглянув из-за деревьев, он увидел обоих компаньонов, стоявших друг против друга. Затем он увидел, как Первис взял Вайзмана под руку, и оба они пошли в самую чащу рощи.

Юноша положил свою западню для рыбы на землю и последовал за ними: эти двое, очевидно, что-то затеяли, но что именно могло завести их в чащу?

Он следил за ними, пока они не исчезли. Они сели возле ствола огромного хлебного дерева. Юноша подкрался ближе и мог все видеть и слышать.

— Ну, вот мы и на месте, Джимми Первис,—сказал толстяк, когда его спутник сел против него.—Вот мы и на месте,— повторил он,—и я готов уладить это дело с вами. Вы говорите, что — половину жемчужины, и я согласен на это; вот только вопрос о долларах мне не по нутру. Слушайте, я согласен уплатить путевые расходы до Таити, где мы продадим жемчужину; но требовать от меня разделить деньги, представляющие мой оборотный капитал, это уж немного чересчур.

— Что ж, Билли, я вовсе не хочу грабить вас,—сказал Первис,—я не акула, и мы поговорим об этом деле позднее. Вы уплатите путевые издержки и проезд до Таити, что составит не больше сорока долларов с человека. Теперь же, выкапывайте жемчужину!

— Сейчас выкопаю, — ответил Вайзман,—она не лежит ни под каким деревом, а сохранно покоится у меня в кармане, где находилась и тогда, когда я разговаривал с этой девченкой, Амамой.

Это имя заставило Дамеа пододвинуться поближе, между тем Вайзман, засунув руку в карман, вытащил оттуда что-то, завернутое в хлопок. Он распутал хлопок, вытащил из него жемчужину и положил на ладонь левой руки.

Наблюдавший за ним Дамеа увидел, как в руке Первиса сверкнул длинный нож, увидел, как он ударил, промахнулся и упал на бок с чем-то торчавшим у него в груди.

— Вот это тебя успокоит,— начал Вайзман.—Проклятие!..—вдруг вскрикнул он.

Перекатившись на бок, умирающий Первис попал в него своим ножом; быстро, словно жало скорпиона, проник нож в живот Вайзмана, затем, пока Вайзман лежа кричал, точно морская чайка, Первис с обезумевшими глазами и оскаленными зубами ударил еще раз и вонзил нож в грудь Вайзмана.

Четыре удара маятника, не больше, продолжалась вся эта трагедия. Первис лежал мертвый. Вайзман тоже казался мертвым, пока вдруг не приподнялся тяжело с земли, не встал на колени с лившейся изо рта кровью и не рухнул снова головой на руку убитого им человека.

Дамеа наблюдал с любопытством, пока тело крупного человека не перестало дергаться и извиваться, как только что пойманный угорь. Затем Дамеа подошел ближе, потрогал ногою один и другой труп. Поднял жемчужину, валявшуюся на земле возле Вайзмана.

Как попала жемчужина сюда и почему здесь было упомянуто имя Амамы?

Зажав жемчужину в руке, он повернулся и побежал через лес, выскочил затем вблизи просеки.

Дом Жана Франсуа Калабасс стоял раскрытый всем ветрам небесным. Он весь представлял собой сплошной вход без всяких дверей, закрывавшийся только тростниковыми занавесками, да и то во время сильных дождей.

Жан был дома; он громко храпел. Дамеа заглянул в комнату Амамы, но ее там не было. Ожерелье висело на стене, накинутое на гвоздь, потому что в Тахеу никто никогда не крадет вещей, оставленных в доме. Когда Дамеа стоял, смотря на ожерелье, ему показалось, будто оно вдруг заговорило... Каким образом добыла его Амама? Почему она была так грустна все последние дни? Откуда доставал Жан Калабасс деньги на свои кутежи?

Дамеа вошел в комнату девушки; он осмотрелся по сторонам, чтобы увидеть, что еще она могла купить или добыть, кроме ожерелья; он перевернул сложенные в углу маты и вдруг перед его глазами появилась жестянка из-под папирос. Он поднял ее и вышел с нею из дома. Дамеа отбросил жестянку в самую чащу, точно она обожгла ему руку. Заметив нож на полке возле стены дома и схватив его, он бросился к большому дереву, где начал копать, как недавно копала Амама, надеясь все еще что-то найти.

Посторонний зритель мог бы подумать, что юноша играет в какую-то игру; да он и, действительно, играл игру со смертью, потому что, покажись в эту минуту Амама, он вонзил бы нож в ее сердце.

Он посмотрел на нож, повертел его в руках, затем швырнул его в лагуну. Порыв ярости внезапно перешел в поток слез, и юноша упал на песок с закрытым руками лицом.

Амама украла их жемчужину и продала ее. Ему казалось, будто солнце перестало сиять, будто лагуна пересохла, будто деревья внезапно увяли. Казалось ему, случилось что-то еще худшее, что-то погасло, засохло, увяло внутри его.

Амама его обманула.

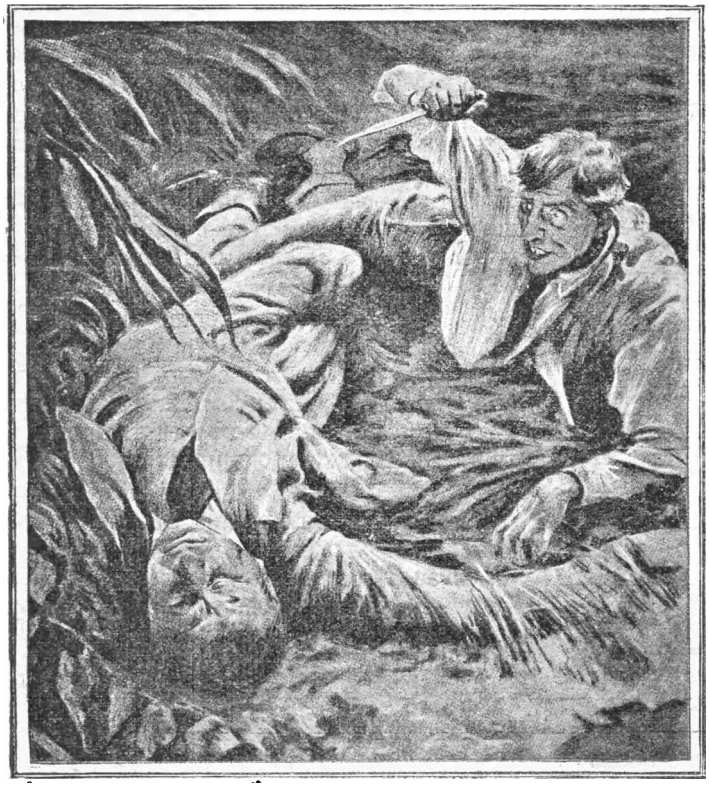
Никогда еще не сознавал он, что Амама—часть его самого, что, хотя он и редко думал о ней, она была частью его души. Никогда, до настоящей минуты.

Он встал, весь дрожа, и прошел под деревьями. На маленькой просеке он увидел западню для ловли рыб, оставленную им, когда он следил за двумя компаньонами. Не сознавая, что он делает, — юноша поднял западню и, держа ее в правой руке, а жемчужину крепко зажатой в левой, он направился к внешнему взморью...

Вскоре он очутился на внешнем рифе перед морем в периоде его отлива, освещенным последним отблеском заката, и здесь, возле огромной лужи, сверкавшей точно золотой щит, с развевавшимися по ветру черными кудрями, стояла Амама.

Дамеа уронил свою западню.

Лицо девушки было обращено к нему, глаза ее уставились на него, и вдруг, когда они смотрели на него через разделявшую их сотню футов кораллов, его ярость остыла. У него явилось желание не ударить, и не убивать ее, даже не бранить, а подойти как можно ближе, заглянуть в нее...



Первис ударил еще раз, вонзив нож в грудь Вайзмана.

Он прошел через коралл, крепко сжимая левую руку. Когда он приблизился к Амаме, рука его внезапно раскрылась, точно движимая сильной пружиной, и он протянул ее к девушке с жемчужиной на ладони, не говоря ни слова. Пораженная его взглядом и его молчанием, Амама не спускала глаз с большой жемчужины; вдруг она упала на колени и, охватив ноги Дамеа так крепко, что он не был в состоянии сдвинуться с места, начала громко молить о пощаде, о пощаде ее отцу.

— Ах, Дамеа, — рыдала девушка, — я знала, я знала, но было уже слишком поздно; он продал ее чужеземцам. Я пыталась выкупить ее, но большой человек не захотел меня слушать. Ах, мой отец! Он видел, как мы ее закапывали в ту ночь, и украл ее и продал иноземцам, продал твою жемчужину, Дамеа. Это изожгло мое сердце, потому что так сделал мой отец, Дамеа, и я пришла сюда, чтобы броситься в воду, когда настанет ночь и прикроет меня. Здесь я умру, как только стемнеет, потому что не могу перенести такого стыда.

Дамеа стоял и слушал, только наполовину понимая, что ему говорила девушка; затем он стал постепенно приходить в сознание, и жемчужина медленно скатилась с его руки на песок. Он совершенно позабыл о ней: Амама не обманула его— она была здесь, с ним, такая же, как и раньше, и все же настолько изменившаяся, что казалась новым существом.

Он оторвал ее руки от своих ног и поднял ее с земли; нежность его прикосновения и ласка его руки, когда он поднимал ее, заставили девушку онеметь...

Дамеа простил... он простил ее отцу. Да. Но что же это? Он держал ее в своих об'ятиях, он, который раньше почти никогда не дотрагивался до нее, держал ее у своей груди; крепко прижимал ее... Почему?

Губы его целовали ее волосы и, когда она подняла лицо, они стали прижиматься к ее глазам, к ее губам, к самой душе ее. Тогда, наполовину потеряв сознание от внезапного прилива счастья, она поняла, — она, никогда не знавшая любви,— как не знал и он до настоящего момента, — любви, внезапно поднявшейся, но давно уже таившейся где-то в глубине: любви, зародыши которой скрывались в их самом раннем детстве, цвет которой внезапно расцвел под влиянием горя и преступления Жана Франсуа Калабасс.

***

Когда они, обнявшись, сидели рядом на коралле во мраке, который уже в течение часа окутывал землю, Дамеа внезапно наклонился вперед. Жемчужина лежала там, куда он ее уронил,—молочно-белое пятно под лучами звезд, на расстоянии его руки; жемчужина, убившая двух человек, слелавшая Жана Франсуа Калабасс вором и едва не убившая Амамы; жемчужина, представлявшая собою богатство в едва ли не самой прекрасной его форме, но, по понятиям этих полуребят, — нечто смертоносное и страшное.

Он поднял жемчужину и выпрямился; затем, стоя рядом с девушкой, возле большой темной лужи, теперь увеличенной начавшимся приливом, он швырнул драгоценность в воду, куда она погрузилась, точно фосфорическое сияние, сопровождаемая полосой крошечных золотых пузырьков...

В предыдущем номере (№ 8) нашего журнала подробно изложены условия КОНКУРСА НЕБОЛЬШИХ РАССКАЗОВ, об'явленного редакцией „Всемирного Следопыта“.

Первая премия — 250 рублей.

Рассказ **Ирвинга Кобба.**

I. Крушение мистера Тримма, банкира.

Мистер Тримм, недавний председатель правления крупного банка, совершал путешествие не совсем обычным для него способом.

Начать с того, что он привык к пульмановским спальным вагонам, даже к отдельным вагонам поезда-люкс, — а сейчас он находился в самой смешанной компании пыльного и душного отделения для курящих. Далее, спутник мистера Тримма был далеко не из тех, кого он выбрал бы, будь выбор предоставлен ему: это был типичный германо-американец с тупым выражением лица и нависшими белокурыми усами. Наконец, руки мистера Тримма лежали на коленях, соединенные новой блестящей парой наручников системы «маленький гигант», последней модели.

Мистер Тримм находился на пути в тюрьму, где он должен был отбыть свой срок наказания, за нарушение законов, направляющих деятельность банков.

Все время, пока мистер Тримм находился в предварительном заключении, он неотступно мучился все одной и той же мыслью. Целых семь месяцев она тикала у него в голове, как часы, не требующие завода.

Когда кассира Коплея отправляли в тюрьму, мистер Тримм внимательно прочитал об его от'езде каждую строку, помещенную в газетах. Но кассир Коплей, который был признан судом лишь послушным орудием в руках его, мистера Тримма, не удостоился внимания репортеров: ему были посвящены лишь короткие сухие отчеты.

Совсем другое дело мистер Тримм. На него с самого начала были устремлены глаза всего читающего мира: его манера держать себя на суде, холодные взгляды, которые он бросал на судью, читавшего обвинительный акт, его образ жизни в тюрьме — все это заслуживало целых столбцов в газетах, которые мистер Тримм прочитывал с снисходительной улыбкой.

Жизнь в тюрьме была облегчена ему в пределах возможности, — власть денег проникает даже через стены тюрем. Он жил в большой камере самого широкого коридора, ему приносили обеды из хорошего ресторана.

Может быть поэтому — мистеру Тримму все время казалось, что это вовсе не он приговорен к двенадцати годам тюрьмы, а кто-то другой, а сам он является лишь посторонним зрителем. Тем не менее, он не пожалел денег на то, чтобы всячески помогать мистеру Тримму избавиться от тюрьмы. И, когда однажды вечером его адвокат зашел к нему сообщить, что все попытки добиться кассации потерпели неудачу и что остается только надежда на помилование президента, мистер Тримм сухо оборвал своего адвоката и сказал:

— Оставьте это, Уоллинг, никакой президент меня не помилует. Я не хочу вас задерживать. Прошу вас только позаботиться о том, чтобы завтра для меня, т.-е. для нас, в поезде было оставлено отдельное купе. Покойной ночи, Уоллинг.

«Стальной человек», — говорил про себя Уоллинг, садясь в автомобиль. — «Стальная воля и обширный ум. И они хотят этот ум запереть на двенадцать лет! Преступление!»

Мистер Уоллинг всегда говорил так, когда его клиентов посылали в тюрьму.

II. «Тиски закона».

Когда на другое утро сторож явился в камеру бывшего банкира, чтобы отвести его к надзирателю, мистер Тримм был уже одет и позавтракал.

Надзиратель находился в конторе с другим человеком, которого с первого взгляда можно было признать за поли-

цейского чиновника, и мистер Тримм понял, что это был его провожатый.

— Присядьте, мистер Тримм,—сказал надзиратель нервно, — на одну минуту. Это — помощник шерифа Мейерс.

Мистер Тримм хотел ответить: «Рад познакомиться», но воздержался и только кивнул головой. Мейерс равнодушно взглянул на него своими мутными голубыми глазами. Надзиратель подошел к двери.

— Мистер Тримм, — сказал он, откашлявшись, — я взял на себя смелость послать за извозчиком, чтобы отвезти вас на вокзал. Он приехал и ждет у ворот. Но там собралась уже большая толпа народу, репортеров и фотографов. Я на вашем месте ушел бы из задней калитки, — я велю отпереть ее.

— Благодарю вас, надзиратель, вы очень любезны, — сказал мистер Тримм своим обычным деловым тоном.

Дверь скрипнула, и мистер Тримм увидел, что надзиратель вышел в соседнюю комнату — покрасневший, неуверенный.

— Отлично, — сказал Мейерс, — вы готовы?

— Вполне, — ответил мистер Тримм и направился к двери.

— Подождите минутку, — сказал Мейерс.

Он отвернулся от мистера Тримма и опустил тощую руку в карман плохо сшитого пиджака. В сердце мистера Тримма что-то дрогнуло, и та самая мысль, которая так тихо тикала в его мозгу в течение последних семи месяцев, вдруг зажужжала и зазвенела в его ушах.

Однако Мейерс вынул из кармана только носовой платок, повидимому он хотел вытереть лицо... Но Мейерс и не думал обтирать лицо. Он осторожно развернул платок, как будто в нем было завернуто что-то ценное и хрупкое, а потом сунул платок опять в карман и посмотрел прямо в лицо мистеру Тримму. В руках у него были ручные кандалы с раскрытыми кольцами, на концах которых виднелись острые зубчики.

Вопрос, который постоянно вставал в мыслях мистера Тримма, получил, наконец, ответ.

Бывший банкир встал и с нерешительностью, на которую он до сих пор еще не был способен, протянул свои руки.

Кольца закрылись с легким щелканьем.

Мистер Тримм не оказывал сопротивления.

— Неужели это необходимо, — сказал он, как будто не своим голосом.

— Да, — сказал Мейерс. — Закон не делает ни для кого исключений. Но они вам не будут мешать. Я выбрал самую легкую пару, и они сидят у вас свободно.

С полминуты мистер Тримм стоял, как завороженный, с протянутыми руками, опустив глаза. И в его мозгу промелькнуло прочитанное где-то выражение: «в тисках закона»...

Эти тиски он в первый раз почувствовал на себе, и сознание это причиняло ему почти физическую боль. Лицо его вдруг покрылось испариной. У него в кармане был носовой платок, тонкий, полотняный носовой платок с монограммой. Ему пришлось поднять обе руки и с помощью всех десяти пальцев вынуть платок.

Он опустил руки и несколько секунд пристально смотрел на Мейерса.

— Нельзя ли как-нибудь спрятать эти... эти штучки? — спросил он.

— Можно, — ответил Мейерс. — Вот, как это делается.

Он взял руки своего пленника и наложил кисти каждой из них на кольца наручников, а затем спустил пониже рукава сорочки.

— Вот так. Натягивайте от времени до времени рукава, и ваших браслеток не будет видно. Итак, готовы. Идем.

С полминуты мистер Тримм стоял, как завороженный

Когда они вышли на улицу, Мейерс взял под руку своего пленника, так что положение его сложенных рук могло показаться естественным.

Но нью-йоркских репортеров не так легко провести. Увидя банкира и его спутника, один из репортеров, стоявших на углу, дал условный сигнал, другой передал его дальше, и вскоре за мистером Тримом и его спутником гналась целая стая газетных репортеров и фотографов, а за ними толпа уличных зевак.

Не привыкший ходить пешком, мистер Тримм с трудом убегал от толпы. Минутная задержка Мейерса у контролера, проверявшего билеты, отдала шансы в руки преследователей, и мистер Тримм вышел на платформу среди целого потока людей. С трудом пробившись через эту лавину, банкир и его спутник вошли в первый попавшийся вагон. Но взгляды, которые на них устремляли пассажиры, заставили мистера Тримма просить Мейерса перейти в вагон для курящих. Там, в атмосфере, наполненной густым табачным дымом, он и просидел до тех пор, пока судьбе не стало угодно распорядиться с ним совершенно неожиданным образом.

III. Крушение поезда.

— Через два часа будем на месте, — сказал Мейерс, вынимая часы...

Был вечер. Уже темнело. Поезд шел, мерно громыхая колесами.

И вдруг мистер Тримм почувствовал под ногами какое-то странное ощущение. Казалось, что поезд пытался итти вперед и назад в одно и то же время. Передняя часть вагона как будто несколько покривилась и начала подниматься вверх. Послышался скрип, треск, и вдруг Мейерс внезапно исчез куда-то у него из глаз, а пол вагона раздался под ногами. Потом все смешалось в какой-то вихрь, мистер Тримм был точно подхвачен какой-то мощной рукой за шиворот и выкинут вон из вагона. Попав на край насыпи, он медленно скатился вниз и долго лежал на спине в густой осоке.

Сколько времени он лежал там, он не помнил. Крики и стоны раненых и пламя пожара вывели его из оцепенения. Он сначала сел, потом поднялся на ноги и, наконец, сообразил, что перед ним была картина железнодорожной катастрофы, а он сам — одна из жертв.

Среди пассажиров многие отделались легкими ушибами, но паника овладела всеми. Люди бегали взад и вперед и метались без цели, другие разыскивали своих спутников, третьи пытались спасти их из-под развалин горевшего поезда. На мистера Тримма никто не обращал внимания. Постояв с минуту, он сообразил, что ему нужно делать, и вприпрыжку, размахивая перед собой скованными руками, помчался прочь от железнодорожной линии в лес.

Он бежал до тех пор, пока его легкие не отказались работать. Тогда он сел на землю и прислонился к дереву. Он прислушался — никаких звуков, кроме пения птиц. Следовательно, железная дорога далеко, он в безопасности.

Посидев несколько времени на своем мягком ложе, мистер Тримм успокоился и начал дремать, а потом усталость взяла свое, и он заснул.

На рассвете стало свежо, и мистер Тримм проснулся. Прошло несколько минут прежде, чем он вспомнил все и сообразил, где он находится. О побеге нечего было и думать, конечно. Его наверное уже искали. Лучше пойти и сдаться самому, чем быть пойманным в лесу, как зверь, бежавший из зверинца. Но мысль о том, что опять люди будут глазеть на него, навела на него ужас. Ему казалось, что никакая тюрьма не могла доставить ему таких неприятностей, какие он пережил под любопытными взорами бежавшей за ним толпы.

Может быть, ему удастся снять как-нибудь оковы и пойти навстречу своим тюремщикам с более достойным видом?..

Он с трудом залез обеими руками в карман и вынул футляр с очками, которые с неменьшим трудом поместил себе на нос. После этого он внимательно осмотрел наручники, вертел руками во все стороны и убедился, что снять их невозможно.

Мистер Тримм принадлежал к числу людей, которые не станут тратить времени на безнадежные попытки. Он встал и пошел по лесу.

Когда он услыхал свисток локомотива со стороны, противоположной той, где по его мнению была линия железной дороги,

он повернул и пошел обратно. Он пересек полувысохшую речку, поднялся на холм и увидел оттуда вдали место вчерашней катастрофы. Пожар, очевидно, все еще продолжался, над рельсами стоял дым.

В это время на дороге, пролегавшей недалеко, послышался стук колес, и тяжелая деревенская повозка с пожарной машиной прокатилась мимо мистера Тримма, поднимая целое облако пыли. Повинуясь неизвестному ему до тех пор инстинкту, мистер Тримм прыгнул в кусты и сидел там, затаив дыхание, пока повозка не проехала мимо.

Но как только она проехала, он сейчас же пожалел об этом. Ведь рано или поздно ему придется сдаться, так отчего же не этим крестьянам, а кому-нибудь другому?

Пока он стоял, раздумывая и не решаясь крикнуть им вслед, он увидел, как у одного из сидевших на повозке вырвался из рук большой лист бумаги. Это была газета. Как только повозка скрылась из виду, мистер Тримм завладел газетой. На первой странице жирным шрифтом было напечатано: «Двадцать погибших в железнодорожной катастрофе».

Прочитывая один столбец газеты за другим, он вдруг чуть не подпрыгнул от радости. Среди имен опознанных покойников находилось и его собственное имя. Он несколько раз перечитал поразившее его место. «Тело помощника шерифа Мейерса было найдено изуродованным под развалинами вагона, а рядом с ним — другое тело, обезображенное до неузнаваемости. По некоторым признакам оказалось, однако, возможным установить, что это тело Хоббарта Тримма, осужденного директора банка. Все тела доставлены в соседний город Уэстфильд и помещены в морг».

Далее следовали факты из жизни банкира Тримма, при чем упоминалось почти только то, что могло очернить его память.

IV. Мистер Тримм решает возродиться.

Мистер Тримм несколько раз перечел этот столбец, и прежняя энергия и решительность волнами приливала в его сердце. Он поднял газету и направился в лес, двигаясь обдуманно и осторожно. Голова его все время работала с привычным напряжением.

Он был свободен. За ним нет погони. Никто не станет искать его здесь в лесу и нарушать его покой. Ему надо спокойно выждать несколько дней, а потом постараться войти в тайные сношения с Уоллингом. Уоллинг все сделает за деньги. А деньги у Тримма были — четыре миллиона долларов, которые он сумел скрыть и сберечь, когда другие разорились.

Очутившись на воле, он переменит фамилию и будет называться, по матери, Дюваль. С помощью Уоллинга ему удастся бежать из Соединенных Штатов и поселиться в другой стране, где человек, имеющий четыре миллиона долларов, сможет жить по-царски. Он стал думать об Юж-

Мистер Тримм был подхвачен вихрем и выкинут вон из вагона.

ной Америке или Южной Африке и об изящной небольшой яхте, плавающей среди одиноких островов Тихого океана. Все то, что закон отнял у него, вернется к нему обратно. Уоллинг разработает все подробности побега — он в этом деле мастер. С одной стороны — тюрьма с ее двенадцатью годами, вычеркнутыми из жизни; с другой — свобода, довольство, безопасность, даже власть. И в голове мистера Тримма проносились мысли о концессиях, предприятиях, привилегиях: глухие уголки мира — золотое дно для человека с головой. И между этим блестящим будущим мистера Тримма и его настоящим не было ничего, кроме...

Но разве это не бессмыслица! Разве он не справится с этим маленьким блестя-

щим предметом, он, который привык ворочать огромными делами, чьей воле покорялось до сих пор все, что встречалось на его пути, чье счастье стало притчей во языцех!

Мистер Тримм осмотрел себя с ног до головы. Весь костюм его был в полном порядке. Если бы не наручники, он мог бы ничем не привлекать ненужного внимания. Сегодня же ночью надо избавиться от них, а потом добраться до ближайшего городка и оттуда дать Уоллингу шифрованную телеграмму.

Он снова был тем хладнокровным деловым человеком, который семь месяцев тому назад стоял у денежного потока и мощным движением руки направлял его течение. Забравшись в чащу леса и убедившись в том, что его никто не видит, мистер Тримм исследовал содержимое своих карманов. Он уже привык действовать скованными руками и употреблять десять пальцев там, где ему прежде нужно было пять, но залезть двумя руками сразу в некоторые карманы оказалось не так легко, и, когда он кончил это дело, руки болели так, как будто он их вывихнул.

Результаты карманных поисков заключались в четырех слегка поврежденных сигарах, нескольких спичках, бронзовой спичечнице, серебряном ножичке для сигар, двух билетах по пять долларов, горсти мелочи, кожаном футляре от очков, пачке черепаховых зубочисток, золотых часах, записной книжке и нескольких бумагах.

Он немедленно принялся за дело. Он заметил уже, что ногтем мизинца, вставленным в щелку кольца в том месте, где оно защелкивалось, ему удавалось слегка повернуть его. Необходимо было найти более твердый предмет, и тогда, может быть, ему удастся добыть себе свободу. Он взял металлическую спичечную коробку, ударом каблука раскрошил ее, выбрал остроконечный обломок и приступил к делу.

Неудобное положение рук скоро утомило его. Он не умел взламывать замки, он добирался до чужих денег совершенно иными способами, поэтому нечего удивляться тому, что ему не удалось открыть своих наручников.

Но сила воли у него была огромная. Он возился целый день, и к вечеру, когда он был совершенно измучен усилиями, когда лицо его покраснело, как вареный рак, а жилки на висках надулись, как пузыри у древесной лягушки,—все находившиеся в его карманах предметы, служившие ему тем или иным способом, были поломаны, погнуты или изуродованы, а на стали наручников виднелось несколько слабых царапин. И только.

Дьявольская прочность проклятого металла! Мистер Тримм в бешенстве поднял руки и с силой ударил ими о пень.

V. Неудачи мистера Тримма.

Между тем солнце село, и стало холодно. Он заснул, но спал тревожно и часто просыпался. Желудок сжался до боли. Вода, которую он пил, только сильнее заставляла его чувствовать голод. Мокрое от пота белье прилипало к телу. Изнеженное тело жаждало покоя, ванны и сухого белья. Желудок требовал пищи.

Наконец, желание согреться пересилило осторожность. Он встал, набрал в темноте сухих веток, подобрал несколько спичек и развел костер. Но тепло не спасло его. Руки, утомленные работой в неудобном положении, все время сводило.

К утру он, наконец, заснул, сидя, опустив голову на грудь. Новая боль скоро разбудила его. Он сел слишком близко от огня, и кожа на башмаке прогорела.

Вскоре после рассвета по дороге прошел мальчик, гнавший перед собой корову. Мистер Тримм услышал звук колокольчика, когда ни коровы, ни мальчика еще не было в виду, и со всех ног бросился в чащу леса. Низкая ветка зацепила за его шляпу и сорвала ее с головы. Но мистер Тримм, которому мерещилась погоня, не остановился, а продолжал бежать до тех пор, пока не задохнулся. Опустившись на землю, он увидел около себя на кусте какие-то ягоды и жадно стал обрывать их. Но острый вкус убедил его, что они ядовиты, и он уныло выплюнул их. Отдохнув немного, он встал и медленно поплелся по тому направлению, которое казалось ему параллельным железной дороге.

Отойдя на значительное расстояние, он остановился на просеке и осмотрелся. Просека была безлюдна, но в конце ее

стояло полуразрушенное строение, не то сарай, не то сторожка. Мистер Тримм осторожно заглянул в нее. Пусто, никого. Привыкнув к темноте сторожки, он увидал на земле заржавленную полоску железа. И сейчас же блестящая мысль осенила его ум. Придерживая один конец ногой, он стал о другой водить цепью наручников, с целью перепилить ее. Но боль в руках заставила его бросить работу.

Новая мысль пришла ему в голову. Он смутно вспомнил, что огонь оказывал какое-то действие на какие-то металлы. Он устроил небольшой костер из обломков сучьев и, когда пламя разгорелось, стал держать над ним цепочку наручников, стараясь раздвинуть руки как можно больше. Но прежде, чем огонь успел оказать действие на цепочку, он получил ожог на одной из рук, а цепочка только слегка закоптилась. Способ оказался никуда негодным.

Тогда он ушел из сарая и, стараясь держаться прямого направления, пошел прочь от железной дороги. Пройдя милю, он очутился на полузаросшей лесной дороге.

К северу от просеки, с которой только что ушел мистер Тримм, находилась ферма. К югу — небольшое селение с белой церковью. По дороге от деревушки к ферме шел мальчик лет десяти и нес в руках ведро с молоком. По деревьям прыгала белка, и мальчик, поставив ведро на землю, стал искать на дороге камешек, чтобы бросить им в белку.

Мистер Тримм осторожно вышел из кустов. Носовой платок с монограммой был обернут вокруг обеих кистей рук, насколько возможно скрывая наручники. Подвигаясь боком к дороге, мистер Тримм старался как можно меньше шуметь.

— Милый мальчик...—начал он.

Но мальчуган, испуганный неожиданным появлением чужого человека, ничего не ответил и опрометью бросился в том направлении, откуда только что пришел.

Если бы он оглянулся, то увидел бы зрелище еще более удивительное, чем то, которое его только что так испугало. Он увидел бы в пыли дороги толстого пожилого человека, обладателя четырех миллионов долларов, на коленях перед ведром с молоком, которое он пил жадными глотками, испуская звуки, похожие на урчание кошки, пожирающей пойманную мышь.

Но мальчик не оглянулся. Прибежав домой, он рассказал матери, что видел в лесу дикаря.

Молоко подкрепило силы мистера Тримма. Он довольно спокойно провел ночь в чаще, и только боль в руках заставила его несколько раз просыпаться.

Обладатель четырех миллионов — на коленях перед ведром с молоком.

На утро он проснулся с новыми планами в голове. Но как их осуществить!?.

...На кучке мягкого торфа у кузницы сидели трое поселян и ждали, когда у кузнеца будут готовы подковы. Мистер Тримм решил подождать в засаде их ухода, а потом рискнуть попросить кузнеца оказать ему великую услугу — избавить его от несносных наручников. Но вот где-то вдали прозвучал колокол, призывавший к обеду. Кузнец окончил свою работу, надел фуражку и вышел из кузницы со своими тремя клиентами. И мистер

Тримм увидел, что на фуражке кузнеца красовался значок шерифа.

Еще раз планы его рушились! Было бы безумием надеяться, чтобы кузнец, исполнявший обязанности шерифа, согласился снять с преступника наручники. Мистер Тримм вернулся в чащу.

VI. «Тискам закона» грозит опасность.

Наручники, все время заставлявшие его держать руки вместе, точно срослись с ним. Он уже привык к ним, и они казались ему частью его самого. С другой стороны, заставляя его держать все время руки в неудобной позе, они казались ему чьими-то чужими руками, имевшими над ним несносную власть.

В стороне от дороги, на краю обрыва, сидел бродяга. Были сумерки. С удовольствием поглядывая в свой котелок, висевший над огнем, бродяга думал о предстоявшем ужине. Он был длинен и худ, лохмотья одежды висели на нем, как на вешалке.

Привлеченный к костру дымом, мистер Тримм уже решил про себя, что братится за помощью к бродяге. Когда он увидел его сквозь кусты, невольное чувство стыда за свое унизительное положение сперва удержало его от обращения к старику. Он остановился в кустах, стараясь не привлечь на себя его внимания. Но приятный запах кушанья, варившегося в котелке, заставил его выйти из засады и направиться к костру. Когда бродяга услышал его осторожные шаги, он перестал мешать в котелке и оглянулся.

Мистер Тримм подошел и, не откладывая об'яснения в долгий ящик, протянул руки и коротко произнес:

— Я в затруднении.

— Да, да,—ответил бродяга. — Понимаю. Эти драгоценности надеваются не ради удовольствия.

Потом, оглядев мистера Тримма недоверчивым взглядом, он проговорил:

— А скажите, приятель, откровенно. Сколько они предлагают за вашу голову?

— За мной не гонятся,—ответил мистер Тримм. — Я совершенно один.

— Вы уверены в том, что вас никто не сторожит? — повторил бродяга.

— Я говорю вам, никто, — настойчиво подтвердил мистер Тримм. — Я прошу вас помочь мне избавиться от этих штук и передать известие моему другу. Вам будет хорошо заплачено за услугу. Я могу заплатить вам столько, сколько вы не видели денег за всю свою жизнь. Я обещаю вам...

Он остановился на полуфразе, потому что бродяга, вероятно, успокоенный его видом, вернулся опять к своему кушанию и начал помешивать его палочкой.

— А расскажи-ка, приятель,—спокойно проговорил бродяга, глядя в свой котелок,—каким образом ты очутился здесь в лесу, вот с этими браслетами на руках?

— Я был при крушении поезда, — послушно ответил мистер Тримм.—Человек, сопровождавший меня, был убит. Я не был даже ранен и ушел в лес. Но все думают, что я погиб. Мое имя было среди убитых.

Лицо бродяги вытянулось от удивления.

— Скажите пожалуйста! Я знаю, я читал всю историю крушения. Так неужели же вы Тримм, банкир Тримм? Так и есть. Этакое счастье! Дайте посмотреть на вас хорошенько. Мистер Тримм, банкир. Совершенно верно.

— Да, мое имя — Тримм. Я брожу по этому лесу уже несколько дней, и мне очень нужны отдых и пища. Я очень голоден, — докончил он прерывающимся от слабости голосом.

— Ладно, ладно, садитесь, Тримм. Вы голодны, это видно по вашему лицу. Подождите немного, суп вскипит. Нам хватит здесь обоим. Но вы что-то говорили о деньгах. Позвольте заглянуть в ваши карманы.

Мистер Тримм стоял на месте и не оказывал сопротивления. Бродяга обшарил его карманы и, сосчитав найденные деньги, презрительно плюнул.

— Ну, старина, — сказал он, — я бы сказал, что для банкира вы путешествуете, так сказать, налегке. Сколько же вы хотели дать за услугу?

— Вам будет щедро заплачено, — повторил мистер Тримм,—мой друг позаботится об этом. Пока я вас прошу только на те деньги, которые вы держите в руках, купить клещи или какой-нибудь другой инструмент и освободить меня от этих штук. А потом вы пошлете телеграмму одному джентльмену в Нью-Йорк. Я останусь здесь с вами до тех пор, пока мы не получим ответа,

пока он не приедет сюда. Он вам хорошо заплатит. Я обещаю вам это.

Он замолчал и смотрел на котелок. Бродяга испытующе поглядывал на него, поправляя сучки в костре.

VII. Крушение «блестящего плана» бродяги и надежд банкира.

— Я кое-что слышал о вас, Тримм,— сказал он наконец,—и не скажу, чтобы это внушало мне доверие. Вы жулик, так сказать, обманщик высокого полета. Люди пишут, что вы никогда ни с кем не поступали честно. Как звали этого молодого человека, кассира, которого судили вместе с вами? Он работал для вас и помогал вам в ваших делах, а вы пустили его туда, откуда сами теперь хотите улизнуть. Впрочем, вы тут толковали о деньгах, но я не нашел в ваших карманах особенно много. Мне пришлось бы положиться только на ваше слово, а ваше слово, как видно, не очень дорого стоит.

— Я же говорю вам, что вы получите щедро, — с трудом проговорил мистер Тримм, и в голосе его слышался страх.— Вы должны мне помочь. Я слишком много страдал. Я слишком много сделал, чтобы отказаться теперь...

И он с мольбой протянул вперед свои руки. Обещания, просьбы, приказания, убеждения горячим потоком хлынули с его уст.

Но его мучитель только качал головой.

— Вы сейчас, как пойманная птица,— сказал он,—и не вам приказывать теперь, а мне. Но я вообще уверен в том, что мы с вами не сойдемся. Ваши условия мне не подходят. Но я сделаю все-таки дело,—по-своему. Это будет блестящее дело! У меня есть недурной план.

— Что вы хотите сказать?—с ужасом произнес мистер Тримм.—Ведь, вы поможете мне?..

— Я вот что хочу сказать,—медленно проговорил бродяга, засунув руку под пиджак и отстегивая ремень. — Я передам вас властям, и тут уже я могу быть спокоен, что мне заплатят, а, может быть, они захотят посмотреть сквозь пальцы на кое-что, имеющееся за мной...

Бродяга, не успев крикнуть, полетел на дно обрыва.

Мистер Тримм в ужасе оглянулся кругом. Бежать было трудно. Он сам попался в ловушку. Мысль о том, что он будет, связанный, отведен в полицию этим оборванцем, заставила его содрогнуться. Он отступил назад, готовый совершить безумную попытку бегства.

— Не спешите, не спешите,—сказал бродяга, наслаждаясь мучением своей добычи.—Я не сделаю вам больно. Я хочу только быть уверенным в том, что вы не сбежите, пока я дойду до шерифа. Не делайте ничего, что может вам повредить. Вы — ценный предмет. Я только хочу просунуть вот этот ремень под ваши локти и прикрепить вас к дереву. Тише,—прибавил он, видя протест на лице мистера Тримма,—тише, а то вы ушибетесь...

Но мистер Тримм в одно мгновенье превратился в первобытного человека. В глазах его от страха заплавали красные круги. Собрав все свои силы, он бросился на бродягу. Он ударился в него головой, плечами, коленями, кулаками—и бродяга, не успев крикнуть, полетел через костер с котелком — на дно обрыва.

Мистер Тримм подошел к краю и заглянул вниз. Бродяга лежал на камнях, лицом в землю, и не шевелился. Одна нога была уродливо согнута. Из-под головы вытекала тонкая струйка крови.

Не глядя больше вниз, мистер Тримм повернулся и ушел опять в чащу. Пока он шел, начался дождь, сначала небольшой, потом сильнее. Несмотря на густую листву, через час мистер Тримм промок насквозь.

...Поздно ночью к дому, где жил мальчик, оставивший в лесу ведро с молоком, нерешительными шагами подошла какая-то человеческая фигура. Несчастный весь промок и с трудом волочил усталые ноги. Это был мистер Тримм. Он осторожно обошел кругом дома.

Когда он дошел до кухонного крыльца, ему навстречу вдруг выбежала собачонка, залившаяся звонким лаем. Мистер Тримм начал отступать, держа руки вперед, как собака, когда она ходит на задних лапах. Отступая и не сводя глаз с собаки, он наступил на раму парника, и стелко с шумом раздавилось. Он с трудом освободил ногу, порезав ее в нескольких местах, потом, дав собаке пинок ногой, он вышел на дорожку. В это время в доме отворилась дверь, и на крыльцо вышел полуодетый мужчина. Страх придал сил мистеру Тримму, и он вприпрыжку скрылся опять в лес.

Фермер долго ходил кругом дома с бежавшей впереди него собачонкой, а мистер Тримм в нескольких ярдах оттуда лежал на земле, лицом вниз. Сильные рыдания потрясали его тело. Он бешено грыз наручники, и из рук его ручьями телка кровь. Слышался треск сломанных зубов.

VIII. Мистер Тримм решает продолжать начатое путешествие.

Крушение произошло во вторник вечером. В субботу утром начальник полиции, и вместе с тем единственный ее представитель в городке Уэстфильде, услышал у двери своего дома, бывшего одновременно и полицейской камерой, робкий стук. Дверь его дома была голландская, т.-е. состояла из двух половинок, верхней и нижней, которые могли отворяться каждая отдельно. Начальник полиции отворил верхнюю и выглянул.

Перед ним оказалось человеческое лицо, необыкновенно грязное, необыкновенно усталое, обрамленное седыми волосами и щетиной небритой седой бороды. Рот, распухший точно от ударов, слабо отвисал, между окровавленными полураскрытыми губами виднелись обломанные зубы. Бесцветные, мутные глаза вяло смотрели на начальника полиции. Голова была вся в грязи и соринках.

— Алло, дружище,—сказал начальник.—Что вам угодно?

Постучавший поднял голову.

— Я пришел,—проговорил он едва слышным голосом,—я пришел, чтобы сдаться. Я—Хоббарт Тримм.

— Вы, должно быть, ошибаетесь, дружище,—сказал начальник полиции.—Прежде всего, мистеру Тримму было только пятьдесят два года, а затем он уже умер и похоронен. Придумайте что-нибудь получше, дедушка.

— Я — Хоббарт Тримм, банкир, — проговорил призрак упрямо.

— Войдите и докажите это, — сказал начальник, с удовольствием затягивавший дело. В Уэстфильде не так легко было встретить развлечение.

Когда посетитель вошел, он еще раз спросил его:

— Есть у вас какие-нибудь доказательства.

— Есть,—ответил тот хриплым шопотом.

И он с трудом поднял и протянул вперед свои руки. Это были ужасно распухшие руки, красные, с пятнами запекшейся крови и грязи, с поломанными ногтями, изуродованными пальцами. В том месте, где были надеты наручники, руки были совсем синие, а стальные браслеты, все испачканные и испарапанные, все так же крепко сидели там, где они были надеты.

— Юпитер!—воскликнул начальник, пораженный ужасным зрелищем.—Пройдите скорее сюда, я сниму наручники. Они должны причинять вам ужасную боль.

— Ничего, — сказал мистер Тримм смиренно. — Я уже привык к ним, я ношу их очень давно. Я попросил бы вас сначала дать мне что-нибудь поесть...

на дне АТЛАНТИКИ

Морской рассказ **Франка Стоктона.**

Дело было десять лет тому назад, у Южной Америки. «Аделаида», небольшой грузовой пароход, вышел из Ульфорда в Вальпарайзо, нагруженный швейными машинами и чугуном в слитках. Пассажиров было всего несколько человек, в том числе я, мой приятель Вилльям Андерсон и его семнадцатилетний сын Самми; а ехали мы в Вальпарайзо.

Не помню, право, сколько времени прошло после выхода из порта, только раз ночью я просыпаюсь от страшного толчка и суматохи. Выхожу на палубу, и оказывается, что «Аделаида» натолкнулась на какое-то суденышко и распорола себе нос. Как это их угораздило дать такого маху, я понять не могу: ведь, кажется, направо и налево целое море дороги!

Ну, как бы там ни было, чужое суденышко тут же, в темноте, куда-то исчезло, а мы остановились: в образовавшуюся на носу пробоину вода полилась, как водопад, и стала заполнять каждое пустое местечко в носовой части судна; постепенно палуба наклонилась, корма поднялась, и винт очутился на воздухе,— понятно, что машина сделалась бессильной.

Капитан велел зачем-то рубить мачту и пустил в ход помпы, но набравшаяся вода держала пароход носом вниз, и поставить его в нормальное положение не было никакой возможности. Довольно большие волны перекатывались через палубу, и, по приказанию капитана, в ней сейчас же заделали наглухо все отверстия и люки, так что единственной дорогой в кормовую часть, где находились каюты и хозяйственные помещения, остался самый отдаленный от носа трап.

Привязав себя друг к другу веревками, матросы живо заколотили машинное отделение и закупорили отверстие дымовой трубы парусами, так как она была сломана упавшей мачтой, и в эту дыру тоже заливали волны.

После полудня ветер стих, и море улеглось. «Аделаида», уткнувшись носом, набрала воды, сколько могла, больше не опускалась и, чуть-чуть покачиваясь, пришла в устойчивое равновесие. На корме был поднят сигнал о помощи; капитан надеялся, что мы продержимся так до тех пор, пока какое-нибудь судно не заметит нашего положения. А положение, я вам скажу, было такое, что без всякого сигнала заметишь: словно лошадь, лягнувшая задними ногами и оставшаяся в этой позе.

На ночь мы все постарались устроиться поудобнее, хотя это было немножко трудно. Вдруг, перед рассветом, послышался какой-то гул, шум, катанье, — и корма поднялась еще выше. Капитан об'яснил, что это чугунные слитки, занимавшие нижнюю часть трюма, сдвинулись по наклонному дну и переместили центр тяжести судна. Когда ветер поднялся снова и «Аделаида» закачалась сильнее, чугун начал так перекатываться и грохотать, что делалось жутко.

Я видел, что капитан что-то обдумывал, потом он созвал всех наверх.

— При таком волнении, как теперь, чугун может каждую минуту разломать переборки трюма, — об'явил он нам: — тогда вода поднимется еще выше, и мы пойдем ко дну. Остается одно: оставить судно... Снаряжай и спускай спасательные шлюпки!

Пассажиры засуетились, команда принялась за дело. Уложив в шлюпки запас провизии и воды, пассажиры, команда, капитан начали усаживаться.

Но Вилльям Андерсон, Самми и я не могли понять, какой смысл итти ночью в открытое море, неизвестно куда, когда на судне есть сухое помещение и сколько угодно пищи. Кроме того, нам казалось, что всякому проходящему пароходу легче заметить на волнах необыкновенную фигуру «Аделаиды», чем небольшие шлюпки.

Относительно же груза ничего нельзя было сказать наверное: слитки чугуна, действительно, могли сделать трещины в переборке, но могли и улечься спокойно: мне казалось, что за последнее время грохот уже уменьшился. Словом, нам не хотелось уходить с судна.

Капитан думал, что мы наверное утонем, и уговаривал последовать общему примеру. Но мы послушались только одного его совета: приготовить на всякий случай последнюю оставшуюся шлюпку.

Попрощавшись с товарищами, мы посмотрели, как мягко соскользнули их шлюпки с палубы прямо вниз, на волны, и остались одни.

***

Начинало светать. Привязав себя друг к другу покрепче, мы сейчас же снарядили шлюпку и прикрепили ее длинной бечевкой к перилам лестницы, ведшей в каюту. Так как этот трап находился теперь в горизонтальном положении и ходить по ребрышкам ступенек было не особенно удобно, да и ползанье по палубе оказалось довольно утомительным, то мы решили, что, покончив обязательную работу, имеем право снова лечь спать и хорошенько отдохнуть.

В нашей каюте было очень уютно, если не считать непривычного положения каждой вещи. Только лампа висела совершенно вертикально с наклонного потолка и горела так ярко, словно ей не было никакого дела до окружающей обстановки. Мы погасили ее, устроились, как могли, удобнее в нижних уголках каюты, и крепко заснули.

Разбудил нас среди бела дня возобновившийся грохот в трюме. Опять сильно качало.

Мы посмотрели на лампу: она раскачивалась, приближаясь все больше и больше к одной стороне, — и вдруг повисла неподвижно, прижавшись к потолку... В ту же секунду мы перекувырнулись через голову — и сели.

Осмотревшись, мы увидели, что сидим на стенке, ближайшей к носу парохода. Над нами была противоположная стенка с приделанными к ней койками. Пол и потолок стояли вертикально, а дверь приходившаяся теперь на аршин от нового пола, открылась от толчка, и через нее был виден коридор, подымавшийся вверх, как труба плавильной печи... Действительно, пора было уходить!

Вылезши в коридор и цепляясь за ручки всех дверей, за лампы и карнизы, мы добрались до лестницы. На этот раз она очень удобно спускалась к двери, выходившей на палубу. Но открыв эту дверь, мы увидели, что палуба стоит отвесно, как стена какого-нибудь дома, а там, внизу, фут на двадцать ниже нас, тихо колышется на небольших волнах наша нагруженная шлюпка...

Солнце сияло весело и ярко. Мы сразу не сообразили, в чем дело, и поспешили спастись: Самми первый спустился по канату и, взявшись за весла, поставил шлюпку вплотную к палубе; затем, болтая ногами и сразу ссадив себе кожу на ладонях, спустились мы с Андерсоном. Потом мы отплыли, как можно скорее.

Остановившись на таком расстоянии, которое казалось нам безопасным, мы сложили весла и с сожалением стали наблюдать, ожидая, что вот-вот «Аделаида» опустится на дно Атлантического океана.

Но «Аделаида» стояла вверх кормой, как окаменелая.

Постепенно зыбь улеглась окончательно. Вокруг нас до самого горизонта словно растянулось огромное зеркало... Солнце стало склоняться к западу, и бесконечная гладь приняла чудный зелено-синий оттенок. Не слышно было ни звука, не видно ни одного паруса... Казалось, на всем свете живы были только дельфины, выскакивавшие по временам из воды, да мы трое...

И мы продолжали сидеть, с кислыми физиономиями, опершись локтями на колени и не спуская глаз с удивительной фигуры «Аделаиды».

Вилльям Андерсон первый вспомнил, что мы еще ничего не ели, и принялся раскладывать на скамеечке разную провизию.

Пообедали, поговорили. День прошел. Наступила дивная тропическая ночь, с яркими звездами и луной. Поужинали. Вилльям Андерсон лег после ужина спать, велев разбудить себя, когда будет крушение, но скоро проснулся сам и просидел с нами до рассвета.

На востоке загорелась заря. Мы посмотрели восход солнца и позавтракали;

потом пообедали... Еще день прошел! Больше мы не могли выдержать.

— Послушайте, — сказал Вилльям Андерсон:—грести нам некуда... а «Аделаида» держится так вторые сутки. Я думаю, что груз улегся окончательно, ничего не поломав, и судно простоит в таком положении еще очень долго... Самми!

— Что?

— Греби домой.

Самми с удовольствием взялся за весла, я за другие, — и через пятнадцать минут мы подошли к «стене» нашего плавучего «дома». Канат, привязанный к перилам лестницы, висел сверху, из дверей, как мы его оставили, и Самми влез по нему, как обезьяна. Затем он втащил канат к себе и завязал на нем несколько узлов, после чего уже спустил его снова. Тогда и мы с Вилльямом благополучно выбрались наверх, хотя порядочно устали от гимнастики.

Взойдя по лестнице с большим удобством, хотя ступая не там, где полагается, а по другим бочкам ступенек, — мы прежде всего сделали осмотр каютам и хозяйству. В кладовой и в помещении повара была масса с'естных припасов и всего необходимого, хотя многие вещи перемешались и находились в самых неожиданных местах.

Мы решили устроиться в двух каютах: нашей прежней и кают-компании, помещавшейся на самой корме. Собрав побольше одеял и подушек из всех кают, мы устроили себе отличные, мягкие постели, гораздо шире и удобнее коек, напились чаю при уютном свете лампы, при чем не могли только воспользоваться столами, привинченными к своему месту и торчавшими теперь вертикально, — и собрались спать. Когда Самми, запирая дверь на палубу, заметил, что идет дождик, Вилльям Андерсон с наслаждением потянулся и проговорил:

— То-то!.. Теперь в шлюпках, в открытом море, насквозь промокнешь, а у нас — вон как чудесно!

**
*

На следующий день, когда разговор зашел о том, что неудобно лазать и прыгать по привинченной мебели, Самми неожиданно вспомнил, что он видел лестницу с железными крючками в помещении повара. Каюта эта была ближе всех к машине, то-есть на несколько сажен ниже нас. Цепляясь за что попало, мы спустились по коридорчику, словно в колодец, и открыли дверцу, бывшую у нас прямо под ногами.

Влез туда только Самми, а мы предпочли смотреть сверху.

Там было несколько темнее, чем в остальных каютах; оказалось что иллюминаторы здесь приходятся уже под водой и свет проникает через слой ее фута в два-три толщиной.

Крепкая лесенка с четырьмя железными крючками по концам действительно нашлась, и Самми, маневрируя между грудой вещей, перевернутых вверх ногами, поднял ее, чтобы подать нам конец сквозь дверцы. Но, несмотря на усердие, он как-то оступился, промахнулся, — и один из железных крючьев ткнулся в стекло иллюминатора. Стекло было очень толстое, как всегда делается в пароходных оконцах, но удар крючка все-таки пробил его насквозь, и в каюту хлынула струя воды.

Мы поскорее схватили одеяла из ближайших кают и побросали их Самми, чтобы он закупорил отверстие, но вода лилась с такой силой, что это оказалось невозможным. Тогда Вилльям Андерсон приказал Самми не мокнуть понапрасну и вылезать к нам. Зацепивши, на этот раз благополучно, лестницу за порог открытой сверху двери, Самми выбрался из каюты.

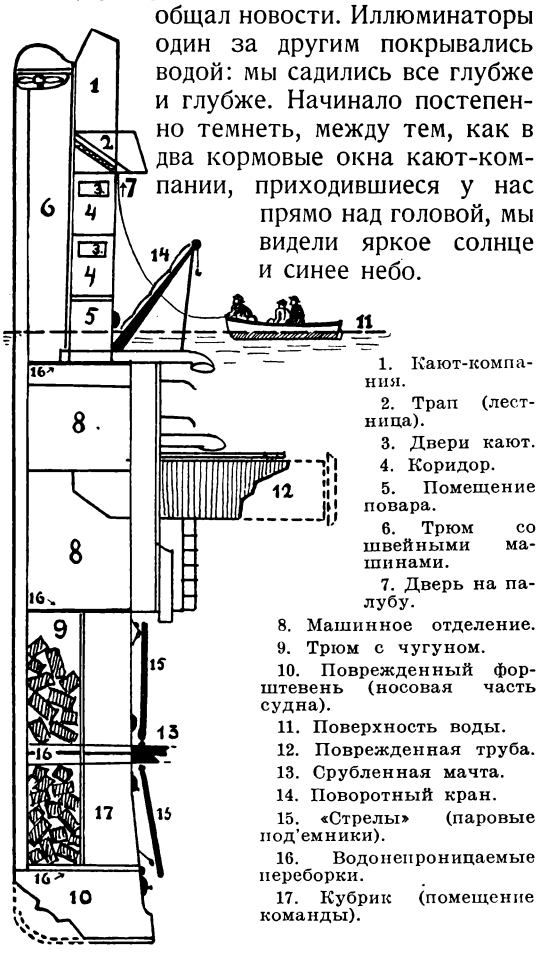
Поглядев на сильную струю вливавшейся воды, мы сообразили, что, когда каюта наполнится, вода значительно увеличит вес судна, и «Аделаида» опустится еще ниже. Необходимо было по крайней мере пресечь ей дорогу в наши помещения. К счастью, пароход был новый, все пригнано как следует, и дверь, отделявшая коридор от каюты повара, захлопнулась герметически.

Но Вилльям Андерсон посоветовал закрыться и сверху.

— Неизвестно, насколько осядет «Аделаида», — заметил он: — может быть, дверь с лестницы на палубу опустится до самого уровня воды: ведь, тогда нас тут зальет, как мышей.

Мы послушались его совета, и скоро наш единственный выход на волю был также заделан наглухо. Затем мы уселись, закурили трубки и стали ждать, что будет дальше.

Только Самми, с помощью своей лестницы, разгуливал по всем каютам и сообщал новости. Иллюминаторы один за другим покрывались водой: мы садились все глубже и глубже. Начинало постепенно темнеть, между тем, как в два кормовые окна кают-компании, приходившиеся у нас прямо над головой, мы видели яркое солнце и синее небо.



Разрез «Аделаиды» после того, как чугун «улегся спокойно».

Вот вода начала просачиваться тонкой струйкой в щелку двери, выходившей на палубу. Но мы живо изрезали перочинными ножами несколько простынь и законопатили щелку так, что больше к нам не могла попасть ни одна капелька.

Затем настала очередь кают-компании: вот — одна пара окон опустилась в воду,.. вторая,.. третья, — и, наконец, синее небо с ярким солнцем тоже исчезло...

— Вот мы и совсем нырнули, — спокойно заметил Вилльям Андерсон, набивая новую трубочку.

Но я, оглянувшись и видя сквозь все окна только зеленую воду, невольно вздохнул.

Освещение становилось все более и более странным: словно какие-то зеленые сумерки...

— Ловко! — воскликнул вдруг Вилльям Андерсон и совсем просиял: — «Аделаида» перестала опускаться!

— Почем вы знаете?

— Перестало темнеть.

Последив несколько минут, я убедился, что он прав. Но, на мой взгляд, в этом было мало утешения.

— Что же такое? — сказал я. — Мы уже все равно под водой и можем утонуть так же, как на глубине тысячи фут.

— Утонуть? Как же мы можем утонуть без воды?

— Я думаю, что скоро мы останемся и без воздуха... и задохнемся. А это, по-моему, все равно, что утонуть.

— Без воздуха? Ого, воздуха нам еще надолго хватит, нечего об этом беспокоиться. А вот, что мы не опускаемся глубже, — это отлично! — продолжал он. — На большой глубине у нас, пожалуй, раздавило бы окна огромным давлением воды. Ну, а теперь давайте искать, нет ли еще где-нибудь щелочек.

Щелочки кое-где нашлись, и мы крепко заделали их тесемками из простынь.

— Как удачно, что Самми нашел эту лестницу! — проговорил Вилльям Андерсон, усердно работая.

Я лично очень жалел, что Самми вспомнил о существовании лестницы, так как без вылазки за нею мы не пробили бы окошко и не опустились бы так глубоко. Но мне не хотелось портить всегда веселого настроения моего друга, и я смолчал.

***

Поговорив за ужином, мы решили, что будем благоразумны и не станем больше ни курить, ни варить чаю на керосинке, так как надо сберегать воздух. Вилльям Андерсон, хотя и сказал «гм», но на все согласился.

— Одно меня беспокоит, — заметил он: — может быть, мы сидим так глубоко, что флаг над кормой тоже не виден?

— Ну, если вас только это беспокоит, то видно, что вы будете спать спокойно... Если даже флаг и виден, то кому же придет в голову, что под ним целый пароход, а в нем — мы, да еще живехоньки?

— О, они догадаются! — уверенно ответил Вилльям Андерсон. — Моряки народ шустрый.

— И вытащат нас?

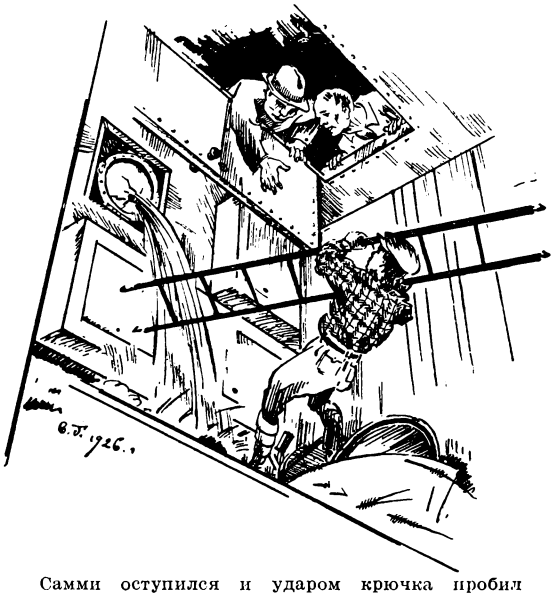
— Конечно, вытащат.

С этими словами он спокойно отправился спать.

На следующий день Самми заметил, что начинает делаться душно.

— Ну, нечего, нечего капризничать с воздухом! — остановил его отец. — Когда станет действительно тяжело дышать, то пол кают-компании (то-есть, настоящий, бывший пол) можно будет просверлить в нескольких местах: за ним

Самми влез по канату, как обезьяна.



Самми оступился и ударом крючка пробил иллюминатор.

находится та часть трюма, которая нагружена швейными машинами. Я сам видел, как их нагружали: они не уложены в глухие ящики, а просто вставлены в деревянные клетки, так что между ними масса воздуха. И такого запаса нам хватит надолго!

Вилльям Андерсон рассуждал так, как будто собирался устроиться здесь на все лето.

Прошли еще сутки, и только к вечеру следующего дня стало трудно дышать. Мы отыскали в кладовой бурав и просверлили три отверстия в той стене каюткомпании, которая прежде была ее полом. Приложив к отверстиям рты, мы нашли, что это хорошо.

— Вот видите? — повторил Вилльям Андерсон. — Прелесть что такое! Нам положительно везет: если бы груз состоял из мыла или керосина, то было бы не так приятно. А в запахе новых швейных машин есть даже что-то бодрящее!

Он был так доволен своим открытием, что не хотел тратить «бодрящего» запаха даром: велел нам сделать пробки и, подышав, заткнуть ими отверстия, чтобы не избаловаться.

— Если уже совсем станет нечем дышать, — прибавил он, — то мы выпилим большое отверстие и будем вылезать в отделение машин по очереди, чтобы отдохнуть.

***

На четвертые сутки пришлось выпилить большое отверстие. Но выходить в машинное отделение на прогулку оказалось невозможным: хотя между грузом действительно оставалось много воздуха, но клетки с машинами стояли вплотную одна на другой и заполняли все пространство в этой части трюма. Иногда становилось почему-то особенно душно, и тогда я и Самми становились рядом у отверстия и поочередно высовывали в него голову. Вилльям Андерсон, который ухитрялся выносить испорченный воздух гораздо легче, по временам пробовал втаскивать нас за шиворот обратно. Один раз я не выдержал и раскричался:

— Да для кого вы здесь бережете машинный запах? Ведь мы все равно задохнемся, рано или поздно!..

— Как? — с удивлением заметил он.— У нас есть сухари, бисквиты, мясо в консервах, несколько бочек пресной воды, даже коньяк и пиво, — а вы сердитесь?

— Да я хочу выбраться отсюда! Я больше не в состоянии сидеть взаперти на дне Атлантического океана! Я, кажется, открою дверь и буду плавать вокруг «Аделаиды».

— Глупости, дружище, — хладнокровно отвечал Вилльям Андерсон.—Во-первых, если вы хоть чуточку откроете дверь, то и вас и нас затопит в одну минуту; а во-вторых, зачем выдумывать лишнее: наверное случится что-нибудь такое, что спасет нас.

При его непоколебимой вере в удачу невозможно было спорить, и я замолчал.

Иногда Самми старался развлекаться, разглядывая в иллюминаторы подводное царство. К моему удивлению, сквозь воду можно было видеть очень далеко. Рыбы, большие и маленькие, морские коньки, медузы — то и дело шныряли вокруг нас. Самми пришло в голову, что если меч-рыба уткнется носом в один из иллюминаторов, то пробьет стекло, — и тогда мы пропали. И он по временам заставлял меня вскакивать с места, крича со своего обсервационного пункта:

— Плывет! Плывет!.. Ах, впрочем, нет: это дельфин. Вот опять!... Нет, нет, — мимо.

**
*

Настала пятая ночь нашего заточения, и стало покачивать.

— Как хорошо! — с наслаждением заметил Вилльям Андерсон: — Ведь там, наверху, теперь и не весть что делается, а нас тут покачивает, как в колыбельке!.. И это хорошо еще, как доказательство, что мы не на самом дне: иначе вовсе бы не было качки!

Правильное покачивание продолжалось всю ночь и не прекратилось до следующего полудня. Когда в двенадцать часов мы садились завтракать, послышался вдруг отчаянный треск, через все судно пробежала страшная дрожь, что-то загрохотало, загудело... Все это продолжалось несколько секунд, но у меня, признаюсь, захватило дыхание.

— Мы сели на дно, — пробормотал я.

— Не может быть,—возразил Вилльям Андерсон: — тогда стало бы темнее, а мне кажется, что теперь...

— Небо! — крикнул в эту секунду Самми, закинув голову и поглядев в кормовые иллюминаторы.

Действительно, над нами синело небо, и солнце сверкало на морской наружной стороне окошечек, посылая сквозь них золотые лучи...

В ту же минуту «Аделаида» мягко наклонилась и приняла прежнее покатое положение: мы очутились на настоящем полу, хотя и слегка наклоненном. Самми и я бросились к иллюминаторам и отвинтили их... Хотя за минуту до этого нам казалось, что дышать в каюте еще возможно, но, когда в нее ворвалась свежая, чистая струя морского воздуха, мы только тогда поняли, в какой атмосфере жили последние дни!

Вилльям Андерсон высунул голову в окошечко и заявил радостно-торжественным тоном:

— «Аделаида» почти вся вынырнула! Можно открыть дверь на палубу.

Через три минуты дверь была открыта. Мы выбежали — и просияли счастьем, как будто были окончательно спасены: палуба была лишь чуть-чуть наклонна, меньше, чем тогда, когда капитан с командой и остальными пассажирами оставили судно.

Вилльям Андерсон приложил палец ко лбу, потом тряхнул головой и об'яснил нам, в чем дело.

— Это последняя качка спасла нас. Переборка между средним и носовым трюмом ослабла от толчков чугуна и не просто дала трещины, чего боялся капитан, а вся рухнула: чугун пролетел сквозь нее, потом через наполненную водой носовую часть — и грохнулся на дно океана! Таким образом, вес значительно убавился, и мы приняли почти приличное положение. Вот видите, я говорил, что случится что-нибудь хорошее и спасет нас! — заключил он торжественно.

**
*

Ну, остальное—коротко и ясно: через два дня нас заметило грузовое судно, шедшее к северу, и доставило обратно в Ульфорд. А там оказалось, что капитан и с ним все люди, промотавшись в море четыре дня, попали на пассажирский пароход, который согласился поискать и спасти нас. Искать-то они искали, но спасти — никак не могли, потому что мы в ту пору сидели под водой, на дне Атлантики.

В следующем номере будет помещен „Всемирного Следопыта“ рассказ **Г. Янсона**

ПОЖАР В ШАХТЕ

В малайских джунглях

Приключения американского траппера **Чарльза Майера.**

Волшебная сеть.

Однажды, когда я временно наслаждался отдыхом в Тренггану, мне внезапно пришла в голову оригинальная мысль. Она так крепко засела у меня в голове, что я сразу же забыл о мягких подушках, ароматном табаке и праздных разговорах. Чтобы привести ее в исполнение, я решил немедленно отправиться в Палембанг, на остров Суматру.

— Укладывай вещи, — приказал я Хси-Чу-Ай, своему китайцу-слуге.

Путь от Тренггану до Палембанга не близок. Однако, я хорошо знал Суматру, знал, что это — обетованная земля для трапперов, и мне хотелось как можно скорее испробовать придуманный мною новый способ ловли зверей. Я отправился в Сингапур, где сел на небольшой пароход, доставивший меня в Палембанг через два дня.

***

Когда я снова увидел знакомое мне место—группы низеньких домов, скучившихся в песке на фоне густых джунглей,—я почувствовал, что сюда завлекло меня не одно только стремление наловить диких животных, но и желание повидаться со старым Хаджи, моим первым настоящим другом среди малайцев.

Но, как ни хотелось мне скорее отправиться в малайский квартал, сперва пришлось прогуляться в Правительственный Дом: голландцы правят Суматрой очень строго и за приезжими присматривают. Вместе с остальными пассажирами я пошел в двухэтажное каменное здание, где меня подверг допросу служащий в белом парусиновом военном мундире.

Когда мне, наконец, удалось убедить его, что я не смутьян, что знаю малайцев и их обычаи, что не злоупотребляю никакими данными мне льготами,—мне на словах дали разрешение проживать где угодно в городе. Это означало, что я могу не только отправиться в малайский квартал, но и выходить из него даже ночью. Малайцам это не разрешается. Если туземцу нужно выйти из пределов своего квартала после захода солнца, он должен выхлопотать разрешение старшины и взять с собой зажженный фонарь: голландские власти дорожат колониями и охраняют власть над туземцами от «всяких случайностей» — способом ежевых рукавиц.

Когда я шел к дому своего старого друга, я почувствовал, что меня узнали. Мужчины, встречавшиеся со мною раньше, стояли наготове, чтобы дружески приветствовать меня. Хаджи вышел ко мне навстречу. Он коснулся рукою лба и груди, и его добродушное лицо, изборожденное глубокими морщинами, сияло от радости.

После приветствий и раздачи мною подарков старым друзьям, Хаджи сказал мне своим мягким, приятным голосом:

— Ты приехал сюда навестить меня,— оказать старику честь своим посещением, но есть еще что-то, что привлекло тебя сюда. В чем дело?

— Мне в голову пришла картина, — об'яснил я ему.—Она и теперь стоит передо мной: я вижу себя, ловящим диких зверей на деревьях странным новым способом.

— Ты всегда был настоящим волшебником, туан,—сказал старик. — Расскажи мне эту картину словами.

Мне так хотелось, чтобы он одобрил мой план, что я отложил свои об'яснения до того момента, когда мы уселись удобно на веранде, скрестив ноги.

— Когда я хочу поймать носорога,— начал я, — я заставляю его ступить ногами на место, где по его расчету хорошая, твердая земля, а она—вдруг проваливается под ним.

— Бетул (верно).

— То же самое произойдет и с леопардом. Он доверит свою тяжесть ветке

дерева, которая покажется ему надежной во всю свою длину, но так как она будет перепилена посредине, она сломается под ним.

— А он упадет на землю на свои четыре крепкие лапы, как обыкновенно делает, и убежит.

— Нет, нет. Прежде, чем он упадет, запах живых кур заманит его в сетку, которая будет лежать с раскрытым отверстием вдоль ветки, там, где она будет пропилена снизу.

— Так, значит, сеть и животное упадут на землю вместе.

— И этого не случится. Вокруг отверстия сети будет пропущена веревка. Конец ее будет привязан к крепкой ветке, растущей выше. Когда нижняя ветка сломается и упадет, отверстие сети стянет веревка, на которую упадет вся тяжесть попавшего в сети животного. Сеть останется висеть на верхней ветке, пока я не приду со своими людьми и не возьму ее.

Говоря все это, я чертил ему схему. Он радовался, точно ребенок, которому показывают новую игру.

— Ты опять пустишь в ход добрые чары! — воскликнул он.

— Завтра же мы велим сделать сеть,— заявил я,—затем, мы подпилим ветку и попробуем это колдовство.

Хаджи очень удобно устроил меня в своем доме. Один угол его единственной комнаты отгородили для меня занавеской. Хси-Чу-Ай, пришедший со мною с парохода с нашим небольшим багажем, разложил мой тюфяк и подвесил сеть от москитов.

Ночью мы все четверо — Хаджи, его жена, такая же старая, как и он сам, Нанг, их невестка, и я — спали в одной комнате, разгороженной занавесками.

Однако, с малайской точки зрения, Хаджи жил очень богато. Он был власть имущий человек. Никто не имел права покинуть туземный квартал без его разрешения. Он отвечал за порядок в нем перед голландским резидентом, так как занимал пост старшины и получал за эту службу двадцать пять долларов в год. Кроме того, его считали чем-то вроде ученого, и на его долю выпадали случайные гонорары за писание писем и документов на арабском языке.

Эти источники дохода были лишь добавлением к доходу с его главного занятия—небольшой торговли резиной, индийской пенькой и дикими животными.

***

На следующий день, после утренней еды, началось изготовление пробной сети. Хаджи выбрал двух проворных рабочих, умевших плести сети и вить веревки из индийской пеньки. Собралось множество зрителей, наблюдавших за их работой, и пальцы мастеров положительно летали. В законченном виде сеть была достаточно велика, чтобы в ней мог поместиться крупный леопард, и имела круглое отверстие в девять футов по краю. Вокруг отверстия была продернута веревка из пеньки с длинным свободным концом.

К тому времени, как все было готово для «опыта», слава моя распространилась до самых отдаленных уголков малайского квартала, и, когда мы пошли выбирать дерево, за нами двинулась толпа больше, чем в сто человек. Подходящее дерево нашлось как раз за компонгом (селением). На нем росли две крепкие ветки, одна над другой.

На дерево послали человека с поручением наполовину перепилить нижнюю ветку. После этого сеть расположили вдоль нее таким образом, что пропиленное место пришлось приблизительно на середине ее длины. Сама сеть и отверстие ее держались открытыми при помощи тоненьких пеньковых бечевок, привязанных к маленьким веточкам. Конец затягивающей веревки прикрепили к верхней ветке.

Покончив с этим, командированный на дерево малаец сел верхом на ветку, как раз у самого раскрытого отверстия сети, и к нему подняли камень, весом приблизительно в двадцать фунтов. Малаец с минуту продержал этот камень в руках, затем бросил его в сеть. Раздался треск. Конец ветки упал, а с ним вместе и сеть с находящимся в ней камнем. Стоявшие внизу люди отскочили, но сеть не коснулась земли. С плотно стянутым отвер-

стием качалась она в воздухе, свешиваясь с верхней ветки.

Итак, пока мое изобретение работало исправно. Хаджи об'яснил озадаченным зрителям, что это лишь генеральная репетиция, и что в другой раз вместо камня будет леопард, пытающийся схватить курицу. Было интересно наблюдать за лицами туземцев, когда они сообразили, в чем тут дело.

По счастливой для меня случайности между зрителями оказался приезжий с юго-запада, некто Абдул Рахман, приплывший вниз по реке Музи из местности, находившейся на расстоянии шести дней пути вверх по течению. Он прибыл на плоту из бамбуковых шестов и привез с собою на продажу невыделанную резину—«сега айер», связанную в большие шестнадцати футовые вязанки, по ста прядей в вязанке,—совершенно готовую к экспорту. Самый плот предполагалось разобрать, а шесты продать.

Абдул и его люди должны были вернуться домой в лодке, которую они привели на буксире, и захватить с собой запасы риса, сушеной рыбы и ножей. Таков был его первоначальный план, но, будучи человеком предприимчивым, он решил изменить его и захватить меня назад с собою. Он положительно влюбился в мой подвешивающийся мешок.

В округе, из которого Абдул Рахман приехал, он был человеком видным. Он занимал пост «пенг-хулу» (старшина) трех компонгов и делал официальные доклады голландскому резиденту, проживающему в Палембанге. Обыкновенно он докладывал: «Все спокойно»,—так как в тех случаях, когда не все было спокойно, он принимал всяческие меры, чтобы спокойствие водворилось немедленно.

Ни один монарх не мог бы пригласить меня в свои владения с большей важностью чем Абдул Рахман, когда он просил меня приехать в его компонг.

Я обсудил его приглашение с Хаджи, советы которого высоко ценил. Он уверил меня, что Абдул «говорит правду». Окончательно же решиться заставил меня бамбуковый плот Абдула и очевидная легкость, с какою он спустился по реке: самые прекрасные в мире животные бесполезны коллекционеру, если не имеется под рукою удобного транспорта.

***

Хаджи сам выбрал лодки, которые я должен был взять. Та, которая предназначалась лично мне, имела не менее сорока футов длины, выбранная же для перевозки моих запасов—не менее тридцати пяти. Эта последняя лодка могла поднять полторы тонны. Обе они были выдолблены из огромных бревен, очень тщательно выровнены внутри и по форме своей напоминали большие шлюпки.

Когда настало время выбрать спутников, возникло довольно щекотливое положение. Почти все мужское население компонга предложило свои услуги. За мною установилась репутация не только колдуна, но и человека, щедро раздающего деньги: экспедиция обещала сытную еду и интересные приключения.

Щекотливый вопрос о выборе моих спутников взял на себя Хаджи. Он избрал десять человек, рослых и сильных — по пяти для каждой лодки.

Малайцы отправились в путь налегке. Они захватили с собою только по второму саронгу, обернутому вокруг головы в виде чалмы. Некоторые из них захватили также остроконечные китайские шляпы. При ярком солнце они изредка надевали их, по большей же части пользовались ими, как корзинами для переноски орехов, бетеля и табаку. Все они носили на боку свои паранги — тяжелые длинные ножи. Без ножа малаец—не малаец.

Мы тронулись в путь при закате солнца. Хаджи и дружественная группа, человек в пятьдесят или больше, стояли на берегу, чтобы проводить нас.

— Саламат джалан! (Счастливого пути!), унтонг! (хорошей прибыли!),—кричали они нам вслед.

Лодка Абдул Рахмана шла впереди, указывая путь. Для того, чтобы править, не требовалось особенного знания реки. Вода везде была достаточно глубока для наших лодок, сидевших в воде не больше, как на полтора фута. При обыкновенном течении четверо гребцов гнали лодку довольно быстро своими широкими веслами; там же, где течение было особенно сильно, они откладывали весла в сторону и пускали в ход шесты.

Два человека отправлялись на нос лодки и, глубоко вогнав шесты в дно реки, надавливали плечами на их концы и шли к корме по борту—верхнему краю выдолбленного бревна. Люди шли в ногу босиком, налегая всей своей тяжестью на шесты, и лодка двигалась вперед совершенно ровно. Когда гребцы достигали места, где у них не было больше упора, вторая пара уже стояла наготове на носу, чтобы продолжать толкать лодку.

В течение всего нашего пути пейзаж почти не менялся: густые джунгли доходили до самого края воды. Справа и слева виднелись две непрерывные зеленые стены, изредка прерываемые небольшими полосами песку.

По временам раздавался призыв или грозный рев тигра или леопарда, противный крик павлина, или карканье и трескотня клюворога. Слышались гармоничные трели певчих птиц, но их быстро заглушала трескотня обезьян. Большая цапля наблюдала за нами в течение нескольких минут с самым важным видом, затем махала крыльями и улетала. На песчаной полосе стояла дикая свинья, пришедшая сюда на водопой...

Мы путешествовали по ночам и ранним утром, а в жаркое время дня спали.

***

Только после полудня на шестой день добрались мы до компонга Абдула Рахмана.

На берегу реки собралась целая толпа. Компонг, конечно, ожидал возвращения своего старшины, но вместо одной лодки появились три.

Когда мы под'ехали настолько близко, что я мог рассмотреть их лица, я заметил на них выражение страха. Единственное об'яснение моего присутствия было, по их мнению, в том, что меня послал голландский резидент, с поручением взыскать с них добавочные подати или расследовать что-то, но что именно—они совершенно не знали. Никогда еще не видел я группы туземцев с таким унылым видом.

Абдул Рахман обождал, пока мы все высадились на берег и его окружила толпа с широко открытыми, испуганными у всех глазами. Тогда он торжественно заявил:

— Туан этот—пауанг (колдун). Ни один зверь не может отнять у него жизнь. Он прибыл сюда, чтобы перебить всех животных джунглей. Ему знакомы всевозможные чары и колдовство. Я сам видел.

Толпа молча расступилась, чтобы дать дорогу мне и моим спутникам. Туземцы преисполнились страхом и уважением ко мне.

Абдул поселил меня в своем собственном «доме». Пока я ожидал на веранде, женщины занялись основательной уборкой. Многочисленные руки перетащили мои припасы. Хси-Чу-Ай позволил им перенести все, кроме священных ружей; о них он позаботился сам. Каждый взрослый мужчина и каждый мальчик жаждал чести принести какую-нибудь из вещей туана. Я случайно услышал, как они говорили:

— Он не голландец, и он умеет колдовать. Сам пенг-хулу видел и слышал.

Абдул Рахман слышал очень преувеличенные рассказы о моих подвигах в Палембанге и, передавая их, тоже, в свою очередь, немного прикрасил.

Будь здесь кто-нибудь из моих близких, с кем бы я мог переглянуться, я, наверное, испортил бы себе репутацию среди туземцев, улыбнувшись.

Туземцы хотели, чтоб я сразу отправился на охоту в джунгли, но я заявил, что мне необходимо отдохнуть. Однако, я отдал распоряжения, заставившие всех приняться за работу. Абдулу я об'яснил, что мне нужно большое количество веревок из индийской пеньки, длиною по меньшей мере в тридцать футов каждая, и что жители компонга должны нарубить мне молодых деревьев с прямыми стволами, толщиною в два дюйма и высотою по крайней мере в двенадцать футов.

***

Пока все это заготовлялось, я решил совершить экскурсию в джунгли, с целью осмотреть местность. Я взял с собою своих десять человек и Абдула Рахмана с тремя туземцами.

Нигде еще не видел я такого множества красных муравьев, какое наполняет эту местность. У нас ушло много времени на

то, чтобы почтительно и осторожно переступать через них и их жилища. Кроме того, вероятно, ни в одних джунглях нет такого количества змей. Питоны свешивались с деревьев, точно толстые канаты, так сильно походя по своей окраске на деревья и листву, что приходилось все время напрягать зрение, чтобы уберечься от них.

Мы прошли очень незначительное расстояние, когда шедшие впереди люди остановились, как вкопанные.

— Римау ада! (Тут есть тигр!),—закричали они.

Отряд наш захватил тигра врасплох, и он был, вероятно, изумлен не меньше нас.

Тигра редко встретишь днем.

Туземцы отскочили назад, оставив меня во главе процессии. В джунглях я обыкновенно не имею при себе никакого оружия, кроме паранга в руке. Ружье мое было у Абдула, который шел следом за мною. Он протянул ружье вперед, и я схватил его. Это было первое испытание, которому мне пришлось подвергнуться на глазах у туземцев. Момент был решающий.

Тигр находился на расстоянии приблизительно ста шагов. Это был настоящий красавец. Вдруг он взметнул хвостом кверху, прежде чем прыгнуть. Я знал, что через момент он издаст свой кашляющий рев и взовьется над землей. Но рев так и не раздался. На груди полосатого красавца виднелось белоснежное пятно, которое всегда имеется у тигра, как бы специально для того, чтобы охотнику было легче прицелиться. Я прицелился быстро, но тщательно и послал «*50—110*» разрывную пулю прямо в это пятно. Зверь издал глухой рев, глубокий хрип и покатился на траву.

Туземцы начали осыпать мертвое животное градом оскорблений. Они плевали на него и награждали его самыми позорными кличками.

— Почему ты не остался дома?—кричали они.—Тебе захотелось посмотреть, кто идет, правда? Ну, вот, теперь ты и увидел. Тебе нравится курятина, правда? Вот ты и получил свинец!

Убитого тигра подвесили так, чтобы его не с'ели другие звери, пока будут продолжаться наши разведки. Когда мы вернулись через час или два, все дружно принялись снимать с тигра шкуру. Малайский способ выделывать шкуры состоит в солении их и соскребывании приставших частиц мяса. Это предохраняет шкуру от порчи, но делает ее твердой. Если шкура достаточно хороша, чтобы попасть в руки китайца, он отдает ее вторично выделать.

Усы тигра тщательно выщипали. Их предполагалось продать какому-нибудь малайскому или китайскому врачу, который сожжет их и применит пепел в виде лекарства. Малайцы также сохранили внутренности. Китайцы сушат их и тоже считают чудодейственным лекарством. У убитого мною тигра были удивительно красивые зубы. Их взяли в качестве талисманов. Туземцы выработали какой-то особый метод для раздела добычи, и в данном случае раздел, как обычно, совершился очень дружелюбно.

Я лично взял себе когти: они всегда имеют хорошую рыночную цену. Когда на чьей-нибудь цепочке висит коготь тигра, носящий его может быть совершенно уверен, что коготь этот взят у дикого зверя: сидящие в клетках зоологических садов животные подвергаются маникюру. Их подтягивают к решетке при помощи веревок и держат у нее с просунутыми наружу лапами, пока не остригут. Когти срезываются почти до мяса. Как они ревут! Но сторожа подвергались бы слишком большой опасности, если бы когти тигра остались в своем естественном виде.

Наш маленький отряд вернулся в компонг в самом приподнятом настроении.

***

Когда под моим руководством уже было сделано несколько сетей, я созвал всех мужчин компонга, чтобы об'яснить им, как должны были действовать эти сети. Уже настала ночь. Принесли факелы. Они горели красным, дымным пламенем. Я начертил схемы на песке и об'яснил их в выражениях, понятных для каждого восьмилетнего ребенка западных стран. Туземцы закивали головами. Они сказали:

— Йа, йа (да, да),—но ничего не поняли. Умственное усилие утомило их...

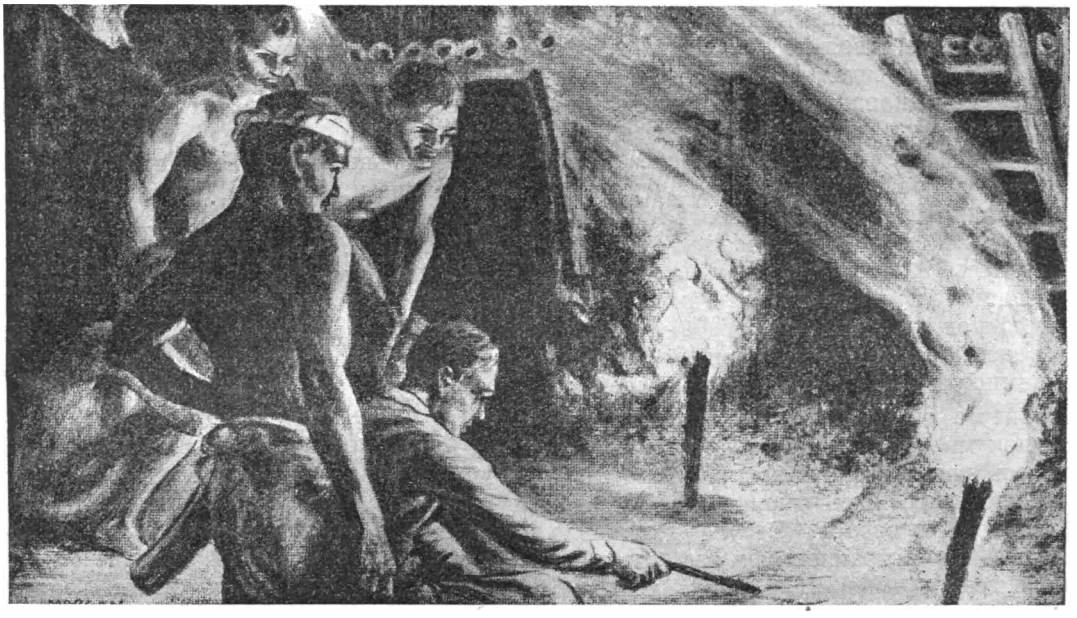
Когда я пошел на следующий день искать деревья, на которые можно было бы удобно пристроить сети, я нашел с дюжину таких, на коре которых виднелись свежие следы когтей леопарда. В сущности, у леопарда много общего с домашней кошкой, и, куда он зайдет раз, он зайдет снова.

Еще перед выбором местности я сообразил, что обезьяны могут наделать нам много бед. Между тем все джунгли кишели ими. У обезьян нет никакого законного интереса к живым, размахивающим крыльями курам, но любопытство у них развито необычайно сильно. Если обезьяна заметит какую-нибудь из веревок, привязанных к верхней ветке дерева, она непременно растормошит узел или даже соскользнет вниз по самой веревке, чтобы произвести расследование.

В виде предосторожности от подобного случая, после того, как сеть была уложена на место, я велел смазать верхнюю ветку и самую сеть «птичьим клеем»—липкой массой, приготовленной из сока каучукового дерева, которая часто употребляется малайцами.

Способ ловить животных в данном случае очень прост. Охотник размазывает «птичий клей» по листьям. Животное наступает на них и, как только оно поставит лапу на липкий лист, оно уже не может избавиться от него. Оно пытается отодрать его зубами—и лист прилипает к его морде, и, наконец, оно все покрыто клейким веществом. Животное после этого приходит в такую ярость и становится таким беспомощным, что его очень легко поймать.

В данном случае мы могли защитить нашу западню птичьим клеем везде, исключая, конечно, отверстия сети, что давало любой обезьяне полную возможность войти и попрыгать в мешке достаточно энергично, чтобы подпиленная ветка сломалась. Но с этим риском нам пришлось примириться.



Я начертил на песке схемы, пояснявшие действие волшебной сети.

Особенное внимание обратил я на размещение каждой из трех сетей. Сети сильно интересовали меня, как мое личное изобретение, и, как всякий изобретатель, я очень нервничал и волновался из-за них.

Когда все эти западни были снабжены приманкой в виде живых кур, по две на сеть, мы вернулись в компонг, и я, должен сознаться, провел довольно тревожную ночь.

***

На следующий день, приблизительно в восемь часов утра, мы отправились посмотреть, какую добычу послала нам судьба. Со мною пошло двадцать человек. Первая сеть, к которой мы подошли, была пуста, но над нею сидела какая-то глупая, громко трещавшая обезьяна. Она вымазала себе лапу птичьим клеем и умудрилась испортить несколько кусков бечевки, которые держали сеть открытой. Мы исправили провисшее отверстие сети и направились ко второй,—и эта также была пуста!

По пути к третьей Абдул Рахман опередил нас на довольно значительное расстояние. Он увидел сеть издали, остановился, как вкопанный, и махнул нам руками, обернув ладони назад, словно желая нас о чем-то предупредить. После этого он продолжал стоять на месте, не говоря ни слова и не производя ни малейшего движения. Я подбежал к нему. Он обернулся и посмотрел на меня каким-то странным растерянным взглядом. Человек этот, родившийся и выросший на краю джунглей, повидимому, увидел какое-то еще никогда невиданное им зрелище.

Сперва я ничего не мог понять. Сеть-мешок мне была ясно видна. Она свешивалась вниз с верхней ветки и была сильно растянута. Очевидно, в нее попало какое-то животное. Вдруг произошло нечто, более странное, чем все, когда-либо виденное мною!.. Мешок медленно качнулся вправо, затем влево и, наконец, поднялся прямо в воздух. Простояв с минуту в таком положении без всякой видимой опоры сверху или снизу, он начал колыхаться каким-то странным образом, затем медленно опустился и снова повис совершенно неподвижно. Малайцы подошли ближе, чтобы лучше видеть.

— Ханту!.. йа, ханту (Привидение!.. да, привидение), — расслышал я их шопот.

Воздух был полон суеверного ужаса. Подобного рода ощущения очень заразительны. В ту минуту я не решился бы присягнуть, что в мою сеть попался не сам дьявол.

Только слова Абдул Рахмана — «Вернемся скорее обратно в компонг, туан!»—заставили меня броситься вперед. Пятнистый солнечный свет сбивал меня с толку, и я рассмотрел, что в действительности произошло, только тогда, когда находился уже почти под самой сетью. Облегчение невольно вырвало у меня фразу на английском языке, на котором мне почти не приходилось говорить в течение последних месяцев. Я услышал свой голос, восклицающий:

— Ну, для пьяницы подобное зрелище никак не годится!

«Зеленый змий»—огромный питон сидел наполовину в мешке, наполовину на свободе. Он, конечно, скользнул в мешок за курами и даже успел проглотить одну из них. Под его тяжестью ветка сломалась; затяжная веревка стянулась, приблизительно, вокруг средины его корпуса и еще сильнее напряглась под влиянием его веса. Конец его хвоста был обмотан вокруг ветки.

Я невольно рассмеялся и стал хохотать все громче и громче. Ничто не действует успокоительнее смеха. Туземцы подбежали ко мне.

Но смех мой скоро прекратился: я быстро сообразил, что, хотя нам и попалась очень ценная добыча, более семи футов змеи все еще оставалось на свободе.

К счастью, мы захватили с собою достаточное количество крепких веревок. Я отправил самого сильного и ловкого малайца на дерево с подробными инструкциями. При помощи затянутого узла он должен был прикрепить одну веревку к хвосту змеи, как можно ближе к концу его, и перекинуть ее через ветку. Малаец удачно выполнил эти указания, затем, пропустив эту длинную веревку под ветку, бросил ее свободный конец стоявшим внизу людям. Они сильно дернули за этот конец, что раскрутило один оборот питона, потянув конец его хвоста вниз.

Держа привязанную к концу хвоста веревку туго натянутой, свободный конец ее снова подбросили человеку, сидящему на дереве. Он повторил тот же маневр. Стоявшие внизу вторично дернули за сброшенный им конец, и второй оборот змеи также оказался развернутым. Словом, змею размотали оборот за оборотом при помощи веревки, которая как бы представляла продолжение ее хвоста.

Вторую веревку с затяжной петлей, накинутую на питона в том месте, где

тело его выдавалось из мешка, тоже крепко натянули, чтобы снять его с ветки.

Вся эта работа была крайне трудная и опасная. Способностью сдавливания обладает все тело питона до самого последнего дюйма его хвоста, и, хотя половина нашего пленника была заключена в мешок, он все же еще мог нанести страшный удар. Когда последний оборот хвоста был раскручен, люди натянули веревки, идущие от хвоста и от середины тела, и мешок опустили.

Пока сеть еще не успела коснуться земли, мы занялись головой питона. Он умудрился протиснуть ее через петлю сети и шипел свою угрозу. Питон не ядовит, но он умеет больно кусаться. Один из туземцев снял свой саронг. Саронг этот сложили в несколько раз и пустили в ход, чтобы вдавить голову змеи обратно в мешок. Затем все присутствующие принялись обматывать хвост огромной змеи вокруг мешка, точно вокруг шпульки. Когда его намотали до того места, где веревка окружала тело питона, — и эту веревку тоже намотали на него крест на крест, чтобы покрепче прикрутить его. Веревку, идущую от кончика хвоста, также обмотали вокруг нашей добычи и мешка — для большей прочности. Затем весь этот сверток прикрепили к шесту и опять замотали веревками.

Огромный питон сидел наполовину в мешке, наполовину на свободе.

Пойманный питон весил не менее двухсот фунтов. Длина его достигала двадцати футов. Чтобы спустить его с дерева и связать, пришлось проработать дав часа.

С малайцев пот лил ручьями. Я решил, что всем необходимо отдохнуть прежде чем пуститься в обратный путь.

Мы уселись на землю. Я закурил трубку, а малайцы принялись жевать бетель.

Абдул Рахман наклонился ко мне. Он дотронулся до своего лба с несколько смущенным выражением.

— Не сделает ли мне туан чести рассказать, какие чары он произнес, когда увидел, как сеть поднимается вверх?

С минуту я не мог вспомнить. Затем, конечно, я припомнил, что воскликнул: «Ну, для пьяницы подобное зрелище никуда не годится!».

— Абдул Рахман, — проговорил я торжественно. — Это были волшебные слова, относящиеся к самому дьявольскому из всех дьяволов.

Верхом на осетрах.

Из туркестанских рассказов **Александра Сытина.**

I. Счастливый день.

Узбеки не любят рыбы. Весь свой улов Шеримбай продавал русским. Зимой, когда не было лова, Шеримбай бедствовал. Обычно он брал топор и шел за тридцать верст, в город. Там он ходил из двора во двор в поисках работы. Старенький и седой, он еле волочил ноги от голода. Зайдя в какой-нибудь двор в русской части города, он вызывал хозяйку и начинал жаловаться на свою судьбу.

— Мамашкя,—протяжно и печально говорил Шеримбай. — Хлеба не-ет.

Женщина сочувственно кивала головой.

— Рубашкя нет,—продолжал Шеримбай. Женщина снова кивала головой.— Денга савсем нет,—печально заканчивал Шеримбай. Потом совершенно неожиданно улыбался во все лицо.

— Мамашкя, хлеб давай,—бодро командовал он, и на старом лице расцветала такая надежда, что отказа никогда не было. Женщина, улыбаясь, уходила в комнату и всегда выносила поесть.

Шеримбай завтракал и шел в следующий двор. Там, если он не получал работы, вся сцена повторялась снова.

Шеримбай жил бы не так плохо и зимой, но узбеки не любят рыбы, русские— покупают только осетров. А осетр ловится трудно. Кроме того, Шеримбай полюбил русскую водку, и потому к зиме денег никогда не оставалось.

В этом году было особенно плохо, но как только пришла весна, старик ожил. Он разобрал переметы и шнуры и продал топор. Целую неделю он провел на берегу и осматривал крючки утром и вечером. На третий день у песчаной отмели начались всплески. Шеримбай побежал туда и с трудом стал выбирать шнур.

Могучая двухаршинная рыба судорожно билась. Два раза она чуть не оборвала шнур. Шеримбай выпустил весь запас шнура, чтобы она не ушла. Наконец, ему удалось подтянуть рыбу ближе к берегу. Старик вошел в воду по пояс, подвел ее до себя и, нагнувшись в воду, схватил добычу в охапку. Осетр забился. Шеримбай упал в воду, но все-таки не выпустил осетра. Он быстро направился к берегу, и через минуту под жабры осетра была продета палочка на веревке. Рыбак побежал к двум переметам.

Алла акбар! Этот день был счастливым: на переметах было еще два здоровенных осетра.

II. Береговые попутчики.

Шеримбай связал несколько вязанок камыша и настлал сверху десяток цыновок. Плот был готов к плаванию. Он был величиною в квадратную сажень. Никто, кроме Шеримбая, не отправился бы на таком судне. Шеримбай покачал головой, взял деревянную лопату и проговорил:

— Кысмет (судьба).

Потом он привязал шнуры с осетрами к плоту, забрался сам и оттолкнулся лопатой от берега. В тридцати верстах ниже по течению был кишлак. Оттуда до города было верст пять. Поэтому рыба у старика всегда была свежая.

Осетры сперва дергали в разные стороны, потом потянули против течения. Плот медленно стал поворачиваться кругом себя. Шеримбай увидел один берег, потом воду, потом другой берег—и понял, что вертится на одном месте.

Наконец, плот быстро понесло по течению: выбившись из сил, рыбы повернули за водой, и веревка натянулась. Край плота дергало и наклоняло в воду. Шеримбай передвинулся на середину и со страхом смотрел на воду. Плот несло недалеко от берега, и старик увидел старых знакомых. Иргаш, верхом на осле, ехал с поля. Его сын подросток шел рядом.

— Здорово, Шеримбай,—закричал старик.—Зачем ты едешь по воде, разве у тебя ноги не ходят?

— Я везу рыбу на базар, — закричал Шеримбай.

В это время осетры дружно потянули и накренили плот. Старик стал загребать лопатой, чтобы сохранить равновесие, и проделал несколько удивительных телодвижений. Плот совсем приблизился к берегу и сел на мель.

— Смотри, как он сейчас будет тонуть,—наставительно сказал Иргаш своему сыну и остановил осла.

Шеримбай крепко выругал старика и спрыгнул в воду, чтобы оттолкнуть плот. Осетры перепутались и брызгали водой на мелком месте. Шеримбай с трудом распутал веревки, но самая большая рыба прибилась к мели. Шеримбай зажал ее между ногами и поволок к воде.

— Что это он делает?—спросил мальчик.

— Ты видишь, что он катается верхом на осетре, — невозмутимо ответил Иргаш.—Смотри, он сейчас поедет на ту сторону.

Мальчик расхохотался и стал прыгать на месте. Шеримбай отвечал бранью и, запыхавшись от усилий, тянул рыбу к воде. Зрители помирали со смеху. Скоро к ним присоединились еще трое. Плот сдвинулся с места и нелепо толкался на одном месте. Целая толпа народа подавала советы с берега.

— Шеримбай, купи вожжи, — кричал один. Плот ерзал по воде во все стороны, как большой поплавок.

— Тогда ты будешь ездить, как в русской телеге, — орал другой.

Шеримбай непрерывно ругался до хрипоты, и зрители от смеха не могли говорить. В это время плот попал на быстрое течение, и его понесло. Сперва было видно, как Шеримбай, ругаясь, размахивал руками, но потом осетры натянули веревки, и Шеримбай быстро понесся вперед. Люди побежали по бегегу, но скоро скрылись на повороте реки. Потом Шеримбай увидел их снова.

— Куда ты так быстро едешь?—закричал один с берега.

— Он их настегивает камчой (плетью),—заметил другой.

Шеримбай опять хотел выругаться, но побелел от страху. Рыбья упряжка повернула вправо, и плот пошел прямо к середине реки. Берег стал удаляться, и скоро далеко кругом стало расстилаться холодное желтое водяное пространство. Оба берега стали еле видны, и Шеримбай больше не слышал людей, оставшихся на берегу.

III. Добрые осетры.

Весь день плот несло по холодным грязным волнам. Сперва страх заставил старика забыть о голоде. Потом он с'ел лепешку и стал бодрее. Камыш снизу намок, и плот сидел глубже, но Шеримбай обтерпелся и стал думать о водке. Он

— Везу рыбу на базар, — закричал Шеримбай.

не заметил как наступил вечер. Взошла багровая луна, и Шеримбай, глядя на нее, запел песенку:

Вот плывут осетры.
Они добрые и плывут на базар.
Они дадут хозяину много денег, а-а, а-а.
И много водки! А-а. А-а!

Потом Шеримбай улегся посреди плота, свернулся в комок и умудрился заснуть, хотя промок до костей.

Когда он проснулся, то не сразу понял, где он. Шеримбай отоспался за все бессонные ночи. Было уже поздно. Солнце

поднялось довольно высоко. Плот сидел на мели, и Шеримбай увидел, что до кишлака было верст пять. Если бы плот не сел на мель, рыбака снесло бы далеко ниже.

Шеримбай сдвинул на воду плот, пожевал лепешку и подергал за шнуры. Все было в порядке. Тогда Шеримбай оттолкнулся совсем и быстро поплыл вниз по течению. Скоро на повороте показались глиняные дома кишлака. Шеримбай, как всегда, начал кричать, как будто его режут.

— Ай-яй-яй,—вопил Шеримбай, глядя на пустынный берег. Потом он закричал снова и замахал руками. С берега послышался ответный крик. Шеримбай увидел, как два человека прыгнули в лодку и торопливо погнали ее к плоту. Скоро они приблизились, и рыбак радостно закричал:

— Эг-га! Сегодня я думал, что меня пронесет мимо. Я целую ночь пробыл над водой. Мои старые кости болят от сырости. За то осетры совсем свежие.

— Ничего, ничего, бобай (дед),—отвечал здоровенный малый, наваливаясь на весла.—Доберешься до города, выпьешь русской водки.

Шеримбай промолчал. Он вовсе не хотел хвастать своими барышами. Парни приблизились, и Шеримбай сел в лодку. Потом они переложили в лодку цыновки, и тут Шеримбай испугался по настоящему. Камыш так намок, что весь был в воде. Половина цыновок была совсем мокрая.

— Шеримбай,—серьезно сказал один из гребцов.—Через десять верст ты непременно утонул бы.

— Кысмет, — отвечал Шеримбай, держа одной рукой лопату, а другой пробуя шнур. Они под'езжали к берегу.

— Ничего, он переплыл бы верхом всю Дарью на осетрах,—сказал подошедший Иргаш.

Шеримбай плюнул в его сторону и промолчал.

Он никак не хотел переплачивать за свое спасение. Он обещал отдать две цыновки, и гребцы должны были этим удовольствоваться. Когда пристали к берегу, целая толпа смотрела на больших осетров, и все помогали Шеримбаю укладывать их на арбу и закрывать от солнца большими лопухами.

— Правда, что ты приехал на них верхом?—приставал к рыбаку какой-то мальчишка.

Шеримбай ничего не ответил. Он взобрался на арбу, запахнул свой халат так, как это делают старые богачи, и отправился в город.

Сом.

Рассказ-быль **А. Шубникова.**

— Нет, я не буду есть сомины, как хотите!..

— Но почему же?

— Я чувствую такое отвращение к этой рыбе, что не могу без содрагания даже смотреть на этот лягушачий рот, огромные усы, на черное скользкое тело...

Такого рода разговор происходил в столовой между матросом речного парохода и его знакомым. Я заинтересовался разговором, и вот, что мне удалось услышать:

— Было это, видно, лет десять тому назад... Я только что поступил кочегаром на пароход Волжско-Камского пароходного товарищества «Гиацинт», куда я перевелся с яхты «Мезень» из-за столкновения с механиком.

Служба на «Гиацинте» мне понравилась: здесь не было таких строгостей, как на яхте, матросы представляли из себя одну дружную семью, и командный состав держался по отношению к нам более терпимо. С матросами я быстро подружился, особенно же я сошелся с одним из них, безусым мальчиком Николаевым, славным, застенчивым, безобидным матросиком, любимцем всей команды... После вахты мы с ним просиживали, в разговорах, целые вечера, пока сон буквально не валил обоих с ног...

Но работы на «Гиацинте» было несравненно больше, чем на яхте. Название пароходика вовсе не соответствовало его внешнему виду: в сравнении с чистенькой, новой, быстроходной яхтой—

«Гиацинт» был просто старым разбитым корытом, и мы то и дело должны были чинить какую-либо часть механизма.

Не помню, на какой пристани Волги (небольшая какая-то) — механик послал меня подвернуть гайки на колесах и, так как одному работать было тяжеловато, то велел взять какого-либо дельного матроса.

Я выбрал Николаева. Мы с ним быстро исправили крылья,—скорей, чем пароход успел погрузиться,—и хотели было уже подниматься на палубу, да Николаев неловким движением уронил в воду французский ключ. Так как за такую потерю нам все-таки могло влететь, мы решили достать ключ.

Глубина, где стоял пароход, была небольшая, около полутора саженей, до берега расстояние также было не больше двух саженей. Я нащупал шестом ключ, а Николаев взялся слазить за ним.

Прочно укрепив шест возле нащупанного мною ключа, я навалился на него всею тяжестью моего тела, а Николаев начал спускаться в воду.

Вдруг в воде передо мною какая-то тень мелькнула. Страшный удар вышиб у меня из рук шест, и Николаев исчез...

Я закричал, стал звать на помощь. Матросы прекратили работу и бросились ко мне...

Как только я раз'яснил, в чем дело, капитан сразу распорядился закинуть сети там, где исчез Николаев.

К счастью, вблизи нашлись рыбаки, и приказание было быстро исполнено. Через четверть часа общими усилиями нам удалось вытащить на берег огромного сома, весом в семь-восемь пудов!

Он захватил ногу Николаева в огромную пасть. А все туловище захватить ему не удалось: прежде всего мешала другая нога. Пережадничал.

Когда убили чудовище и извлекли ногу матроса, мы увидели, какою огромною силою обладал сом. Он мог бы захватить человека с головы, и тогда бы только

... удалось вытащить на берег огромного сома. Он захватил ногу Николаева.

ноги торчали из его громадной пасти. Пасть сома была не менее аршина в поперечнике. А все туловище было длиною более полутора саженей, да не менее двух аршин в обхвате.

Если бы ему удалось схватить Николаева с головы, так нам не удалось бы даже достать и труп его. Теперь же мы могли хоть похоронить беднягу. Жалкое утешение—что человек будет истлевать в земле, а не перевариваться в желудке животного!

А другие, может быть,—и перевариваются?.. Вот почему я и ненавижу сомов, вот почему я не могу есть их мяса: мне все чудится, что в них—человечина!.. И каждый раз Николаева вспоминаю. Хороший был парнишка.

Рыбак, пойманный рыбой.

Рассказ **Дж. Дункан.**

Следующий рассказ правдив до самой мельчайшей подробности. Описанное приключение произошло со мною, когда я отправился ловить лососей в Британской Колумбии. Этим ловом я с семи лет занимаюсь.

Мы с женой расположились лагерем на реке Коунчан, немного ниже старой индейской миссионерской церкви, приблизительно в полумиле от устья реки.

Уже в течение нескольких дней мы наслаждались успешной ловлей, так как

бухта Коунчан была полна лососей «кохоэ» и лососей «тайни», ожидавших дождей, чтобы получить возможность пробраться вверх по реке, для метания икры.

Обычно мы старались поймать лососей «тайни» (что на чинукском языке, на котором говорят индейцы-сиваши, означает «великий»), так как этот вид крупнее и ловить его интереснее. Рыбы этого вида обычно весят от сорока до шестидесяти фунтов.

В то утро, о котором идет речь, мы встали приблизительно в пять часов. Жена моя приготовила на керосинке какао, пока я переносил всю снасть в нашу небольшую лодку, вытащенную накануне вечером на берег, и готовил все для утреннего лова. Позавтракав, мы сели в лодку и, при помощи течения, вскоре очутились у устья реки.

Утро было очень холодное, и над гладкой, как зеркало, водой навис тяжелый, влажный туман.

Вокруг нас везде раздавались громкие всплески, когда «тайни» выбрасывались из воды,—звук, от которого сердце каждого рыболова сильнее бьется в груди.

Одним ударом ножа жена перерезала лесу, за которую тянул лосось.

Так как мы оба были сильные гребцы, то быстро доплыли до места, где обычно ловили рыбу, которое лежало на противоположной стороне устья. Держались мы довольно далеко от берега из-за водорослей, растущих на пространстве шириной в несколько сотен метров от края воды. Прибыв на избранное нами место, мы закинули наши лесы. Я ловил лососей ручной лесой со своего места на корме, жена же ловила с середины лодки при помощи восьмифутового удилища, свинцового грузила весом в четверть фунта и ложки Киуель-Стюард № 7. Моя леса была потолще, и грузило немного тяжелее. По обыкновению, я обвязал лесу в несколько оборотов вокруг ноги, чтобы сейчас же почувствовать, как только рыба попадется на крючек.

Мы ловили рыбу приблизительно с полчаса и уже поймали несколько мелких лососей и других рыб, когда внезапно, без малейшего предупреждения, на крючек моей удочки попался прекрасный «тайни». Судя по тому, что я успел рассмотреть, когда он выскочил из воды, я сказал бы, что в нем было не менее шестидесяти фунтов.

В последовавшей за этим возне леса запуталась вокруг моей ноги. Встав на ноги, чтобы попытаться высвободиться, я наступил на лежащую на дне лодки рыбу и поскользнулся. Я даже не сообразил, что со мной случилось, — как потерял равновесие и упал за борт.

Вынырнув на поверхность, я поплыл к лодке, но не успел сделать трех взмахов, как рыба сильно дернула за лесу, так что мне показалось, будто у меня сейчас оторвется нога, и потащила меня в воду. Гребя обеими руками, я свободной ногой пытался выплыть на поверхность, но усилия мои подействовали не больше, чем если бы я попытался сдернуть с места военное судно. Я погружался все глубже и глубже, когда леска ослабела так же внезапно, как натянулась, и я выскочил на поверхность—как раз во время, так как чувствовал, что, если бы еще хоть пару секунд пробыл под водой, легкие мои лопнули бы. Лосось очевидно, повернул назад.

Лодка теперь была приблизительно в пятидесяти шагах от меня. Жена сидела на веслах и, как только она меня увидела,

стала изо всех сил грести ко мне. Лодка была уже не дальше двадцати шагов от меня, когда вдруг леса снова натянулась и сильным толчком, едва не переломившим мне щиколодки, снова затянула меня под воду. Барахтаясь изо всех сил, я попытался высвободить свои ноги из опутавшей лесы, но тщетно.

Вдруг я почувствовал, как что-то слизистое коснулось моей щеки, и сразу понял весь ужас моего положения. Рыба тащила меня в область водорослей, где я несомненно запутался бы и умер страшной смертью. Ни один пловец не мог бы высвободиться из их цепких об'ятий.

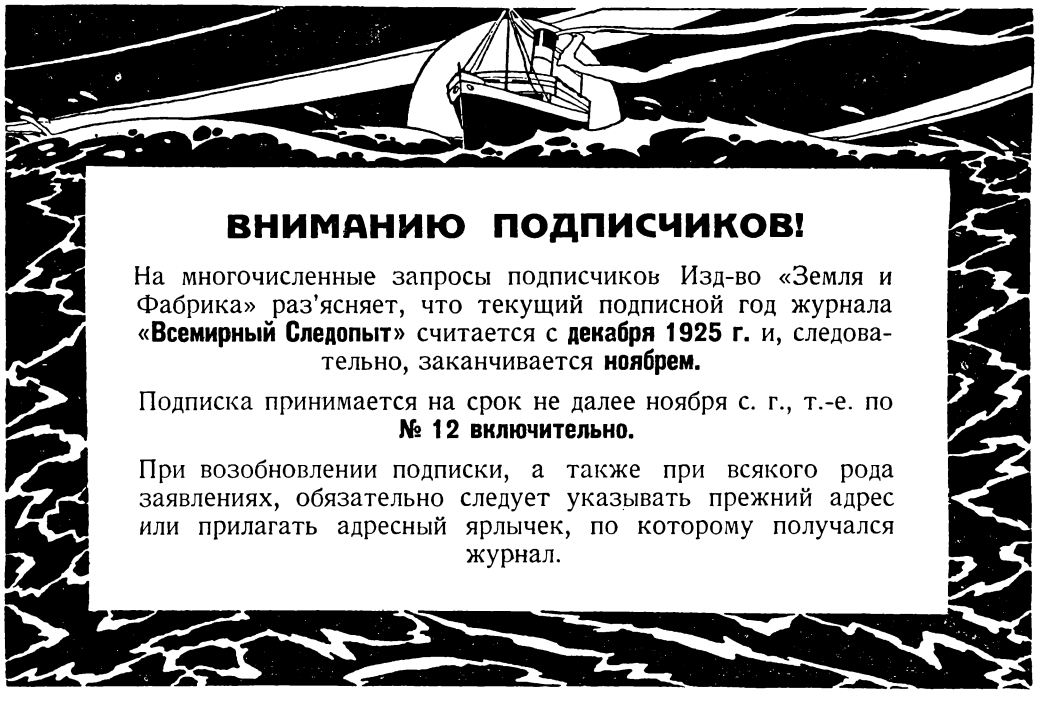
Удвоив усилия, я попытался достигнуть поверхности. На этот раз я оставался под водой не так долго, как в первый раз: лосось, очевидно, начал уставать. Выплыв снова на поверхность, я увидел, что моя жена отчаянно гребет ко мне.

Все ближе и ближе подплывала лодка, и как раз, когда я решил, что она во время доплывет до меня, рыба снова дернула за лесу и потянула меня под воду. На этот раз я пробыл под водой всего несколько секунд и, вынырнув, увидел лодку всего в нескольких шагах от меня. В это же время я заметил, что быстро двигаюсь по воде: рыба очевидно ослабевала, и у нее уже не хватало силы утащить меня под воду.

После промежутка, показавшегося мне целыми часами, но в действительности продолжавшегося всего несколько секунд, лодка подплыла ко мне, и я смог ухватиться за корму. Одним ударом моего охотничьего ножа, который я оставил на дне лодки, жена перерезала лесу и быстро втащила меня в лодку. Некоторое время я пролежал почти без сознания, сильно измученный и потрясенный.

Не будь моя жена такой отважной и хладнокровной, я не мог бы теперь рассказать эту историю, так как впоследствии мы узнали, что место, на котором жена спасла меня, лежало прямо над опасной областью водорослей. Если бы лосось снова собрался с силами, что несомненно произошло бы через больший или меньший промежуток времени, и потащил бы меня под воду, — я непременно погиб бы среди водорослей.

Прошло порядочно времени прежде, чем нервы мои снова окрепли после этого потрясения. И понятно, я никогда уж больше не ловил лососей при помощи ручной лесы.



ВНИМАНИЮ ПОДПИСЧИКОВ!

На многочисленные запросы подписчиков Изд-во «Земля и Фабрика» раз'ясняет, что текущий подписной год журнала **«Всемирный Следопыт»** считается с **декабря 1925 г.** и, следовательно, заканчивается **ноябрем.**

Подписка принимается на срок не далее ноября с. г., т.-е. по **№ 12 включительно.**

При возобновлении подписки, а также при всякого рода заявлениях, обязательно следует указывать прежний адрес или прилагать адресный ярлычек, по которому получался журнал.

Первая и последняя экспедиции Роальда Амундсена *).

ОТКРЫТИЕ СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО ПРОХОДА.

Среди толпы, встречавшей в Христиании весной 1889 года Фритиофа Нансена, возвратившегося из Гренландии, стоял семнадцатилетний юноша, который думал про себя в то время, как народ шумно приветствовал Нансена:

— Я пройду Северо-Западным путем.

Этого юношу звали Роальд Амундсен.

«Я проходил весь день по улицам, украшенным флагами,— рассказывает он,— среди толпы, кричавшей ура, и кровь стучала у меня в висках, а юношеские мечты поднимали целую бурю в моей душе».

И вот, юный Амундсен приступил к длительной подготовительной работе, к выработке из себя выносливого полярного путешественника.

В 1894 году он отправляется в качестве юнги на старом китоловном судне «Магдалина», снаряженном на охоту за моржами в Северный Ледовитый океан.

Несколько лет спустя он уже штурманом идет с бельгийской экспедицией к южному полюсу и дорогой обдумывает план, как привести в исполнение свою заветную мечту: пройти на судне Северо-Западным путем. Но это был пока только план на будущее. Впоследствии у него созрело еще одно намерение: найти северный магнитный полюс, который был уже открыт Джемсом Россом в 1831 году на Боотии, но который не был исследован, благодаря отсутствию точных инструментов. Роальд Амундсен решил снова найти его и произвести основательные исследования земного магнетизма.

Для этого он сначала отправился в Гамбург, где изучил вопрос о земном магнетизме, и по возращении изложил свой план Фритиофу Нансену, который вполне одобрил его.

Оставалось только собрать деньги, присоединить их к тем, которые были у Амундсена, и купить заранее намеченную им небольшую рыболовную яхту (иначе—шкут) «Гьоа», находившуюся в Гардангер-фиорде и ходившую прежде на ловлю в Ледовитый океан. Когда судно было куплено, он испытал его в небольшом летнем плавании и подготовил к будущей задаче.

В ночь на 17 июня 1903 года «Гьоа» вышла из фиорда Христиании под проливным дождем, «полная светлых надежд и твердой веры в будущее, навстречу которому мы неслись»,— пишет Амундсен в своих воспоминаниях об этой экспедиции, где он впервые был старшим руководителем и начальником.

Экипаж состоял всего из семи человек; помощником Амундсена был датский лейтенант Готфред Гансен.

И маленькая «Гьоа», танцуя на гребнях волн, понеслась по Атлантическому океану...

Миновав бухту Мельвиль, путешественники встретили у мыса Йорк каяки датской экспедиции, находившейся там. Ее участники побывали на «Гьоа» с визитом. В составе экспедиции были и Милиус Эрихсен и Кнут Расмуссен **), ходившие впоследствии на север в самостоятельные экспедиции.

После этого «Гьоа» пошла дальше на запад через Ланкастерский пролив и бросила якорь у острова Бичи в бухте Эребуса, зимней стоянке Франклина. Сидя по вечерам на палубе и глядя в окутанную сумерками даль, Роальд Амундсен подолгу думал об

*) О других путешествиях знаменитого полярного исследователя—см. „Всемирный Следопыт“ за 1925 г., № 6 за тек. год и книгу Р. Амундсена „На крыльях в страну безмолвия“ (Изд-во „Земля и Фабрика“. Стр. 64. Цена 30 коп.).

**) См. очерк „В стране эскимосов“ Кнута Расмуссена в № 3 „Всем. Следопыта“ за т. г.

этом герое своего детства, который зародил в нем жажду исследований и подвигов.

Здесь экспедиция занялась магнетическими исследованиями для того, чтобы точно выяснить направление, по которому следовало искать магнитный полюс.

Устанавливая приборы, ярые охотники, какими были все спутники Амундсена, горели желанием, чтобы стрелка компаса указала на северо-запад, туда, где водились мускусные быки...

Когда стрелка была опущена, все с волнением стали следить за ее трепетным движением. Долго колебалась она. бегая взад и вперед по кругу, и, наконец, остановилась, указывая на юго-запад.

Большинство все-таки осталось довольно указанным направлением, потому что путь, который она указывала, был наиболее удобный для отыскания Северо-Западного прохода.

Выяснив вопрос, они пошли дальше проливами Ланкастерским и Барроу, где стрелка компаса отказалась оказывать им дальнейшие услуги: они были слишком близко к магнитному полюсу. Пришлось руководствоваться только солнцем да звездами, как во времена викингов, а погода по большей части стояла туманная.

Но состояние льда благоприятствовало им. Пролив Беллот, где Мак-Клинток пролежал в дрейфе два года во время своей спасательной экспедиции, они прошли блестяще. И «Гьоа» понеслась дальше по волнам, которых не разрезал еще ни один киль.

Около Боотии на «Гьоа» произошел пожар в машинном отделении между бочками с керосином, которого у них было десять тысяч литров. Машинист Вийк остался на своем месте у машины, к нему на помощь спрыгнул другой, остальные тушили пожар с бешеными усилиями и справились с огнем удивительно быстро.

На другое утро они увидели, что пунктуальное исполнение обязанностей одного из них спасло всех от верной гибели.

Незадолго до пожара Амундсену было заявлено, что одна из железных бочек с керосином начала течь, и он просил заявившего немедленно перелить керосин в другую освободившуюся бочку. Риствед, которому дело было поручено, не подумал, что его можно отложить, что «еще успеется», а немедленно исполнил данное ему поручение. И это спасло всех. Ночью, во время тушения пожара, кран пустой бочки был в суматохе отвернут. Если бы керосин не был перелит, то пятьсот литров керосина вылилось бы в об'ятое пламенем помещение.

«Нечего говорить о последствиях,— пишет Роальд Амундсен,— но я ставлю в пример прочим этого человека, проявившего такую абсолютную пунктуальность в исполнении данных ему приказаний».

Однажды, в шесть часов утра, судно вдруг сильно тряхнуло. Однако оно оправилось и снова пошло ровно. Но вот новый толчок, еще и еще один, и «Гьоа» врезалась в каменистую мель. Даже к вечеру, когда вода опять поднялась, ее не удалось сдвинуть с места.

К ночи судно начало сильно качать, северный ветер вырос в шторм. Был созван совет, и на нем решено было испытать последнее средство — поставить все паруса. «Брызги пены взлетали над шкутом, буря ревела, но мы не сдавались, и нам удалось, наконец, поднять все паруса, — пишет Амундсен. — Судно прыгало взад и вперед между камнями, каждая минута могла быть последней, двести ящиков палубного балласта было выброшено за борт, еще несколько ужасных минут — и «Гьоа» была спасена!»

Но лодки все-таки все время держались наготове, пока буря не утихла.

В месяц «Амераируи» (по-эскимосски), когда «олени уходят на юг», «Гьоа» вошла в гавань у Земли Короля Вильяма и там перезимовала. Эта гавань называется «Гаванью Гьоа».

Перенеся провиант на землю, чтобы на судне было просторнее, участники экспедиции устроили обсерваторию, покрыли палубу парусами и уютно устроились на зиму.

Им пришлось прожить в этой гавани целых две зимы. Они производили научные наблюдения, предпринимали санные экспедиции по окрестностям, ходили на охоту, определили местонахождение магнитного полюса, который оказался недалеко от того места, где находил его Джемс Росс, и изучали различные эскимосские племена по мере того, как знакомились с ними.

В середине августа 1905 года «Гьоа» подняла якорь и, благополучно миновав проливы Симсона и Виктории, бросила якорь на том самом месте, которого в 50-х годах достигал с запада Колинзон. Но им остава-

лось еще довольно трудная часть пути по мелким водам.

«Мы стояли у конца того предприятия, которое служило целью нашего плавания и которое многие до нас тщетно старались совершить. Последние дни и ночи плавания весь экипаж «Гьоа» находился в сильнейшем напряжении. Я сам не мог есть,— рассказывает Роальд Амундсен. — Перед каждым обедом и ужином я чувствовал мучительный голод, но не мог проглотить ни одного куска».

И вот 26 августа 1905 года по шкуту пронесся крик: «Судно в виду!»

Северо-Западный путь был пройден!

Когда корпус встречного судна показался из-за горизонта, на «Гьоа» был поднят норвежский флаг. Встречное судно оказалось американским китоловом.

— Это капитан Амундсен? — раздался вопрос...

И «Гьоа» на всех парусах понеслась дальше на запад.

Никто из ее экипажа не рассчитывал, что придется еще зимовать. Однако «Гьоа» пролежала в дрейфе у Кинг Пойнт целых десять месяцев, затертая во льдах. Но тем не менее задача, которую поставил себе Амундсен в этом первом своем самостоятельном путешествии в полярные страны, была решена.

В октябре 1905 года Роальд Амундсен пробрался вместе с китоловной почтой через остров Гершеля на лыжах, в снеговых сапогах и в санях до Игли Сити на Аляске и послал домой телеграмму. Он оставался в Игли Сити целых два месяца в ожидании известий с родины, а затем вернулся на «Гьоа».

Весной умер один из его спутников — машинист Вийк. Его смерть была единственной потерей, омрачившей торжество победителей льдов.

Когда лед тронулся, «Гьоа» пошла дальше на запад, мимо острова Гершеля, через Берингов пролив к Ному на Аляске.

«Гьоа» была принята с бурным восторгом. В каждой гавани, куда они заходили, их встречали с одушевлением. В Сан-Франциско «Гьоа» была оставлена и помещена, как достопримечательность, на озере в одном из парков.

В ноябре 1906 года экспедиция вернулась домой с богатой научной добычей. Судно «Норвегия» доставило ее в Христианию.

То предприятие, о котором юный Амундсен мечтал за 18 лет до этого, осуществилось: он прошел Северо-Западным путем. Теперь ликование и крики толпы относились к нему самому.

ГЕРОИЧЕСКИЙ ПЕРЕЛЕТ ДИРИЖАБЛЯ «НОРВЕГИЯ».

Очерк Амундсена и Эльсворта.

Первые полчаса после отлета дирижабля «Норвегия» из Кингсбая на Шпицбергене наш путь шел вдоль западного побережья Шпицбергена. Шесть его ледников и покрытые снегом горы ярко блестели на солнце. Моторы дирижабля благодаря стараниям механиков работали в полном порядке. Мы скоро миновали Датский, а затем Амстердамский остров и при помощи солнечного компаса направили свой курс на северный полюс.

Едва мы оставили позади себя Кингсбай, как каждый на борту дирижабля занялся своей работой. Приходилось только удивляться, как можно было работать в такой тесной кабине. На стенках ее находились приборы для управления воздушным кораблем, моторами, выпускными клапанами для газа и рулями. В центре кабины устроился Рисер-Ларсен со своими картами, с начерченными на них изогенами (линии, соединяющие пункты с одинаковым склонением магнитной стрелки). Карты эти были проверены при полете и оказалось, что изогены на них были нанесены весьма правильно. В дальнейшем они служили нам большую службу, потому что приходилось прибегать к ним, когда из-за тумана нельзя было пользоваться солнечным компасом.

В кабине, кроме того, помещался радиоаппарат, и Мальмгрену был предоставлен в распоряжение маленький столик, чтобы чертить метеорологические диаграммы, составляемые на основании получаемых по радио сведений. Очень много работы выпало на двух радиотелеграфистов, Готвальда и Сторм-Йонсена, принимавших по радио метеорологические бюллетени, сведения о месте нахождения дирижабля и разные газетные сообщения. Они же должны были рассылать по радио депеши для печати.

Нельзя обойти молчанием также Титану, собачку-терьера, принадлежавшую Ноби-

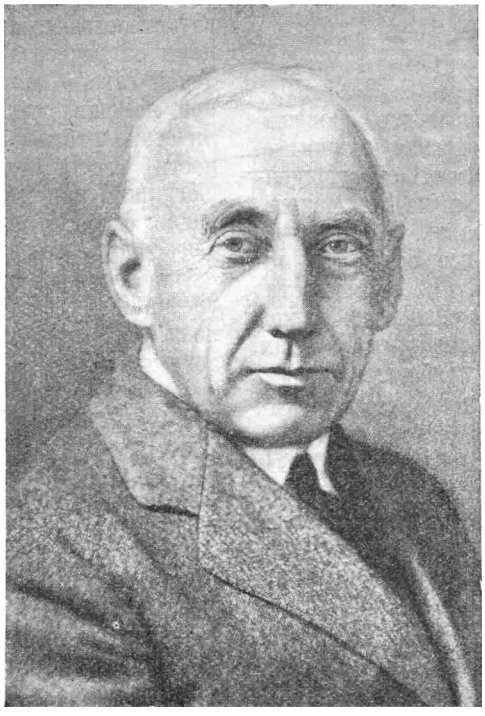
ле *). Она была единственным существом женского пола на борту дирижабля. Наконец, еще остается упомянуть о запасах пеммикана **) и бисквитах, тридцати бутылях-термосах и одеяниях всякого рода. Все это порядком загромождало нашу кабину.

***

В скором времени внизу под собой мы увидели полярный лед. Легкие облака быстро рассеивались, и видны были только голубое небо и сверкавший лед. Горные вершины северной части Шпицбергена исчезли уже из виду, и вокруг нас во все стороны простиралась необозримая ледяная равнина.

Несмотря на то, что неудачные результаты экспедиции 1925 г. у всех нас были в памяти, мы жадно искали глазами земли. Но повсюду, как и в прошлом году, был виден только лед, весь в каналах и трещинах, узких и извилистых, почти сплошь покрытых тонким налетом свежего льда. Все мы, и особенно участники экспедиции 1925 г., испытывали большую радость от сознания, что полет предпринят на дирижабле, а не на аэроплане, и что не приходится судьбу свою и экспедиции ставить в зависимость от счастливой случайности найти удобное место для посадки там, где такового места, повидимому, не имелось вовсе.

Наш полет на «Норвегии» сейчас представляется нам, как сказочное путешествие в лазурном небе над сверкающим на солнце миром из кристалла, когда мы неслись по воздуху со скоростью до 80 клм. в час. Наши моторы работали с точностью часового механизма. Благодаря солнцу и меховым шубам нам было достаточно тепло, несмотря на низкую температуру, а внутреннюю теплоту мы поддерживали, подкрепляясь яйцами, мясом, паштетами и сандвичами, которыми нас щедро снабдили наши друзья в Кингсбай. Не было никакой необходимости прибегать к пеммикану и молоку в порошке.



Роальд Амундсен.

Так мы пролетели большую часть расстояния от Кингсбай до 88° с. ш., держась на высоте 400—500 м. До 83° и даже до 84° с. ш. мы часто замечали белых медведей, а иногда и тюленей, но далее не обнаружили ни малейших следов присутствия каких-либо живых существ. По льду передвигалась только темная тень нашего дирижабля.

Когда мы достигли 87° 45′ с. ш., мы убавили несколько скорость в память полета 1925 г., потому что на этой широте наши гидросамолеты вынуждены были тогда спуститься. Для Рисера-Ларсена, Омдаля и меня наступил торжественный момент воспоминаний. Мы смотрели сверху вниз на расстилавшуюся ледяную пустыню и вспоминали, как год тому назад должны были провести на ней двадцать пять дней!

На широте 88° мы встретили туман и поднялись сначала на 540 м., а затем на 900 м. высоты, чтобы выбраться из него. Волны тумана колыхались под нами, как громадные клочья шерсти. Это было досадной помехой, и мы задумались, не придется ли продолжать путь к полюсу и над неисследованными областями по другую сторону его в густом тумане. Казалось, что так и будет. Два часа мы плыли по этому морю

*) Главный пилот экспедиции. См. № 6 „Следопыта“.

**) Сушеное мясо.

тумана, но полученные со Ставангерской станции в Норвегии телеграммы сулили нам благоприятные ветры по пути к северному полюсу. От поры до времени в тумане показывались просветы, и мы могли установить, что под нами не было никакой земли.

Мы быстро приближались теперь к полюсу, и к нашей большой радости вблизи от последнего проглянуло солнце, и туман рассеялся. Около 1 часа ночи 12 мая мы находились над полюсом и обозревали со всех сторон эту самую северную оконечность земного шара.

***

Лететь в тумане, вследствие пронизывающего холода, было весьма неприятно. Чтобы предохранить ноги от обмораживания, мы вынуждены были надеть сапоги, набитые особого сорта травой. Несмотря на наше теплое платье, мы все, более или менее, страдали от холода. В особенности было неприятно прикосновение голой рукой к холодным навигационным инструментам и разного рода научным приборам.

Записи в дневнике Эльсворта показывают, что, несмотря на естественное возбуждение, вызванное столь необычайным путешествием, мы переживали порой приступы меланхолии. Одна такая заметка гласит: «ощущение полной отрешенности от всего мира» и другая: «кругом абсолютно мертвая пустыня, только ветер и облака».

Порой однако эта монотонность прерывалась эпизодами веселого свойства. Около 11 ч. в. пришла телеграмма директора главного управления норвежских телеграфов, извещавшая о пожаловании королем золотой медали нашему главному радиотелеграфисту. Мы выпили чаю за здоровье награжденного, который послал по радио ответную благодарственную телеграмму королю.

Перед самым приближением к полюсу мы стали праздновать день рождения Эльсворта. Находившийся на борту дирижабля газетный корреспондент Рамм дал знать об этом по радио, и вскоре наши друзья в Кингсбай прислали свои поздравления. Мы выпили чаю и за здоровье Эльсворта, при чем он сам пил из чашки, которую Амундсен брал с собою на южный полюс. Спрашивается, однако, не поторопились ли мы. Так как мы летели из одного полушария в другое, то мы, вероятно, потеряли один день, и день рождения Эльсворта отпраздновали как будто преждевременно. Во всяком случае, для надежности, мы должны были отпраздновать его дважды, и в дневнике Эльсворта имеется такая запись: «Кажется, завтра будут праздновать опять день моего рождения».

Мы достигли полюса в 1 ч. 30 м. ночи 12 мая (по гринвичскому времени). Это мы можем утверждать на основании наблюдений, сделанных во время полета, радиотелеграфных сигналов, полученных нами от радиостанций в Кингсбай и в Зеленой гавани, и вычислений, выполненных при помощи солнечного компаса. Астрономические наблюдения долготы почти в точности соответствовали радиотелеграфным указаниям нашего местоположения, а измерения скорости были поверены путем наблюдения и вычисления широты места.

Определив высоту солнца, мы могли быть уверенными, что достигли поставленной цели. Мы спустились до высоты 100 м. от поверхности и могли убедиться, что лед на северном полюсе имел такой же вид, как и попадавшийся нам до того. На нем было заметно лишь немного трещин и ни малейших признаков каких-либо животных. Насколько только мог видеть глаз, кругом не было видно ничего, кроме тянувшегося под дирижаблем во все стороны бесконечного ледяного поля с шероховатой неровной поверхностью, освещенною лучами полярного солнца.

«Норвегия», таким образом, блестяще разрешила первую часть поставленной задачи. Скорость была убавлена, и мы открыли окно кабины, чтобы выполнить церемонию, к которой уже долго и тщательно готовились.

Экипаж обнажил головы, и Амундсен сбросил норвежский флаг, врученный экспедиции норвежской королевской четой. Затем Эльсворт сбросил звездное знамя, переданное ему президентом Соед. Штатов, и, в заключение, Нобиле сбросил итальянский флаг. Флаги медленно спустились и воткнулись древками в лед. Вероятно, каждый из читателей поймет то особенное чувство, какое мы испытывали, смотря, как флаги развевались по ветру под нашим дирижаблем.

Убавив скорость, «Норвегия» описала круг над полюсом, после чего мы продолжали свой полет. Моторы были пущены полным ходом, и каждый член экспедиции опять принялся за свое дело. Дирижабль теперь впервые за все время полета летел к югу, держа курс на мыс Барроу.

***

До сих пор полет наш шел над исследованными областями земли, куда уже вступала нога человека или о существовании которых было известно. Теперь же перед нами лежала огромная, совершенно неизвестная область земного шара, над которой нам предстояло пролететь 2.400 клм., пока дирижабль достигнет Аляски.

Какие тайны скрывала эта область? Удастся ли нам снять покров, окутывавший эту тайну? А если и удастся, то приведется ли благополучно спуститься, чтобы мы могли поведать миру о всем, нами виденном?

Полет наш протекал спокойно, без перемен. Всюду виднелся лишь освещенный солнцем лед, и только изредка набегало небольшое облачко. Наша радиостанция вела регулярную работу. Мы получали метеорологические бюллетени и рассылали наши телеграммы в газеты, так что читающая публика по всему земному шару могла узнать о церемонии с флагами на северном полюсе и о наших первых впечатлениях на американской стороне полярной области.

Мы уже совсем было настроились оптимистически и надеялись, что наш полет закончится благополучно и без приключений, как и начался. Но вскоре нас постигло разочарование. По правде говоря, наш оптимизм был вполне естественный после того, как полюс лежал уже за нами и весь путь до него мы прошли с регулярностью трансатлантического парохода. Радиостанция и метеорологическая часть работали в высшей степени удовлетворительно. Первая часть полета после полюса также была удачна. Видимость была хорошая, состояние атмосферы спокойное, скорость наша в виду отсутствия противного ветра достигала восьмидесяти километров.

Рано утром несколько человек из состава экипажа, работавших непрерывно со дня отлета из Кингсбай, попытались немного заснуть. Они забрались в спальные мешки из оленьих шкур и расположились в узком коридоре, устроенном в киле корабля. Но холод, шум моторов и постоянная ходьба людей по коридору мешали сну.

12 мая в 7 ч. утра мы достигли так называемого «полюса холодов», до того считавшегося недоступным. Обозревая сверху с дирижабля эту до сих пор никем не открытую область, мы поняли, почему до нее иначе, как по воздуху, было невозможно или очень трудно добраться.

Никаких водных каналов во льду не было. Лед был страшно нагромужден и исковеркан. Казалось, какие-то сказочные великаны вели здесь войну, бросаясь ледяными глыбами друг в друга. Даже те из нас, кто были настроены самым приключенским образом, не могли в душе не порадоваться, что попали сюда на дирижабле, а не отправились пешком.

***

На 86° с. ш., на полдороге между Кингсбай и мысом Барроу, мы при поверке обнаружили, что из захваченных нами 6½ тонн газолина мы израсходовали 4½ тонны. Кроме того, мы попали в густой слой тумана. Как делали и раньше,—попытались подняться выше, что нам и удалось. Мы могли видеть тень нашего дирижабля, отраженную на поверхности тумана. К сожалению, это зрелище нас нисколько не радовало, так как наше положение становилось весьма опасным. Моментами оно казалось более, чем опасным. Тут еще прибавились трудности с нашим радиоаппаратом. Рамм был расстроен до последней степени, что не мог посылать своих депеш газетам. Мальмгрен был в отчаянии, что прекратилось поступление метеорологических бюллетеней, которые были теперь нужны более, чем когда-либо. Кроме того, мы не могли также получать радиосигналы о своем местоположении, которые для нас теперь имели огромное значение.

Расстройство в работе радиостанции было вызвано отчасти атмосферными электрическими разрядами, а частью—обледенением висевшей под нашей кабиной антенны в 150 м. длиной. Затем покрылся льдом и воздушный винт нашего радиогенератора. По мере удаления от Шпицбергена радиосигналы ослабевали, и все же они были

достаточной силы для расстояния в 1.600 километров. Но теперь даже метеорологические бюллетени со Ставангерской станции перестали поступать, и вся наша превосходная радиосигнализация вдруг оказалась для нас бесполезной.

Последние метеорологические бюллетени, переданные нам с Аляски, сообщали о, повидимому, устойчивом циклоне, бушевавшем над Беринговым проливом. Мы пробовали, но тщетно, связаться с какой-нибудь станцией на Аляске. Все наши позывные сигналы оставались без ответа. Впоследствии мы узнали, что большие станции на Аляске пытались установить с нами связь, но не слыхали наших сигналов. Попытки очистить ото льда радиоаппарат тоже были без пользы.

Полет наш, тем временем, продолжался своим чередом. Поднимавшийся все выше и выше туман принудил нас забраться на высоту почти 830 метров. Благодаря просветам там и здесь в сплошной стене тумана мы могли снова убедиться, что никакой земли под нами не имелось, а был лишь один лед, однообразный сплошной лед.

Трудности, с какими нам приходилось бороться, росли с часу на час. Плывшие на большой высоте облака закрыли небо и производство метеорологических наблюдений стало невозможным. Только магнитный компас и точно проведенные изогены помогали нам продолжать полет в определенном направлении.

***

К вечеру наше положение еще более ухудшилось. Мы спустились ниже и попали под снегопад. Пришлось подниматься снова, но наш воздушный корабль отяжелел от насевшего на него снега. По просьбе Нобиле, Мальмгрен стал следить за ходом образования льда, чтобы видеть, какой высоты лучше держаться.

Мы попробовали было подняться выше облаков, но попытка эта нам стоила потери большого количества газа. Много опаснее была ледяная корка, нароставшая на моторах воздушного корабля и пропеллерах. Куски ее отбрасывались на оболочку дирижабля, пробивая последнюю. Каждый из нас сознавал наше критическое положение, и мы понимали, что переживаем опаснейшие минуты за весь полет.

В это время мы находились в 200 милях от побережья Аляски. До этого мы смотрели вниз на лед с своего удобного места скорее глазами исследователей, собирающихся делать наблюдения и писать заметки. Теперь же, когда отверстий в оболочке дирижабля появлялось все больше и больше, это рассматривание льда приобретало совсем иной характер, так как приходилось считаться с возможностью вынужденной посадки и последующего затем странствования пешком до берегов Аляски.

Тут выступает на сцену наша собачка Титана. До сих пор она спала спокойно в меховом мешке своего хозяина. Теперь же она проснулась и стала нервничать. Когда наступил критический момент, она выпрыгнула из мешка, завизжала и жалобно завыла, поджав хвост, как будто прося о помощи.

Приходилось опасаться, что куски льда могут повредить пропеллеры. С тревогой мы слушали, как куски льда ударялись в оболочку корабля. Весь экипаж дирижабля был занят починкой. Одно отверстие в оболочке было такой величины, что мы вынуждены были замедлить ход дирижабля, чтобы его заделать. Тут мы оценили мудрую предусмотрительность Нобиле, который сделал более прочной внешнюю оболочку дирижабля вблизи пропеллеров на случай опасности, с которой мы теперь встретились. От поры до времени мы останавливали тот или другой мотор, чтобы счистить с него лед. Теперь мы летели по направлению к мысу Барроу.

С раннего утра 13 мая (по гринвичскому времени) разные признаки показывали, что земля недалеко. Мы видели, что число каналов во льду возрастает.

В 6 ч. 50 м. Рисер-Ларсен, долго рассматривавший через бинокль южный горизонт, закричал: «земля, земля»!

В 7 ч. 50 м. (время по Гринвичу) мы летели над берегом. Мы достигли мыса Барроу (на Аляске), находящегося на 71° с. ш., спустя 46 ч. 45 м. после нашего отлета из Кингсбай. Возможность перелета через полюс была доказана.

Впервые в истории глаз человека увидел области, расположенные между северным полюсом и мысом Барроу.

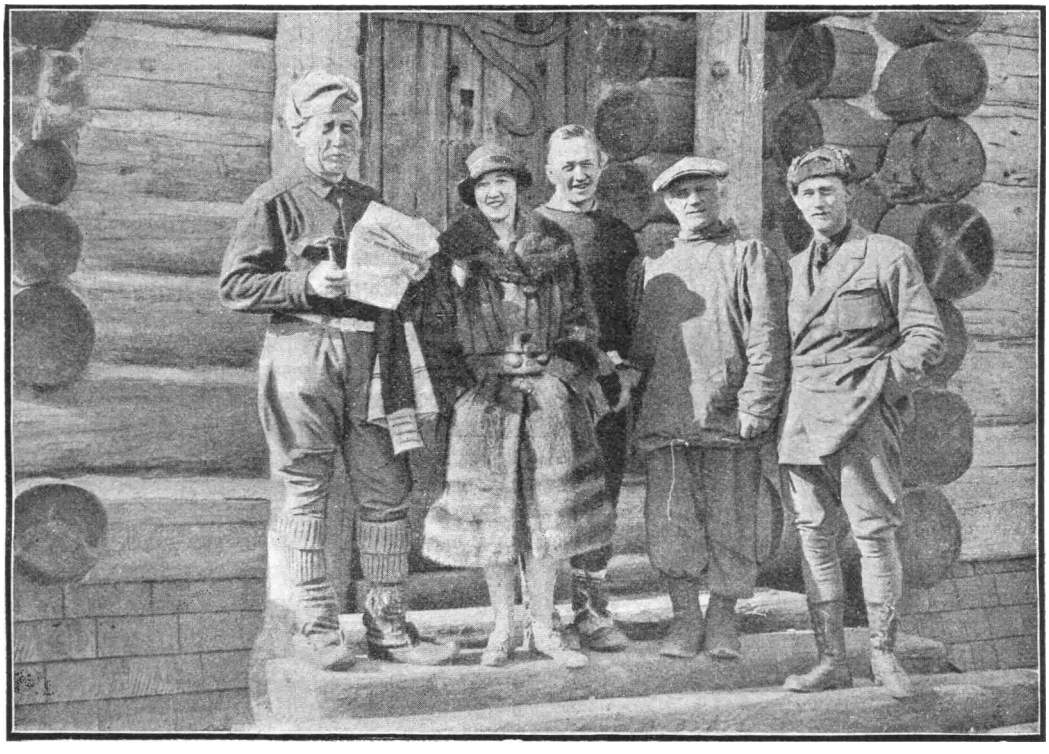
Таким образом, мы пролетели над местом предполагаемого нахождения земли Кинана

(Keenan) и не видели последней. Скептики, сомневавшиеся в существовании этой земли, могли считать себя правыми. Мы также можем удостоверить, что на всем пути нашего полета мы не встретили никаких островов и континентов. Пока не будет точно вычислена средняя высота, на которой летел дирижабль от северного полюса до мыса Барроу, нельзя определить с достоверностью размеров виденной нами и никем до того не исследованной области, но не будет преувеличением сказать, что поверхность ее составляет до 100.000 кв. миль.

**
*

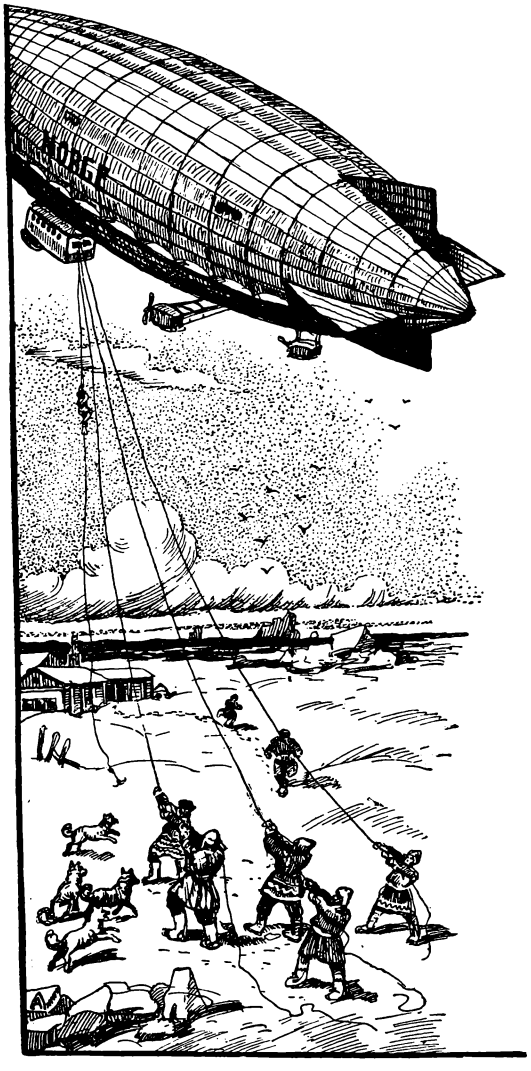
Однако нам было еще далеко до своей цели, т.-е. до места, где мы могли бы безопасно спуститься. Ветер значительно усилился, прежде чем мы достигли побережья Аляски. Впрочем, нам не было времени рассуждать по поводу своего положения или состояния погоды. Нобиле решил держать курс к югу, чтобы добраться до г. Нома. Впоследствии нам говорили, что было бы лучше попытаться достигнуть Фэрбенкса на Аляске, где атмосферные условия были более благоприятные. Но, по всей вероятности, принятое нами решение было наилучшее: полет в тумане к Фэрбенксу, да еще над горами, грозил бы опасностью.

Однако перейдем к описанию того, что случилось в течение последних суток полета, потому что эта часть нашего долгого пути была самая тревожная. О размерах опасности, грозившей нам от льда, всякий может составить себе представление, когда узнает, что вес ледяной корки, покрывавшей дирижабль, когда мы спустились в Теллере, составлял целую тонну (61 пуд). Из-за постоянного наростания льда сохранить равновесие дирижабля стоило нам больших усилий. Мы перемещали баки с бензином и посылали людей за корму, чтобы нагрузка была равномерной. Продолжая полет в таких условиях, мы стремились добраться до Нома.



В Номе (на Аляске) — отдых после путешествия на дирижабле «Норвегия». В группе: Р. Амундсен, жена норвежского вице-консула, Л. Эльсворт, кап. Вистинг (плававший раньше на «Мод» и ведавший на «Норвегии» операциями по посадке и снижению) и лейт. Омдаль (механик гидроплана «№ 24» во время прошлогоднего полета Амундсена и «специалист по моторам» на «Норвегии»).

Дирижабль, следуя вдоль побережья Аляски, пролетел от мыса Барроу до Уэнрайта, куда и прибыл в 2 ч. 45 м. ночи (по аляскинскому времени). Для предотвращения опасности катастрофы мы спустились как можно ниже. Мы видели, как несколько обитателей Уэнрайта выбежали из своих домиков, услыхав шум работающих моторов, хорошо знакомых им по нашей прошлогодней экспедиции. Когда мы теперь летели вдоль побережья, повсюду из домов и хижин повысыпали их белые обитатели, чтобы видеть нас. Сбежались со всех сторон эскимосы, и смотрели на нас с удивлением.



С помощью жителей поселка остановили дирижабль у самых строений и благополучно спустились на землю.

Мы находились вблизи Берингова пролива и могли убедиться, что прилегающая область, по праву, могла считаться самой туманной на всей земле. Облака сгустились, и становилось все трудней держаться линии берега, тем более, что снег, покрывавший берег, скрывал все очертания побережья.

***

У нас еще оставалось горючего на 24 часа полета. Так прошла ночь. На утро, когда солнце поднялось высоко, мы могли определить свое положение по отношению к Берингову проливу. В то же время мы пытались восстановить радиосвязь с внешним миром. Но наши беспрестанные вызовы, обращенные к радиостанциям на Аляске, с целью получить сведения о нашем местоположении, оставались без ответа.

Интересно отметить, что лишенные необходимых вспомогательных средств, мы, тем не менее, безошибочно определили свое местоположение. И действительно, вскоре, как мы и ожидали, показалось открытое море.

Заметив на северо-западе ледяное поле, на которое, в случае надобности, можно было бы спуститься, мы направили свой курс туда. Вскоре мы снова очутились над берегом и опять увидели хижины эскимосов. Мы надеялись узнать от жителей название селения, но ветер был настолько сильный, что было рискованно останавливать моторы. Поэтому мы решили продолжать свой полет и подняться выше тумана, чтобы сделать необходимые наблюдения для определения широты.

Это было нелегким делом. Рисеру-Ларсену пришлось вскарабкаться со своими инструментами на верхнюю часть оболочки дирижабля, чтобы определить высоту солнца. Зато мы узнали, что находимся немного севернее канала Коцебу — так называется большая бухта, глубоко вдающаяся в полуостров Аляску и расположенная севернее Берингова пролива.

Вдруг, о, радость!—мы услыхали, как радиостанция в Номе вызывала другую станцию. Мы теперь могли определить точно свое местоположение и направиться к мысу Принца Уэльского, т.-е., к Берингову проливу. Когда мы пролетели над мысом, ветер несколько стих, но не настолько, чтобы мы могли спуститься ниже.

Неожиданно, в полдень 13 мая, мы заметили покрытый льдом залив и расположенное близ него селение Теллер. Ледяная поверхность залива казалась подходящим местом для посадки, и мы решили спуститься. Мы описали несколько кругов над заливом, ясно сознавая, что спуститься при сильном и порывистом ветре связано с риском. Но еще опаснее представлялось держать полет к югу, не располагая никакими метеорологическими данными оттуда и с перспективами провести еще целую ночь в воздухе с утомленным до последней степени после 70 часов непрерывного полета экипажем.

Мы стали поэтому готовиться к спуску. Мы свесили за борт прочный мешок с 370 килограммами груза, к которому были прикреплены два якоря. Мешок висел на стальных канатах, прикрепленных к дирижаблю. Совершенно неожиданно ветер вдруг на несколько минут стих, мы спустились до высоты 100 метров и сбросили мешок на лед. Но в это время снова задул ветер и погнал нас к поселку. Мы поспешили выпустить газ. Гладкая поверхность льда мешала зацепиться якорям, но нас не покидало счастье. Мы спустили канаты и сами спустились еще ниже. Ветер тем временем гнал нас все ближе к поселку. Когда мы были совсем близко от земли, несколько человек из экипажа спрыгнули вниз и с помощью жителей поселка остановили дирижабль в расстоянии немногих метров от ближайших домов.

Таким образом, нам удалось благополучно и невредимо спуститься на землю, не повредив дирижабля и наших ценных инструментов. Бушевавший вокруг ветер подбрасывал наполовину пустую оболочку и вдруг свалил дирижабль на бок.

Можно только представить, с каким наслаждением мы вступали ногами на крепкий и прочный лед. Тотчас же мы поспешили горячо поблагодарить Нобиле за то, что он доставил нас целыми и невредимыми,

Весь перелет от Шпицбергена до Аляски занял ровно 71 час времени. В 8 ч. утра без нескольких минут (по среднему европ. времени) 14 мая мы снова коснулись земли. Скорость ветра при этом колебалась от 8 до 20 клм. в час. Экипаж к концу полета сильно страдал от холода. Наши напитки замерзли в термосах. Наши сандвичи сделались твердыми, как камень. Питались мы поэтому только шоколадом и бисквитами. Напиться горячего было невозможно, так как из-за опасности взрыва водорода мы не разводили огня. Первая горячая пища нам была гостеприимно предложена жителями поселка Теллера. Но тут мы вспомнили о наших инструментах и позаботились их аккуратно убрать, а затем погрузились в сон,—бесконечный блаженный сон.

На следующий день начались работы по разборке дирижабля. Повреждения воздушного корабля были совсем незначительные. Моторы и клапаны для выпуска газа были в целости. Наше теперешнее желание было скорее добраться до г. Нома.

***

О научных результатах нашего полета мы до полной проверки наших наблюдений не можем сообщить подробно и точно. Но можно утверждать, уже теперь — и это особенно важно в географическом отношении,— что между северным полюсом и мысом Барроу не лежит никакой земли.

Д-р Гарольд Свендруп своей экспедицией на судне «Мод» доказал уже, что между северным полюсом и восточной Сибирью не находится никаких неизвестных земель. Это стояло в противоречии с теорией о существовании так называемой «Земли Гарриса». С другой стороны, на основании разных наблюдений полагали, что к северу от о. Врангеля находится другой большой остров — «Земля Санникова». Подобного острова не существует. От Шпицбергена до Аляски тянется покрытое толстым слоем льда море.

В метеорологическом отношении мы на практике установили, что метеорологические условия полярного бассейна не таковы, повидимому, чтобы могли служить помехой для полета современного дирижабля. Это обстоятельство имеет значение при разработке проекта будущих воздушных линий, проходящих через северный полюс. Были предприняты также и другие важные наблюдения над состоянием воздуха и атмосферным электричеством, но результаты этих наблюдений Мальмгрен опубликует впоследствии.

КИНО-ОХОТА НА ОСЬМИНОГОВ

Рассказ **И. Дельмонт.** (К рисунку на обложке).

Мы должны были поставить фильму, полную необычайных морских приключений. Кое-какие сцены мы уже сняли. Главный гвоздь заключался в борьбе с осьминогами. Эти исполинские спруты водятся в Мексиканском заливе, Караибском море и у Антильских островов.

Один старый методистский пастор в Сант-Яго-де-Куба сказал нам, что мы напрасно туда едем.

— Возьмите,—сказал он, — небольшой пароход, который доставит вас на Малые или Большие Кайманские острова и, если вам не повезет там, поезжайте на остров Козумель, у западных берегов Юкатана. Там негры знают разные места, где можно найти исполинских осьминогов. Эти люди знают и средства приманивать из моря отвратительных вампиров.

От Кингстона мы ехали сухим путем. У мыса Педро мы нашли небольшой пароход, который через три дня доставил нас на остров Кайманбрак. Там в течение уже многих лет не видели осьминогов. Значит, нужно было странствовать дальше, и при отвратительной, бурной погоде, на маленьком пароходе мы переправились на лежащий у Мексиканского берега остров Козумель.

На островах и в городах Центральной Америки живет множество авантюристов со всего света, — «десперадо» — головорезов, которые ни перед чем не останавливаются и отличаются невероятной смелостью. И на Козумеле жило несколько ребят, прошлое которых было не совсем безупречно.

Имена и родина этих ребят были большей частью выдуманы, так как у них имелись веские основания скрывать свое происхождение. Десять таких «браво» были наняты моим помощником режиссера для наших с'емок. Затем там было еще два исполинских негра, первоклассных ловцов, которые обязались бороться с осьминогами.

Странным кажется, что столько авантюристов, которые, однако же, любят жизнь, всегда первые предлагают себя для подобных опасных предприятий. И, нужно сознаться, на этих ребят можно положиться вполне.

Один из негров, великан свыше двух метров ростом, знал место, где водились исполинские морские чудовища, осьминоги, и знал также, как вызывать этих животных на поверхность. Вилльям Фернандец, так назывался черный великан, за свою работу—нырять в море и заманивать осьминога на поверхность воды, чтобы там вступить в борьбу с чудовищем,—требовал только пятьдесят мексиканских долларов.

Второй негр был черный, с рыжими волосами и сильно раскосыми глазами. Косоглазый знал мазь, которой не мог выносить осьминог. Человек, потерший тело или платье этой мазью, никогда не подвергался нападению осьминога.

Так как море сильно волновалось, то пришлось сперва дожидаться хорошей погоды.

Через пять дней море было гладко, как зеркало. На шестой день, в пять часов утра, Косоглазый ввалился ко мне, в комнату отеля, с окровавленным носом и заявил мне, что его так обработал капитан парохода.

Капитан заявил мне на своем благозвучном мексиканско-английском диалекте, что этот косоглазый негр где-то раскопал выгребную яму и этой не очень благовонной мазью хотел замарать его судно—судно сокола Караибского моря. Он с ним живо расправился, избил негра (с ними там «не стесняются», — так же, как в Соед. Штатах) и бросил в воду вместе с кадкой.

Мы спустились к гавани. Невдалеке от судна стояла бочка из-под керосина, от которой разносился такой ужасный запах, что всем стало тошно.

Теперь я понял, почему осьминоги не нападают на человека или на лодку, когда для защиты употребляется эта вонючая жижа. Я не думаю, чтобы какой бы то ни было зверь на свете мог выдержать это зловоние.

Мы все решительно отказались натираться «мазью». Лучше подвергнуться нападению спрутов.

Море было гладко, как зеркало, когда мы выехали из бухты. Нас сопровождало большое число гребных лодок и моторная лодка таможни с «почетными» гостями из Козумеля на борту.

Вилльям наполнил огромное ведро вонючей мазью и спрятал этот «медикамент» на корме судна.

После трехчасовой езды мы были у цели. Вилльям еще раз об'яснил мне весь процесс ловли или борьбы. Сначала он бросит в море свои травы, а потом нырнет. Две лодки с молодцами все время должны оставаться поблизости, чтобы притти на помощь Вилльяму в случае крайней опасности.

Десять головорезов были вооружены большими топорами и ножами. Револьверная или ружейная пуля, к сожалению, не производит впечатления на осьминога.

Аппараты были поставлены на пароходе, все было готово для с'емки, и отвратительный запах уже долетал до нас с кормы. Там стояли Вилльям и Косоглазый.

Косоглазый большой щеткой намазывал вонючей массой коричневую кожу своего друга.

Мои десять десперадо сидели по пятеро в каждой лодке и, пробуя топоры и ножи, радовались от всего сердца предстоящему бою.

Лодки зрителей остановились вне поля картины, и Вилльям спустился по канату в одну из лодок.

Когда все было готово, Вилльям развязал большой белый мешок и бросил в воду зеленые травы, смешанные с пурпурными цветами.

Вилльям подал знак, операторы завертели, и черный великан прыгнул за борт.

Все напряженно смотрели в море.

Вскоре Вилльям снова показался на поверхности, вполз в лодку и сделал нам знак следовать за его лодкой.

Через некоторое время он снова прыгнул за борт, бросив предварительно в воду новую порцию трав и цветов.

Еще два раза Вилльям должен был повторять свою игру. Наконец, он добился результата.

При пятом прыжке в море Вилльям быстро поднялся наверх. Невдалеке от него показалась блестящая слизистая спина чудовища. Рисунки не могут дать правильного представления об этом гнусном, вызывающем ужас морском великане.

Вилльям с быстротой молнии вскочил в лодку, но все же недостаточно быстро. Спрут схватил одной из своих рук ногу Вилльяма, но быстро отпустил ее снова. Мазь оказала свое действие. Тогда спрут напал на лодку. Мгновенно две его руки обхватили лодку, в то время как остальные шарили вдоль бортов, выискивая себе жертв. Двое людей были схвачены.

Ножи и топоры работали во всю. Один десперадо отчаянно боролся со схватившей его рукой. Лодка опасно накренилась на бок. В то же время другая лодка подверглась нападению двух гигантских полипов. Люди отбивались топорами и ножами. Черная кровь била фонтаном и окрасила в черный цвет людей, лодки и воду. В первой лодке негр втащил потерявшего три руки спрута в лодку, при чем она чуть не перевернулась. В лодке полипа прикончили.

Три чудовища были еще не совсем побеждены, как вдруг за нашим пароходом раздался крик.

Исполинский спрут напал на лодку со зрителями. Негритянская девушка, в отчаянии крича, уцепилась за скамейку в то время, как осьминог тащил ее в воду. Остальные сидевшие в лодке девушки и двое мужчин тщетно пытались удержать несчастную и оторвать чудовище. Тут мы подошли к ним с нашим пароходом. Косоглазый подбежал со своим ведром к борту и вылил вонючую жидкость на бывшую в беде лодку. Осьминог и все сидевшие в лодке были с ног до головы облиты жижей. Чудовище тотчас оторвалось и исчезло в глубине...

Поздно вечером мы вернулись в Козумель целыми и невредимыми. Все жители ожидали нас в гавани. Болтовне и рассказам не было конца.

Периодические явления из жизни охотничьих зверей и птиц и способы охоты на них осенью.

Очерк **В. Сатинского** (б. ред. журнала „**Семья охотников**").

I. ЗВЕРИ.

Медведь. К концу сентября медведь, подготовляясь к долгой зимней спячке, запасается более теплой шубой—начинает усиленно отростать подшерсток.

В конце октября, с наступлением холодных дней и особенно зорь, медведи в средних губерниях СССР начинают уже уходить на лежку. Большинство перебирается на «зимние квартиры» до окончательного выпадения снега—из боязни «дать след».

Ложатся медведи обычно вблизи летних жировок, при чем место для берлоги выбирают по краям моховых, заросших ягодником болот, на возвышенных островах среди таких болот, под выворотами и сухими осиновыми пнями, в буреломе с мелким подлеском в смешанном лесу. В чистых борах и крупном строевом лесу медведи не ложатся.

В большинстве случаев берлога внутри выстилается травой, мхом, хвоей, тонкой измочаленной еловой корой. Свежие «заломы» хвои и «задиры» на еловой коре поэтому часто служат указанием на близость берлоги.

Выбор места для берлоги, устраевоемой с осени, может служить прекрасным показателем характера предстоящей зимы: ожидая «гнилую» зиму, угрожающую частыми «подтопами» берлоги во время оттепелей, медведь устраивается на лежку на сухих, возвышенных и более открытых местах; наоборот, предчувствуя зиму суровую, мишка ложится в крепком, заросшем осоровке на мокром, изобилующем незамерзающими ключами болоте, несколько умеряющем зимнюю стужу. Устроившись в берлоге, медведь не засыпает сразу,—он спит только ночью и днем, бодрствуя утрами и вечерами. У облежавшегося уже медведя, особенно с наступлением сильных морозов, этот сон с перерывами переходит в зимнюю спячку, при чем, чем холодней—тем крепче сон.

Охота на медведей разрешается с 15 сентября (кроме гор Кавказа, где охота разрешена с 1 сентября). Лучшая пора охоты, разумеется,—когда медведь ляжет, на берлоге или облавой.

Волк. Во второй половине сентября выводки начинают уже покидать свои логова и переселяться в другие, соседние районы, а с конца сентября переходят к бродячему образу жизни, придерживаясь болотистых овражных мелочей. В ноябре заканчивается линька.

Охота на волков, как на хищников, приносящих огромный вред сельскому хозяйству, разрешена круглый год, но лучшая пора начинается с первой половины октября, когда волк уже в значительной степени перелинял, а молодежь подросла. Способы охоты на волков чрезвычайно разнообразны. С борзыми хорошая охота начинается уже с конца сентября, когда гончих набрасывают на логова, заранее проверенные, и весь выводок выставляется на окруживших «волчий приют» борзятников с их лихими злобачами. Ружейная охота с гончими и облавой начинается приблизительно в это же время (с конца сентября, лучше — в первых числах октября), но наиболее интересная охота на волков—это охота окладом, с флажками, открывающаяся только с выпадением снега.

Лисица. В южных губерниях в сентябре подросшая молодежь уже отделяется от стариков и начинает вести самостоятельный образ жизни. Такой красивый зимой лисий наряд—в начале осени находится далеко не в порядке, так как линька еще не закончилась. Только в половине октября рыжая шубка уже выцветает, и чем ближе зимние холода—тем наряднее и пушистее становится она. К половине ноября заканчивается и линька молодых.

Держится лиса по болотистым мелочам, островным чащам. По мере того, как пустеет лес и с добыванием пищи в лесу становится туго,—лисица начинает все чаще и чаще выходить на кормежку в открытые поля, охотиться на мышей («мышковать»).

Охота на лисиц очень разнообразна: с борзыми—из-под гончих и в наездку (в степных местах), с ружьем — из-под гончих и облавы или с под'езда, а при ранней порошe, часто выпадающей в конце осени,—окладом с флажками, как и на волков. Потревоженная в окладе «кумушка» обычно бросается удирать от покрикиваний окладчика не в противоположную от наростающего шума сторону, а резко вбок, но, напоровшись на линию флажков, бочит от них и, пугливо озираясь на рдеющие флажки, идет обычно вдоль них и попадает под выстрел одного из крайних стрелков.

Кабан. В сентябре в низменных районах—низовьях Волги и Кубани—кабаны держатся в камышах, выходя вечерами и ночами кормиться на поля. На Кавказе кабаны в начале осени переходят из низин в крупный лес, предпочитая дубняк, где так много вкусных жолудей. В октябре молодежь начинает темнеть, теряя свою пестроту.

В ноябре начинается течка, продолжающаяся месяц. К началу течки большие стада распадаются на мелкие. Первыми к самкам являются старики одинцы, которые часто, благодаря их силе и страшным клыкам, завладевают целым стадом, держатся около него недели две, а затем уступают его молодым самцам. В низовьях Волги уже в конце ноября кабаны начинают готовить в камышах зимние логова.

Охота на кабанов разрешена с 1 сентября в Туркестане и горах Кавказа, с 15-го—в остальной части СССР. Производится охота, главным образом, загоном с собаками и вечерами «на засидках» на полях, куда кабаны выходят кормиться.

Лось. В начале сентября открывается гоньба лосей, происходящая обычно на открытых местах, большею частью на опушках вблизи рек. Спарившиеся лоси держатся одного места. Самцы во время гоньбы неотступно следуют за самками и почти не прикасаются к пище. Оплодотворенная лосиха носит детеныша девять месяцев. Во второй половине октября заканчивается гоньба в южном пределе распространения. Отгонявшиеся самцы уходят в чащу, а самки присоединяются к своим телятам. В северных местностях лоси к этому времени сбиваются в небольшие группы-стада и начинают вести кочевой образ жизни. Держатся в осинниках, дающих не только приют, но и пищу. Кочевой образ жизни продолжается и в ноябре. В последних числах этого месяца в подмосковном районе быки начинают сбрасывать рога.

Охота на лосей, в целях охраны последних от окончательного истребления, в Европейской части СССР (до Уральского хребта) временно воспрещена круглый год. За Уралом (северная полоса, где нет специальных запретов) охота разрешается только на самцов с 1-го ноября.

Изюбрь. В половине сентября у изюбрей начинается течка. Сзывая самок, быки начинают зорями реветь. Этот призывный крик привлекает других самцов к месту «рева», и из-за обладания самкой происходят кровопролитные бои, часто заканчивающиеся смертью одного из противников. Самки побежденного быка обычно присоединяются к стаду самок победителя. К половине октября гоньба заканчивается. Самцы покидают самок и, переселившись в лесную глушь, спешат от'есться до выпадения снега. В конце октября изюбри начинают сбиваться в стада и откочевывать в защищенные от ветра, заросшие ельником, равнины, где и кормятся до наступления весеннего тепла.

Охота на изюбрей в целях охраны этого исчезающего зверя от истребления временно воспрещена круглый год.

Косуля. В сентябре продолжается спаривание, при чем самцы держатся около одной самки. Гоньба сначала происходит по заросшим мелким кустарником низинам, опушкам, перелескам, а затем, с наступлением яра,—повсюду. Во время течки косули солонцов не посещают и вообще едят мало. В конце месяца иногда заканчивается уже линька стариков. В начале октября подросшая молодежь сбивается в стада. В Сибири косули, подстегиваемые надвигающимися холодами и бескормицей, передвигаются к этому времени на запад, совершая эти переходы только ночью и ранним утром, днем же затаиваясь в лесу. У прибылых (молодых телят) начинают появляться признаки будущих рогов в виде волосистых бугорков. В ноябре эти бугорки уже превращаются в первые ростки. К этому времени старики сбрасывают рога. Держатся косули на сравнительно чистых, с чернолесьем местах.

В Европейской части Республики до Уральского хребта охота на косуль воспрещена. За Уралом (северная полоса), в южной полосе и в горах Кавказа охота разрешена в течение всей осени (в северной полосе—по 1 декабря, в южной—по 15 декабря, в горах Кавказа—по 1 января).

Соболь. С половины октября соболята оставляют мать и обзаводятся собственными жилищами. К двадцатым числам октября соболь меняет свой летний наряд на пышную зимнюю шубу.

Держится соболь в октябре по глухим лесистым, заросшим кедровником, горкам, с речными долинами — эти места наиболее обеспечивают хищника пищей: белками, бурундуками и рябчиками. В непогодь соболь по два-три дня не выходит на добычу.

Охота на соболя разрешается только по ту сторону Урала с 15 сентября. Лучшее время охоты, однако, начинается около 20 октября, когда соболь окончательно выкунеет, и заканчивается в начале второй половины ноября. В Европейской части СССР охота воспрещена круглый год.

Куница. Около 15 сентября куница начинает выцветать. Молодежь отбивается от матерей и начинает вести бродячий образ жизни. Держится куница осенью чаще всего в кучах древесного лома, при преследовании—часто прячется в дуплах.

Охота разрешена с 15 сентября. Производится она с собаками, выслеживающими тайкого зверка и лаем дающими знать о его присутствии охотнику, а главным образом—с помощью всякого рода ловушек — плашек, поставушек и пр.

Белка. В конце сентября белка начинает менять свою летнюю шубку на более пушистую и одноцветную. К половине октября в северных районах линька заканчивается, при чем старики вылинивают раньше молодых.

Зимняя шерсть белки отличается более густым подшерстком, при чем у молодежи она более рыжого оттенка. С этого времени открывается лучшее время промысловой охоты, заканчивающейся в первых числах декабря. Выкуневшая белка становится очень осторожной; держится она в сучьях вершин высоких елей.

Охота на белок разрешена в течение всей осени; производится она главным образом с собакой, с лаем преследующей идущего «верхом» (по верхушкам деревьев) зверка (отсюда и название собаки—«лайка»).

Заяц. С началом осеннего листопада русак переходит в опушки, а затем и совсем ложится по открытым местам — по высоким жнивам, заросшим межам, бурьянам. В средних губерниях—третий помет (так наз. «листопадники»). В самом конце сентября и начале октября открывается линька. К концу октября, по мере приближения зимы, беляк начинает выцветать—переодеваться из серо-рыжеватой в белоснежную шубку. В северных районах уже в начале второй половины октября встречаются совершенно белые экземпляры (в первую очередь белеют старики). В октябре русаки чаще всего залегают по озимям, а беляки держатся осиновых чащ, заросших сухих болот, с кочкарником и мелким камышом. Особенно придерживается беляк открытых мест в дождливые дни («в капель»). В ноябре, с выпадением снега, русаки начинают прибиваться к жилью, часто ложась на гумнах и огородах, а в степных открытых местах—в бурьянах и сорах. Беляк держится попрежнему в осиновых чащах и теплых сухих болотах.

Осень.

Охота на зайцев открывается с 1 сентября и производится главным образом с гончими, реже—загоном; с выпадением снега широко практикуется сосле́живание русаков по пороше (так называемое тропление).

II. ПТИЦЫ.

Глухарь. Около половины сентября выводки начинают разбиваться; к концу месяца молодые глухари почти ничем не отличаются от стариков, заканчивающих к этому времени линьку. Между прочим, в это время наблюдаются случаи, правда очень редкие, осеннего токования. В первых числах октября заканчивается линька глухарок, и к концу месяца глухари начинают стадиться по 6—8 штук. В лиственных лесах держатся вблизи олешника. С наступлением ноябрьских холодов и выпадением снега глухари, в поисках тепла, забираются в защищенную от ветров чащу хвойного леса. В средней России держатся вблизи оврагов с теплыми ключами, сидя большей частью на земле. На опушках можно наблюдать только утрами и вечерами.

Охота в начале осени—с подружейной собакой, при чем с каждым днем эта охота становится все трудней и трудней; в конце осени—с подхода и под'езда. В промысловых районах—с лайкой.

Тетерев. В начале сентября молодые самчики заканчивают линьку (выращивают косицы) и окончательно отделяются от маток. Держатся на брусничниках, поздней — в чащах. Около двадцатых чисел начинается вылет зорями на кормежку на опустевшие от людей жнивы. Старые косачи начинают сбиваться в стада и совершать свои утренние и послеполуденные перелеты в поля, опушки и обратно. С наступлением октября, сопровождаемого морозами и листопадом, сбивается в стада и молодежь. Стайки проводят большую часть дня на деревьях, обычно вблизи жнив. Как только ноябрьский снег закроет ягодники — источником питания являются почти исключительно березовые почки; этим и обусловливается, что утра и вечера стайки косачей проводят на березах, оклевывая сережки; днем держатся в чаще и густом березняке.

В сентябре еще продолжается охота с легавой, но уже к концу месяца она становится малодобычливой, так как птица делается очень сторожкой. В октябре и ноябре практикуется охота с под'езда и, зорями, с чучелами из шалаша.

Рябчик. Во второй половине сентября заканчивается линька стариков; молодежь разбивается на пары (до весны). С наступлением октябрьских серых с изморозью дней рябчики держатся по высокому осиннику и часто перекликаются. В ноябре выпавший снег заставляет рябчика переселяться в олешник и березняк по берегам лесных речушек и низин. С середины сентября начи-

нается лучшая охота на пищик («манок»). Идет рябчик на манок целый день с перерывом от 11 до 2½—3 часов дня. Очень добычлива в этот период и охота «на узерк», так как молодежь часто рассаживается совершенно на виду. В октябре и ноябре охота исключительно с подхода.

Серая куропатка. Во второй половине сентября заканчивается линька стариков. Держатся по заросшим полевым межам, по кустарникам, оврагам с мелким кустарником. К концу октября сбиваются в стаи по два-три выводка вместе; держатся по кустам и заросшими оврагами вблизи озимей, в хлебных полях, особенно по просяным жнивам. С наступлением ноябрьских холодов часто перебираются в заросшие кустарником луга, болотистые заросли, бурьяны, где и держатся в бесснежные зимы до средины марта.

Охота из-под собаки в северной полосе разрешается с 15 сентября по 1 ноября, в средней — с 15 августа по 15 ноября, в южной—с 15 сентября по 15 декабря.

Белая куропатка. В сентябре молодежь подравнивается к старикам; начинается линька, до окончания которой старики забиваются в крепь. Держатся выводки по брусничникам и клюквенникам. В октябре перелинявшие старики выходят из крепей. В северных губерниях в конце первой половины октября начинают стадиться и местами одеваться в свою зимнюю белоснежную одежду. В ноябре, с наступлением холодных, особенно со снегом, дней, начинают откочевывать от мест гнездования.

Охота из-под собаки разрешена в течение всей осени.

Вальдшнеп. С первых чисел сентября начинается вторая линька стариков (смена покровных перьев), в двадцатых—выбираются из крепей в открытые места, в сухое лето—в ольховые по влажным низинам заросли; начинаются ранние высыпки и осенняя тяга. В самом конце сентября — начало пролета вальдшнепа, гнездовавшего в северных губерниях; держится по мелочам и лесным опушкам. В начале октября в центральных губерниях отлет местового, заканчивающийся около 25 октября.

Запоздавшие экземпляры, однако, попадаются в западных и некоторых средних губерниях в течение почти всего ноября (по теплым, заросшим ольхой, сырым низинам). В южном Крыму, Закавказье и Бессарабии—пролет.

Охота из-под собаки в течение всех осенних месяцев.

Дупель. В конце второй половины сентября в средних, восточных и северо-восточных губерниях заканчивается пролет. Пролетный дупель очень часто держится по картофельным и капустным полям. В начале октября в средних губерниях встречаются уже только отдельные запоздавшие экземпляры, в южных губерниях продолжается еще перелет. В ноябре уже и на юге (в Бессарабии) попадаются по кукурузным полям только запоздавшие экземпляры.

Охота с собакой в течение всей осени.

Гаршнеп. С конца сентября в средней России начинается пролет этой крохотной птички, длящийся свыше месяца. Высыпки держатся по топким болотам. В первой половине октября пролет в центральном районе достигает наибольшей силы, постепенно ослабевая к концу месяца. Иногда перелет затягивается и до половины ноября. В ноябре к двадцатым числам в опустевших и часто уже замерзших топких болотах в средних губерниях встречаются только отдельные экземпляры. В это время пролет в Крыму.

Охота с собакой.

Гуси. В начале второй половины сентября—пролет и отлет в северных губерниях, в конце — отлет начинается повсюду. Идут гуси стаями, оседая для отдыха и на кормежку на жнивах, озимях и крупных озерах. В первых числах октября пролет в северных и северо-восточных губерниях заканчивается; в низовьях Волги пролет длится весь месяц и захватывает часть ноября. Около половины ноября из центральных черноземных губерний уходят последние.

Охота на перелетах и с под'езда.

Утки. В начале сентября — линька кряковых селезней, в конце — начало отлета на севере, появление пролетных в подмосковном районе (начало пролета чирка—неделей-полутора раньше). В первой половине октября сваливаются в большие стаи, держась на больших озерах; отлет из северных губерний во второй половине месяца уже заканчивается. В конце второй трети ноября уходят последние стаи кряков из средних губерний; из восточных и северо-западных—в конце.

Охота на перелетах и из шалашей, с подсадными и чучелами.

Стрепет. В сентябре стрепета переселяются в некоси, держатся также по парам и свежевспаханным полям. В восточных губерниях начинается отлет. В начале октября сбиваются в большие стада. Со второй половины начинается отлет из районов вблизи северной границы распространения. В ноябре пролет в Астраханских и Крымских степях, на Кавказе; в Харьковской губернии пролет заканчивается.

Охота из-под собаки и с под'езда, в северной полосе разрешена в течение всей осени, в средней и южной—по 1 ноября.

Перепел. В первых числах сентября—начало постепенного отлета из центрального района, длящегося свыше месяца; к концу октября и на юге (в Харьковской губ.) встречаются уже только запоздавшие экземпляры. В ноябре пролет в Закавказье.

Охота с собакой разрешается в северной полосе с 15 сентября до конца осени, в средней—с 15 августа по 15 ноября, в остальных —в течение всей осени.

Следопыт среди книг

МИР В СТЕКЛЯННОМ ШАРЕ.

Вагнер и его спутники вошли в огромный полуосвещенный готический зал. У стен стояли длинные столы, уставленные тиглями, перегонными кубами, колбами, пробирками. Всю середину зала занимал стеклянный шар необычайной величины.

Профессор Вагнер протянул руку по направлению шара.

— Наконец-то вы об'ясните назначение этого шара, дорогой профессор,—сказал Брауде.

— Да, я это и хочу сделать, — ответил Вагнер, подходя к выключателю. Электрическая лампочка погасла, зал погрузился в полную темноту. Только внутри шара светилась какая-то туманность.

— Прошу садиться.

Брауде и Шмидт уселись в старинные кожаные кресла. Вагнер стоял у шара, и его силуэт выделялся на фоне светящейся туманности.

— Здесь зарождается новый мир! Маленькая солнечная система,—прервал молчание Вагнер, поднимая руку к шару.

Шмидт нервно подскочил в кресле.

— Но позвольте, господин профессор!..

— Дорогой друг,—остановил Вагнер Шмидта,—я дам ответ на все ваши вопросы. Но пока остановлюсь на самом существенном.

Вы сами говорили, что в строении атома—ключ к тайнам мироздания. Я овладел этим ключом. Я разложил атом,—сознаюсь,—не без риска взорвать себя со всем домом освободившеюся внутриатомной энергией. В моих руках оказался тот первичный материал, из которого создаются миры. Если мир создан без вмешательства «творца», то очевидно, что сам этот первичный материал имеет в себе то, что называют primum moveus,—первый двигатель. Нужно было только поместить этот материал в соответствующие условия, и—должна появиться космическая жизнь.

Достичь в безвоздушном пространстве стеклянного шара температуры абсолютного нуля межпланетных пространств не представляло особенного труда. Но необходимо было изолировать мой космический «Эмбрион» от притяжения земли. Мне удалось и это. Не буду говорить о целом ряде других технических трудностей. Довольно сказать, что созданная мною космическая туманность, как вы можете заметить, уже начинает вращаться. Смотрите!

Брауде подошел к шару и увидал, что мерцающая шарообразная туманность медленно вращается вокруг своей оси.

— Но скажите, уважаемый профессор,—спросил Брауде,—сколько же миллионов лет должно пройти, пока образуется ваша солнечная система?

— Часов, вы хотите сказать?

— Как часов?

— Очень просто. Эта будущая планетная система приблизительно в сто сорок миллиардов раз меньше нашей солнечной системы. По моим расчетам, диаметр будущего солнца этой системы будет равен сантиметру, диаметр крайней орбиты будет около тридцати двух метров, а диаметр такой планеты, как земля, будет меньше одной десятой миллиметра. Кроме того, я искусственно ускорил процесс развития. По предварительному вычислению, на образование планет потребуется около двух тысяч часов, от появления первого организма до говорящего человека—семьсот часов, а тот период, который прожило наше человечество, пройдет в этом мире в сорок секунд. Такое соотношение времени в соответственно увеличенном масштабе существовало в нашей солнечной системе. Условно для земли эти цифры таковы: если принять за двадцать четыре часа период от появления первого беспозвоночного существа, то от позвоночного до человека протекло семьдесят часов, а вся история говорящего человека уложится в четыре секунды.

— Неужели вы предполагаете, что и здесь, в этом мире, на микроскопических планетах появится человечество?

— А почему бы и нет? От появления до гибели планетной системы это человечество будет жить всего несколько минут. Но для них наши минуты будут равняться миллионам лет. В эти пять-шесть минут будут сменяться поколения, создаваться и гибнуть государства, войны и революции будут потрясать «мир», люди—рождаться, страдать, думать о бесконечности, считать себя «венцом творения» и умирать.

— А скажите, профессор, мы не сможем увидеть это микроскопическое человечество, наблюдать его историю.

— Боюсь, что нет. Микроскопичность этого мира, необычайная быстрота его времени делают недоступным для нас наблюдение, как если бы этот мир был отдален от нас миллионами километров. Здесь миллионы лет протекают в минуты. Это превосходит наши земные восприятия...

— Смотрите! Смотрите же!.. — воскликнул Шмидт.—Центральное ядро все уплотняется и светит сильнее, а от туманности отделяется сгусток.

— Не так скоро! Просто вы привыкли к темноте комнаты; а «сгусток»,—одна из будущих планет, — образовался уже несколько дней тому назад, но вы увидали его только сейчас, когда туманность повернулась к вам. Однако, мне пора, работа ждет меня,—и профессор Вагнер ушел в кабинет.

А Брауде и Шмидт, как зачарованные, смотрели на стеклянный шар, где медленно вращалась голубоватая туманность нового мира, созданного человеком.

Зрелище было, действительно, захватывающее..

С каждым днем туманная космическая масса все уплотнялась, принимала очертание шара и с каждым часом светила ярче. Голубоватый свет белел. На него уже было больно смотреть незащищенным глазом. Пришлось одеть дымчатые очки. Вокруг светящегося шара появилось кольцо с утолщением, как бы узлом, на одном месте. Кольцо разорвалось и, постепенно укорачиваясь, слилось с «узлом».

Брауде и Шмидт приветствовали появление первой планеты, которую они назвали «Нептун». Скоро появились и другие планеты, а около них роились спутники—«луны», вращавшиеся с необычайной быстротой. Новый солнечный мир жил полной жизнью, играя всеми цветами радуги, накаленная фотосфера центрального «солнца» уже ярко освещала стеклянный шар. От него распространялся свет и в зале.

— Глядите,—говорил Шмидт,—сейчас на этой планете ночь... Однако, какие протуберанцы выбрасывает солнце.

— На «Нептуне», может быть, скоро появятся ихтиозавры и прочие чудовища...

И они вновь замолчали, погрузившись в созерцание.

— Вы не ощущаете, от шара как будто исходит тепло?—спросил через некоторое время Брауде.

— Этого не может быть. Внутренность шара абсолютно лишена воздуха, который мог бы проводить тепло,—ответил Шмидт.

Брауде подошел к шару и попробовал его рукой.

— Шар нагревается.

— Странно... Надо позвать профессора Вагнера.

Вагнер работал в своем кабинете над какими-то сложными машинами. На руках его были перчатки из материала, напоминающего резину.

Когда он узнал новость, то на минуту погрузился в задумчивость.

— Очевидно, где-то просачивается воздух,—сказал он.

— Но ведь это ужасно! — воскликнул Брауде.—Шар будет нагреваться и тогда...

— Стекло может лопнуть...

— И вдруг произойдет распад внутриатомной энергии... Ведь это будет катастрофой!

— Не столь страшной, как вы воображаете. В публике распространено мнение, что один грамм материи может выделить при распаде атома энергию, которая равна выделяемой при сгорании двух тысяч тонн угля. Это неверно. Реальная внутриатомная энергия составляет только 0,8 процента этой фиктивной энергии. При том весь атомный материал нашего нового мира ничтожен. Но все-таки взрыв может получиться изрядный. Надо принять меры...

— Профессор, неужели этот микрокосм вы обрекаете на гибель?!

— Все миры обречены на гибель. В бездне неба солнца непрерывно гибнут и рождаются..

Приведенный здесь опыт проф. Вагнера, «человека, который не спит» и «гостя из книжного шкафа»,—один из эпизодов только что вышедшей интересной книги хорошо нашим читателям известного писателя-фантаста **А. Р. Беляева — «Голова профессора Доуэля».** (Изд-во **«Земля и Фабрика».** Стр. 200. Цена 1 р. 20 к.).

СКУМБРИЯ У ХАРДЖАЛАКСКОЙ КОСЫ.

Близится вечер, и на заводе ребе Мануса готовятся к улову.

Вот уже двое рыбаков сворачивают в круги «кадолы» — толстые неводные канаты. Один конец «кадолы» привязывается к крылу сети, другой остается на берегу. Остальные рабочие собирают шесты, весла и прочую снасть и, на всякий случай, приготовляют рассол.

— Снимай невод!

Властный голос Мануса Гурария. Иногда, в важных случаях, Лебедык уступает атаманство хозяину. Лебедык, один из лучших промышленников на всем Багушском побережьи, высоко ценит опытность старого Мануса.

— Заготовь шаланду!—раздается вновь команда Мануса Гурария.

Меер с пятью товарищами, шестеро здоровенных евреев, спешно устремляются к мостикам, хватаются за «дуб»—крепко осмоленное, высокобортное суденышко—и со стонущими выкриками: «гго-гго-гго» стаскивают его с отмели. Сейчас же к судну прилаживают руль, якорь и уключины. Рыбаки входят в шаланду и, стоя, шестами отталкиваются от мостков. Как только достигают глубины, берутся за весла. Взвизгнули уключины, мелькнули зеленой краской лопасти весел, и «дубок» быстро уходит в море.

Так как охотой распоряжается сам ребе Манус, то Лебедык заменяет крылечника Меера.

Лебедык зорок, как мартын. Рыбаки утверждают, что атаман по дрожи ряби на воде может с точностью определить, как идет рыба.

На корме он стоит совершенно недвижимым. Он осторожно держит крылья сети, пытливо всматривается в зыбкую поверхность моря, подернутую позолотой заката.

Вот глаза крылечника хищно сверкнули, он насторожился. От сильного напряжения у него по мускулам пробегает судорога. Ноздри у него раздуваются. Его всего охватывает восторженное возбуждение охотника. Не меняя позы, он шепотком роняет: «иде-от... ии-ии-ии...»

Как всегда в таких случаях, Лебедык порывается сказать: «видимо-невидимо, тыщи»... Но он сознает, что это его искушает

лукавый, и привычным усилием воли подавляет порыв: неосторожное слово может накликать беду,—море не любит, когда считают непойманную добычу...

— Руль право!

Команда раздается тихо-тихо, с какой-то боязливой сдержанностью. Шаланда плавно поворачивает свой корпус.

— С богом, закидывай!

Снова тихая команда. Лебедык как-то весь подбирается, делает торжественную паузу и сильными, спешными взмахами начинает разбрасывать по тоне крылья невода.

Он кидает их со строгой размеренностью и в противоположные стороны, поочередно: вправо—влево, вправо—влево. В то же время судно отплывает все дальше и дальше, часто поворачиваясь.

И над опаловой рябью моря, взвиваясь силками, вытягиваясь налету и упруго расправляясь, сеть припадает к воде влажными шлепками; она расстилается по ней множеством серых разнообразных петель, быстро намокает, темнеет и тонет, медленно и покорно погружаясь в черную глубь.

— Стоп-пари!—командует Гурарий.

Запенилось, ворчливо заклокотало под кормой. Пять пар весел мигом взлетели вверх, блеснув мокрыми лопастями, застыли в воздухе, с носу быстро бросили якорь.

Между тем крылечник уж и мотню закинул,—весь невод ушел в глубину, а над водой теперь виден только черный боченок, вешка, указывающая, где мотня, да деревянные поплавки крыльев. Они плывут, ритмически покачиваясь, точно пляшут.

— Бери берег!

Весла враз опустились, заработали, и «дуб» полным ходом пошел к стрелке.

А уж там работа в разгаре. Еще в начале улова, в тот момент, когда шаланда ушла в море, четверо рыбаков, «бережничие», опоясанные лямками, упираясь пятками в песок и откидываясь всем корпусом, стали тянуть неводную.

К тому моменту, когда судно вернулось, половина бечевы уже была вытащена, и теперь вся артель пошла в лямки.

Прошло с полчаса, и у берега показался невод. В ромбообразных петлях его крыльев то и дело замелькала серебристая скумбрия. Зацепившись костью шеи за нитку петли, она бессильно повисла.

Невод по мере своего приближения становится все тяжелее и тяжелее, а в мотне кишмя кишит. Тысячи конусоголовых, влажно-серебряных рыб, предчувствуя сушу, отчаянно кувыркаются в прочной западне, прыгают, ошалело бьются,—мечутся во все стороны.

Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

ЛЕВ ЖДАНОВ. Во власти золота. Стр. 205. Цена 1 р. 55 коп. Книга Жданова в легкой—полубеллетристической, полудокументальной форме освещает знаменитые ленские расстрелы. Предпосылки бойни, развертывание и заключительный эпилог изложены автором, с одной стороны, в полном соответствии с исторической правдой, с другой стороны—оформлены с достаточной художественной убедительностью. Язык прост, ясен и красноречив. Действие развивается последовательно и, в то же время, захватывающе. Внешность книги — привлекательна: издано прекрасно.

СОФЬЯ ФЕДОРЧЕНКО. Народ на войне. Стр. 125. Цена 35 коп. Сестра милосердия Софья Федорченко сумела подслушать, «о чем шепталась, когда ей не спалось», русская армия. Почти без литературной обработки она передает простые и крепкие слова солдат, их думы, желания, надежды, песни... В результате — интереснейшая книга, своеобразный, огромный склад народной мудрости. «Народ на войне» — исторически ценная, нужная нам книга, книга, которую необходимо прочитать и продумать каждому.

Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

АЛТАЕВ. Бунтари. Стр. 237. Цена 2 р. 25 коп. В этом романе автор показывает развитие движения декабристов, его корни, социальную среду, его породившую. Дворянский быт начала прошлого столетия, глухое брожение крестьянских масс, солдатские бунты — все это обрисовано опытной, умелой и знающей рукой. Наряду с отступлениями от художественной формы изложения к публицистике в романе имеются сильно надисанные, убедительные по психологической правдивости места. Это делает «Бунтари» увлекательной и полезной книжкой.

ИЗ ЗАМЕТОК БИБЛИОТЕКАРЯ.

Мне хочется поделиться впечатлением, которое произвели на меня небольшие книжечки «Рабоче-крестьянской библиотеки» изд-ва «Земля и Фабрика».

Мы, библиотекари далеких провинций, не избалованы «новинками» и остро чувствуем в своей работе недостаток необходимых хороших (и дешевых) книг.

Рассказ **Вольнова** «Вася Пазухин», в котором автор, с одной стороны, рисует быт дореволюционной деревни и власть лавочника над ней, а с другой — тягу к знанию у крестьянина в темные годы бесправия и забитости, —можно рекомендовать и взрослому, и подростку: книжка интересно написана и удовлетворяет читателя.

Рассказ **Быстрова** «Зверилы» прост, правдив и доступен каждому. Сколько разбросано таких «зверил», которые охотно воспринимают новое бодрое, — принесенное революцией, и которым приходится бороться с вековыми устоями «медвежьих углов»! Написано свежо и интересно.

Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

Чрезвычайно ценна для библиотеки книжечка **Бахметьева** «Воскресенье», в которой автор, в беллетристической форме, от имени работницы-девушки рассказывает о рабочей жизни, о произволах в 1904 году и о событиях «Кровавого воскресенья» 1905 года.

Рассказ **Линнанкоски** «Победитель водопадов», написанный о любви, об удали молодецкой, — дает в то же время представление о Финляндии, о ее суровой природе.

Рассказ **Ал. Тверяка** «Леший»,— о том, как ребята под предводительством мальчика Тимошки решили об'явить лешему, жившему на болоте, «революцию» и свергнуть его, чтоб он не таскал отбившуюся от стада скотину, — может быть использован для читки вслух. Картинка «в ночном», страхи ребят и в то же время отвага,— переданы живо и художественно. Язык простой, понятный, — рассказ заинтересует и взрослого и юного читателя.

Каждая из этих книг найдет своего читателя, — поэтому необходимо продвинуть эту серию книг в возможно большее количество библиотек, тем более, что цена книжек невысокая (10—12 коп.), и даже при минимальных средствах — каждая библиотека может приобрести несколько десятков таких книжечек.

Изданы все они очень хорошо, обложки выполнены художественно,—можно только пожелать этой библиотечке самого широкого распространения, а библиотечным работникам — самого широкого ознакомления с ней и использования ее.

Е. Б.

Изд-во «ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА».

Улов на диво удался: на глаз скумбрии тысяч восемьдесят. Своими силами с такой оравой не справишься, и в ближние деревни поскакал верховой скликать помощь.

Добычу убирали до позднего часу. Как всегда бывает в подобных случаях, оказался недохватак в посуде и соли, так что тысяч семь пришлось спустить мужикам. Отдавали почти задаром,—по восьми гривен сотню, а оставшуюся, как водится, зарыли в песок, потому что пустить ее обратно в море нельзя: она там расскажет своим о неводе и о рыбаках,—и тогда простись с промыслом: в эти места рыба уж не зайдет,—никогда!..

Приведенный отрывок — глава из книги **Н. М. Осиповича «Похищение Зоси»** (Изд-во **«Земля и Фабрика»**. Стр. 128. Цена 1 руб.), в которой рисуется жизнь наших окраин. Автор сумел правдиво и художественно выявить и ярко-своеобразный быт рыбаков-евреев Черноморья, и здоровый вольный простор и крепкий пульс «простой жизни» далекой Якутии. Интересная, хорошая книга.

«СТЕКЛЯННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ».

... — И что же этот доктор? — спросил Цезарий отца.

— Этот доктор Барыка выписал из Америки какую-то необыкновенную машину, которая одним взмахом вынимала и откладывала в сторону девятиметровые пласты торфа: в час столько, сколько сто рабочих в течение недели.

— Вот так знатная машина!

— Ты не веришь? А вот увидишь. Чего только не бывает на свете! Еще до этого он купил землю. Местность, которую Барыка приобрел, расположенная на мысе, выступавшем в море, была некогда дном какой-то доисторической реки, так как за прибрежными наносами тянулась узкая полоса торфяных болот. Торф лежал там слоем в девять метров, а под торфом был песок, такой, как в приморских дюнах, только старше наносного на несколько десятков или сотен веков, кто его знает... Наш кузен Барыка продавал на топливо высушенный в специальных сушильнях торф, а в громадном

торфянике продолжал углублять канал, шедший полукругом в девять метров глубиною и более десяти шириною, повернутый открытой стороной к морю и соединявшийся с ним. Обе стороны канала он обложил временно деревом, а потом стеклом.

— Любопытный канал. Что же дальше?

— Весь этот канал лежит ниже уровня моря, ниже даже дна его у берегов, где от постоянно выбрасываемого песку уровень его поднялся. Затея Барыки возникла в результате изучения моря в этой его части: наш однофамилец произвел тщательное обследование моря, в особенности же известного большого прибрежного течения, направляющегося из океана через Зунд, Каттегат и Скагеррак на восток. Левый рукав канала Барыка поставил под это западное течение и пустил громадную водяную силу внутрь его: впускал в один конец канала, а из другого выпускал. На берегу канала он построил заводы, приводимые в действие посредством турбин. Это был в сущности один громадный стеклянный завод. С этого и началась новая цивилизация.

— Это на мой взгляд какая-то хрупкая и легко бьющаяся цивилизация.

— Наоборот. Самая прочная в этой юдоли из железа и бетона.

— Стекло легко бьется.

— Не такое стекло. Барыка вырабатывает бревенчатое стекло. Благодаря бесплатно получаемой от западного течения энергии, он имеет неимоверное количество электрического тока и плавит прибрежный песок.

— Это его секрет?

— Секрет. Из громадной расплавленной массы он вынимал готовые бревна, плоскости, клинья, замковые камни свода, отлитые по данным архитектурного плана. Целый стеклянный одноэтажный дом с плотно прилаженными стенами из бревен, которые складываются «венцом», он дает покупателю в готовом виде. В деревенских домах этого типа — нет печей. Горячая вода проходит зимою вдоль стен каждой комнаты по трубам. Под потолком работают стеклянные вентиляторы, нормируя количество тепла и беспрестанно вводя внутрь свежий воздух.

— Должно быть летом в таком домике ничуть не прохладнее, чем на рынке в Баку во время каникул!

— Ошибаешься, неверный. По тем же внутренним трубам летом проходит холодная вода вокруг каждой комнаты. Она охлаждает стены, вследствие чего в таком домике во время самого сильного зноя так же прохладно, как в подвале, но без его сырости и гнилостного запаха. Этой же водою постоянно омываются стеклянные полы, стены и потолки для поддерживания прохлады и чистоты.

— Какие-то стеклянные шкапчики, а не человеческие квартиры!

— Настоящие стеклянные шкапчики. Польский крестьянин,— не особенно, правду сказать, заботящийся о чистоте,—поневоле должен поддерживать ее у себя, чтобы в стеклянной избе не было ему жарко. Баба постоянно моет у него избу, стены, пол, но сырости нет ни малейшей, так как нечему гнить, ни плесневеть, ни пахнуть видимой или невидимой грязью: вся посуда, мебель, все вещи — стеклянные.

— И ты видел все это? Видел такие деревни, папа?!

— Еще бы! Целые округи, уезды, воеводства! Потому что эти дома распространились как моровая язва, когда люди узнали о них. Кому охота жить в деревянных лачугах, вызывающих ревматизмы, туберкулез и скарлатину, или в каменной тюрьме, пахнущей сыростью и мышами, среди стен, пропитанных всевозможными болезнями? Стеклянные дома стоят необыкновенно дешево.

Самый дом без земляных работ строится в продолжение трех-четырех дней, так как постройка заключается в складывании частей, прилаженных на заводе. И это еще не все! Барыка использовал течение Вислы совершенно так же, как соленое морское, направляющееся с запада на восток: начал вводить громадную реку в стеклянное русло. На одном из заводов он вырабатывает для этого особые материалы. Работа по устройству стеклянной стены простая, первобытная, почти плотницкая. Вбивание в дно на громадную глубину клинообразных плоскостей, внизу острых, как бритва, и утолщающихся кверху, производится чрезвычайно быстро. На пространстве реки, захваченном с обеих сторон в скользкое русло, не существует разливов и ледяных заторов, так как быстрота течения уносит отсюда льдины, а специальные приспособления препятствуют замерзанию воды.

— Эта река не замерзает?

— Напротив, замерзает, но инженер Барыка вполне властен над ее замерзанием и отмерзанием в стеклянном русле. Вода, скованная в тесном русле, работает зимой и летом: вращает целый ряд турбин и вскоре будет приводить в движение тысячи их.

Этот разговор взят нами из романа **С. Жеромского «Предвесеннее».** Перевод с польского **С. Гонзаго.** Изд-во **«Земля и Фабрика».** Стр. 416. Цена 1 руб.

Редакцией «Всемирного Следопыта» получен № 8 общественно-литературного, художественного и научно-популярного ежемесячника «30 Дней». Издательство «Земля и Фабрика». 96 стр. Цена 60 коп.

В содержании номера: **Ф. Березовский.** Праведник.—**Юр. Слезкин.** Товарищ Сакине.—**Г. Шторм.** Потешные картинки.— **П. Жеребцов.** Заведенная машина.—**С. Григорьев.** По широкому раздолью.—**С. Ветлугин.** Вузовцы.—**Д. Аркин.** Заготовка хлеба.—**М. Бандин.** Всесоюзное торжище.—**С. Тимофеев.** Красные кустари.—**С. Огурцов.** Новоселье.—**Ив. Молчанов.** Ручей.—**Веселый архив.—Витрина изобретений.—Свое и чужое.—Юмор и сатира** и мн. др.

Обо всем и отовсюду

В 29 ДНЕЙ ВОКРУГ СВЕТА.

Два американца, Эдуард Эванс, по профессии инженер, и журналист Линтон Уэллс предприняли закончившуюся удачей попытку выполнить кругосветное путешествие менее, чем в 30 дней.

16 июня с. г. они на пароходе отправились из Нью-Йорка в Европу и 22-го прибыли во французский порт Шербург, откуда, вследствие аварии нанятого ими самолета, на автомобиле доехали до Парижа. Затем от Парижа они на специально заказанном самолете долетели до Кельна, где пересели на другой самолет, доставивший их в Магдебург.

От Магдебурга, вследствие неблагоприятной погоды, они вынуждены были опять прибегнуть к автомобилю, чтобы добраться до Берлина, куда прибыли в 1 час 42 мин. ночи, 23-го, по местному времени, и уже в 2 часа 35 мин. ночи на самолете полетели дальше через Кенигсберг в Москву, где спустились в 5 час. дня на Ходынском аэродроме.

В 2 часа ночи 24-го они на специально заказанном самолете Дерулюфта «Все в Авиахим» под управлением летчика Копылова полетели в Омск, находящийся в 2.400 клм. от Москвы. Перелет этот был выполнен блестяще. Летчик Копылов через одиннадцать часов беспрерывного полета остановился на несколько часов в Красноуфимске и продолжал полет дальше до Кургана, где спустился в 9 час. веч. В 1 час 15 мин. ночи 25-го Копылов полетел дальше и в 6 ч. 15 м. утра прибыл в Омск, на 1 ч. 45 м. ранее назначенного срока, опередив сибирский скорый поезд, который вышел из Москвы 22-го, когда Эванс и Уэллс еще не добрались до Берлина.

В Омске путешественники пересели в поезд и доехали до Харбина. Здесь их должен был ожидать аэроплан, относительно которого они уговорились с Чжан-Цзо-Лином (манчжурским генерал-губернатором).

По недоразумению, Чжан-Цзо-Лин выслал одноместный самолет, на котором Эванс пролетел 670 клм. до Мукдена, а Уэллс отправился на экстренном поезде в Антунг, где пересел на другой и успел во-время приехать в Мукден, чтобы застать там еще Эванса и совместно с ним отправиться по железной дороге в Фузан (в Корее). Этот путь поезд прошел с редкой скоростью (24 часа вместо обычных 31 часа) и в 10 ч. утра 2-го июля доставил путешественников в Фузан.

Из Фузана они на пароходе отбыли в Шимоносеки и оттуда в Иокогаму, куда попали еще во-время, чтобы застать отплывавший в Америку пароход, на который немедленно и пересели.

На пароходе они переплыли Тихий океан и 12-го прибыли в Викторию (Канада). Отсюда они на аэроплане отправились в Сиатль и дальше—также по воздуху—через американский континент, при чем в пути сменили несколько аппаратов, и, наконец, 14-го июля прибыли обратно в Нью-Йорк.

Всего на свое путешествие они затратили 28 суток 14 ч. 36 м. 51 с., побив, таким образом, на семь дней поставленный Мирсом, также американцем, в 1913 г. рекорд: 35 суток 21 ч. 35 м. 45 сек.

За свой путь они 10.000 клм. пролетели на самолете, 12.900 клм. проплыли на пароходе и 6.600 клм. проехали в поезде или в автомобиле. Из-за неблагоприятной погоды они не могли в полной мере (сначала в Европе, а затем в Соед. Штатах) воспользоваться самолетом, как задумали, что удлинило несколько их время.

Еще несколько раньше Эванса и Уэлльса пытался побить установленный Мирсом рекорд американский журналист Джон Гольдштром, который отправился 19 мая с. г. также из Нью-Йорка и через 7 суток, 19 час. 20 мин. прибыл в Москву. Из Москвы он на поезде доехал до Читы, где предполагал пересесть на японский самолет, что однако не удалось, и он вынужден был отказаться от попытки побить рекорд Мирса.

САМЫЙ ВЫСОКИЙ ВОДОПАД НА ЗЕМЛЕ.

В дневнике умершего в 1924 г. путешественника по Африке Джемса Скотта Броуна содержится интересное описание водопадов на реке Каламбо (в Африке), образующей границу между Северной Родезией и Танганайкой. Вблизи Аберкорна нормальное течение р. Каламбо неожиданно прерывается, и река круто низвергается вниз большим водопадом с высоты в 360 метров. На расстоянии около 400 м. от подножья главного водопада река снова образует другой водопад, высотой около 60 м. Из европейцев до сих пор никто еще не дал описания указанных водопадов, из которых первый—втрое выше водопада Виктория на р. Замбези—(116 м., в Африке же), и даже второй превосходит Ниагарские водопады (50 м.).

ЭКСПЕДИЦИЯ НА ОСТРОВ ВРАНГЕЛЯ.

В половине июля из Владивостока отправился на остров Врангеля пароход «Ставрополь». Обычно состояние льдов не позволяет подойти к острову, но в нынешнем году условия считаются вполне благоприятными для совершения этого полярного рейса.

Экспедицией будет выполнен ряд работ по изучению острова, организации на нем промыслов и т. п.

Экспедицией намечены и научные работы. На острове будет установлена метеорологическая станция, в задачу которой входит также систематическое наблюдение за движением и состоянием льдов. По заданиям от Академии Наук СССР будет произведен сбор коллекций флоры и фауны острова. Кроме того, экс-

педиция займется составлением точной карты острова, так как имеющаяся карта Вилькицкого далеко не полна.

Будет произведена и геологическая разведка. До сих пор точно не установлено, является ли в прошлом остров Врангеля продолжением материка, или это—самостоятельная геологическая единица.

Разведочную службу во время плавания будет нести гидроплан.

Экспедиция отправилась на три года.

ПОЛЕТ НА ЛУНУ.

Нью-йоркская газета «Эхо дня» напечатала сенсационное сообщение о том, что ракета профессора Годдарда закончена и готова к полету на луну. Требуется одиннадцать человек, желающих полететь на луну. По сведениям газет, желающих быть «выстреленными на луну» нашлось пятьдесят два человека; из них будут выбраны наиболее выносливые. Отлет «должен состояться 10 августа».

Поскольку, однако, дальнейших сообщений в прессе не появляется, а 10 августа уже прошло, нужно считать эту «сенсацию» по меньшей мере преждевременной.

Тем не менее существование проекта Годдарда — вовсе не газетная утка: профессор серьезно работает над проблемой междупланетных сообщений, и научное обоснование идеи его ракеты является неоспоримым.

В № 2 «Всем. Следопыта» за 1925 год был помещен очерк «Осада неба», где уже давалось описание этой ракеты и разбирался ряд других проектов. (См. также заметку «Полетим ли мы все-таки на луну» в № 3 «Следопыта» за тек. год).

НЕВЕДОМЫЕ ЗЕМЛИ.

Не так давно в газетах промельнуло сообщение о том, что одной из экспедиций наркомзема открыт совершенно «необжитый» район по правому берегу р. Енисея, между Красноярском и Канском. Район обнимает до 80.000 десятин и прорезывается многоводной рекой, не занесенной на географические карты и не имеющей названия. Река кишит рыбой, поверхность района покрыта богатой растительностью. Для заселения новый район вполне пригоден.

В первую минуту это сообщение вызывает удивление: недалеко в сторону от большой судоходной реки обнаружен «необитаемый остров»!

Но для Сибири, еще мало исследованной, это не удивительно, если даже в центре СССР встречаются подобные же «казусы». Например, прошлой осенью экспедиция Полтавского Музея обнаружила остатки средневековья в Миргородской округе, в местечке Хомутец. Здесь существует в своем роде единственный «гончарный цех». Существует он свыше трехсот лет и насчитывает до двухсот членов. Старый быт и традиции цеховщины сохранились до последних дней во всей неприкосновенности. Цех имеет свой архив, поступивший сейчас в обработку.

Если такие «находки» встречаются в центре Советского Союза, то нет ничего удивительного в том, что где-нибудь на далеком севере, в необозримых просторах северных морей «потеряются» один-два острова.

А такие потери есть.

Вот остров «Большой Диомид» в Беринговом проливе. Он принадлежит Советскому Союзу, но десяток лет считался в «нетях». За этот десяток лет ни одно русское судно не зашло на остров. Население острова не имело абсолютно никакого представления о том, что происходит у нас. До сих пор остров продолжал считать Россию монархией. Янки воспользовались оторванностью острова и целиком подчинили его своему влиянию. Американцы приспособили даже для этой цели специальную шхуну, курсировавшую в ближайших водах Берингова пролива.

Недавно остров «Большой Диомид» посетил советский пароход «Воровский» во время своего кругосветного плавания.

Аналогичная история произошла с другим островом, называвшимся «Землей Николая II».

Остров этот был открыт в 1913 году Вилькицким по пути из вод Тихого океана в Атлантический, к северу Мыса Челюскина. До сих пор остров является одним из наиболее неисследованных уголков земного шара, не имеющим даже очертаний на географических картах. Изучению острова придается международное значение, так как он является одной из самых северных точек, на которой можно устроить станцию для наблюдения за состоянием погоды и льдов. Остров может служить и в качестве базы аэропланного сообщения из Европы в Азию и Америку.

По всем этим причинам бюро с'ездов Госплана разрешило произвести исследование острова, широкое и всестороннее.

Кстати сказать, старое наименование острова только в январе нынешнего года заменено президиумом ВЦИК новым: остров переименован в «Северную Землю». Одновременно острову «Цесаревича Алексея» присвоено наименование «Малый Таймыр», а остров, открытый в 1922 году в заливе Гыдаямо и не имеющий названия,—назван «Островом Шокальского».

Ответств. редактор **В. Нарбут.** Зав. редакцией **Вл. А. Попов.**

Издательство „Земля и Фабрика“ (ЗИФ)

МОСКВА, Кузнецкий Мост, дом 13.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА НА 1926 ГОД

(II год издания)

„30 ДНЕЙ“

Иллюстрированный ежемесячник

ОБЩЕСТВЕННО-ЛИТЕРАТУРНЫЙ, ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ, НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛ.

В каждом номере около 100 страниц текста, в красочной обложке.
Лучшие писатели помещают свои новейшие произведения в журнале **„30 ДНЕЙ“**.
Ответы на волнующие советского читателя вопросы дают в журнале **„30 ДНЕЙ“** государственные, общественные и научные деятели.

Известные художники и фотографы иллюстрируют все рассказы, статьи и корреспонденции.

„30 ДНЕЙ“ освещает жизнь и быт Советского Союза и всего мира.

В 1926 году „30 дней“ дает своим подписчикам:

12 книг богато-иллюстрированного журнала, 24 книги бесплатного приложения «Библиотека Сатиры и Юмора».

Кроме того, все подписчики на 9 месяцев, выславшие подписную плату сполна, получат в виде особой бесплатной премии большую повесть И. Лунченкова: **„За чужие грехи“** (Казаки в эмиграции) с предисловием С. Буденного (196 страниц).

Все полугодовые подписчики, внесшие подписную плату сполна, получат повесть Д. Туманного: **„Американские фашисты“**.

№ № 1, 2 и 3 разошлись полностью, и подписка принимается только с № 4

УСЛОВИЯ ПОДПИСКИ:

3 мес.	с 6-ю книжками «Библиотеки»	— **1** р. **50** к.
6 „	с 12-ю „ „	— **3** р. — к.
с № 4 до конца года (9 №№)	с 18-ю „ „	— **4** р. **50** к.

Цена отдельного номера в розничной продаже — **60** коп.

БИБЛИОТЕКА ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ФАНТАСТИКИ

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СЕРИЯ СБОРНИКОВ НЕОБЫЧАЙНЫХ РАССКАЗОВ „ГЕРОИ ТРУДА“

под редакцией Вл. А. Попова.

1. Канадский следопыт. 5 рассказов, с 4 рис., 96 стр., ц. 50 коп. 2. Драма в воздухе. 7 рассказов, с 4 рис. 72 стр., ц. 40 коп. 3. Радио во льдах. 5 рассказов, с 4 рис., 72 стр., ц. 40 коп. 4. Огненный Биль. 4 рассказа, с 4 рис., 72 стр., ц. 40 к. 5. Мост на Миссури. 6 рассказов, с 4 рис., 72 стр., ц. 40 к. 6. Подвиг телефонистки. 5 рассказов, с 4 рис., 72 стр., ц. 40 к. 7. Необычайный поединок. 4 рассказа, с 4 рис., 72 стр., ц. 50 коп.

ИЗБРАННЫЕ РАССКАЗЫ ИЗ СЕРИИ „ТРУЖЕНИКИ МОРЯ“

под редакцией Вл. А. Попова.

1. Светочи моря. 6 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 2. Странники моря. 6 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 3. Жнецы моря. 6 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 4. Подводные люди. 5 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 5. Морские охотники. 5 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к. 6. Герои морских берегов. 5 рассказов, с рис., 112 стр., ц. 55 к.

СЕРИЯ НЕОБЫЧАЙНЫХ „АВИО-РАССКАЗОВ“

под редакцией Вл. А. Попова.

1. Пионеры воздушного океана. 5 рассказов, с рис., 84 стр., ц. 40 к. 2. В песках Сахары. 5 рассказов, с рисунками, 68 стр., ц. 45 к.

ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ СЕРИЯ СБОРНИКОВ „ЛИКИ ЗВЕРИНЫЕ“

под редакцией Вл. А. Попова.

1. Слоны. 112 стр., с рис., ц. 55 к. 2. Тигры. 112 страниц, с рис., ц. 55 к. 3. Обезьяны. 112 стр., с рис., ц. 55 к. 4. Собаки. 112 стр., с рис., ц. 55 к. 5. Кошки. 128 стр., с рис., ц. 40 к. 6. Медведи. 112 стр., с рис., ц. 35 к. 7. Крысы. 112 страниц, с рис., ц. 55 к. 8. Кони. 128 стр., с рис., ц. 55 к.

ПОДПИСКУ И ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва. Кузнецкий Мост, 13, Издательство „ЗЕМЛЯ И ФАБРИКА“.

ПРОДОЛЖАЕТСЯ ПОДПИСКА

НА ЕДИНСТВЕННЫЙ В СССР ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ПУТЕШЕСТВИЙ, ПРИКЛЮЧЕНИЙ, ОХОТЫ И НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКИ

ВСЕМИРНЫЙ СЛЕДОПЫТ

(II год издания)

ПОДПИСНАЯ ЦЕНА: 10 мес. (с № 3 по № 12 вкл.) — 3 р. 60 к.; 6 м. — 2 р.; 3 мес. — 1 руб.

Подписчики „ВСЕМИРНОГО СЛЕДОПЫТА“ на 10 мес. получат:

10 №№ богато-иллюстрированного журнала типа „Вокруг Света“ в многокрасочных обложках американского стиля, содержащих романы, повести, очерки и рассказы путешественническо-приключенского характера и увлекательной научной фантастики и 4 иллюстрированных сборника из библиотеки „Герои и Жертвы Труда“, содержащих 24 необычайных рассказа из жизни тружеников разных стран и народов.

1) „Огненный Бандит“, 2) „Драма в воздухе“, 3) „Мост из Миссуры“, 4) „Подвиг телефонистки“.

Полугодовые подписчики получат:
6 №№ журнала и 2 сборника
из библиотеки „Герои и Жертвы Труда“

В виду огромного наплыва подписки, №№ 1 и 2 журнала „Всемирный Следопыт“ разошлись полностью. Издательство имеет возможность принимать новую подписку, начиная только с № 3.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Издательство „ЗЕМЛЯ и ФАБРИКА“ (ЗИФ),
Москва, Кузнецкий Мост, 13.